

Валерий Сабитов

ОШИБКА ФАЭТОНА
научно-фантастический роман

книга первая
ЦИТАДЕЛЬ

16+

Валерий Сабитов

Ошибка Фаэтона.
Книга первая. Цитадель

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сабитов В.

Ошибка Фэтона. Книга первая. Цитадель / В. Сабитов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Первая книга романа «Ошибка Фэтона» посвящена началу открытого контакта человечества с истинными хозяевами планеты, обитающими в скрытом измерении легендарной Шамбалы. Оказывается, сообщество высокоразвитых фэтов также неоднородно и раздирается внутренними проблемами, находящими прямое отражение в жизни как отдельных государств, так и планеты в целом. Правящая элита фэтов готовит принудительное выселение землян на Венеру и Марс.

Содержание

Часть первая	6
1. Возвращение легенды	6
2. Леран, сын Ирвина	14
3. Барт Эриксон	27
4. Лик забытых лет	43
5. Расстрел в Нью-Прайсе	61
6. Трилистник в небе	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валерий Сабитов
Ошибка Фэтона. Книга первая. Цитадель
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Часть первая Золотой дождь

1. Возвращение легенды

Воскресное утро в Сент-Себастьяне и его предместьях началось сенсацией. Крупнейшая в городе независимая газета «Палитра побережья» в предутреннем выпуске отдала ночному событию всю первую полосу. Центральное место заняла статья известного обозревателя горячих тем Джимми Козловски, дополненная цветной фотографией ночного неба, испещрённого косыми ярко-жёлтыми линиями. Заголовок статьи был оригинально интригующ:

«Вы думаете, метеорный рой? Как бы не так!»

С трёхчасовым запаздыванием тему подхватили репортёры прочих воскресных изданий, редакции новостей радио и телеканалов, дополнивших сообщение Джимми новыми подробностями. Но материал, подготовленный Козловски и напечатанный по личному указанию владельца и главного редактора «Палитры» Харлоу, остался в центре внимания читающей публики города и быстро разбудил любопытство моряков гражданских судов, жителей близлежащих посёлков, и даже личного состава базы военно-морских сил «Стар-Форт».

Надо признать, успех Джимми был заслужен. Он успел за ночь побывать с фотоаппаратом и видеокамерой в море, опросить очевидцев, поднять целый пласт данных, подтверждающих неординарность запечатлённого им явления. Среди искушённых читателей укреплялась уверенность, что Джимми был готов к ночному происшествию, и оно для него вовсе не стало неожиданным.

Благодаря своему обозревателю шеф-редактор Харлоу провёл бессонную ночь, а его любимая и всеми уважаемая «Палитра...» вышла из печатного станка на час раньше обычного.

Обратимся же к статье Джимми Козловски.

«Незадолго до полуночи рыбацкий посёлок Нью-Прайс охватила паника. Вернулось прошлое! Да, так как произошло то, что считалось легендой, кочующей по морям всех океанов из столетия в столетие.

В Нью-Прайсе ложатся поздно. Потому всё население посёлка, а не только рыбаки, возвращавшиеся с последним уловом, стали свидетелями необычного небесного явления.

Вдруг, без всякого предзнаменования, с неба в море полились струи золотого дождя. Да, того самого золотого дождя, который приносит несчастья и перемены к худшему тем, кто увидел его собственными глазами. И уж непременно беда ждёт того, кто оказался в месте падения золотых струй или капель. Так говорит старая легенда.

Моряки и рыбаки всего мира знают, что место падения золотого дождя непременно застилает непроницаемый туман. Из самой его глубины распространяется холодящий сердце страшный звук. А внутри туманного облака над морем распускаются диковинные цветы, которых человеку видеть никак нельзя.

Красивая и загадочная легенда... Готовя данный отчёт, я вспомнил разговор со своим коллегой, ведущим хронику происшествий в одной из газет страны от нас далёкой, расположенной на берегах моря Сюрпризов.

К моему и вашему счастью, диск с записью разговора сохранился, и мне удалось воспроизвести для вас, дорогие читатели, самые интересные моменты его рассказа.

Жители тамошнего побережья хранят предания тысячелетней древности. Они убеждены, что в давние времена нашей доброй старушкой Землёй владели «золотые люди». По неизвестной нам причине они покинули планету. А теперь возвращаются на свою незабываемую родину.

Золотые дожди над морями говорят: вскоре нам, обычным людям, придётся уступить своё место под солнцем неким «золотым» хозяевам Земли.

Я внимательно ознакомился с протоколом допроса полицией профессионального ныряльщика за жемчугом, проведённого двадцать лет назад. В море Сюрпризов тогда наблюдалось такое же явление, что и прошедшей ночью у Нью-Прайса. Место падения золотого ливня изобиловало жемчужными раковинами, и ныряльщик с напарником решили не обращать внимания на густой туман и побороли собственный страх. Ведь для них жемчужный промысел, – единственный способ добывания средств для жизни.

Через неделю после золотого дождя, уйдя на глубину за очередной раковиной, ныряльщик увидел на дне нечто необыкновенное. Видение можно объяснить разными причинами. И слабой освещённостью, даваемой примитивным фонарём; и желанием прославиться, используя игру воображения; и нарушением психики в результате кислородного голодания.

Тем не менее, в протоколе говорится, что собиратель жемчуга обнаружил на донном песке обнажённую женщину с чешуйчатым хвостом, отливающим золотом.

Выражение ужаса на лице товарища, поднявшегося в лодку, так поразило его напарника, что он немедленно взялся за вёсла. После того происшествия несчастный собиратель подводных богатств потерял рассудок и мог говорить только о женщине, виденной им на дне.

Аквалангисты, обследовавшие море в том месте, уже после того, как рассеялся туман, не нашли ни «золотой русалки», ни потерянных фонаря с ножом.

В этом деле есть ещё одно любопытное свидетельство. В пяти милях от места падения золотого дождя, на северном берегу моря Сюрпризов располагается знаменитый международный курорт. Вот о чём докладывал руководитель морской спасательной службы курорта шерифу прибрежного округа...

– ...В тот момент я находился на наблюдательной вышке, проверял работу подчинённых. Что? Нет, я не пью на работе. Но вы видите, какая жара стоит в этом сезоне! А сегодняшний день совсем из ряда вон. Произошло это, когда солнце только-только прошло полпути. Единственное спасение, – вода. В море мне, само собой, нельзя – служба предписывает находиться на посту. Сезон в разгаре, спасателей не хватает, и я вынужден сам сидеть ежедневно на вышке. Вы знаете, сколько нам платят. Едва хватает на то, чтобы не умереть от жажды. Так вот, только я приложился к бутылочке пива из холодильника, наблюдатель с дальней шлюпки докладывает по уоки-токи, что видит даму, заплывшую за пределы охранной зоны западного сектора. Я немедленно связался со спасателем этого района и приказал навести порядок. Тот доложил, что заметил нарушительницу и уже направляется к ней.

В бинокль я тоже увидел за буйками ограждения женщину с золотыми волосами, плывущую в открытое море. Что? Нет, и мои подчинённые на службе не пьют. Такое исключено, у нас строго. Где они найдут работу, да ещё такую, чтобы круглый день отдыхать на элитном пляже?

Конечно, я приказал взять женщину на борт спасательной шлюпки и доставить на берег. Я лично наблюдал, как шлюпка шла на сближение с золотоволосой нарушительницей. Плыла она, должен заметить, классно, чувствовалась хорошая школа. Уж в этом я понимаю. Спасателю оставалось до неё десятков метров, когда она исчезла в воде. Нет, ни криков о помощи, ни признака неблагополучия. Море спокойное, акул у нашего побережья не водится. Не иначе, сама нырнула.

Двухчасовые поиски результатов не дали. Я сделал объявление по всему пляжу, сообщил в полицию. Вы уже знаете, заявлений о пропаже женщины, да и вообще кого-нибудь, не поступало. А такая золотоволосая красавица не могла остаться на берегу незамеченной. Но никто её не запомнил. Что? Нет, никаких объяснений у меня нет...

Вот такая странная история произошла на другой стороне нашей планеты. Кстати, замечу: полиция всюду работает одинаково, – следов золотоволосой дамы не нашли и дело закрыли.

Но вернёмся поближе к Сент-Себастьяну. Этой ночью мне удалось встретиться со свидетелем любопытного происшествия в нескольких милях севернее «Стар-Форта». Случилось оно в дни молодости моего собеседника, а сейчас ему за шестьдесят. К сожалению, точную дату он не помнит, как не может объяснить, по какой причине он оказался в тот день на берегу моря у военной базы, да ещё и в одиночестве.

Любопытствующим я готов сообщить имя этого человека приватно. Он просил не называть его в газете.

Молодой искатель приключений, заметив на море сгусток бело-розового тумана, принял его за дымовую завесу и решил выяснить, что за ней скрывается. Он мужественно бросился в море без всякого снаряжения и доплыл до цели. Увиденное в тумане поразило его. Несколько (точное число он не запомнил) громадных цветов, застывших прямо на поверхности воды; белые, как свежий снег, лепестки сомкнуты в бутон, опирающийся на раскинутые звездой зеленовато-синие листья.

Пробившийся сквозь туман солнечный луч на мгновение осветил один из бутонов и замерший пловец будто бы различил контур человеческой фигуры, спрятанной внутри белых лепестков.

Что было дальше, он не помнит: после этого видения надолго потерял память. Причину амнезии врачи не определили. Воспоминания проснулись в нём недавно, благодаря чему я имею возможность познакомить вас...»

Далее досужий Джимми Козловски описывает ещё несколько невероятных случаев, зафиксированных в разных районах мирового океана. Примерно в том же ключе, но не столь ярко и эмоционально, писали в то утро и день корреспонденты других газет. На одном из городских телеканалов сообщили даже, что смогли промоделировать звук, исходящий из-за завесы странного тумана. Оказывается, звук порождает не только панический страх до дрожи по всему телу, но и буквально леденит кровь. Да так, что она сгущается в жилах и делается густой как клюквенный кисель. А с клюквой вместо крови нормально жить, естественно, не просто.

Один учёный профессор, бывший священник, заявил по радионовостям, что после золотых дождей море выпускает дьявола, посылаемого нам в наказание за грехи. Данное явление, таким образом, – предвестие Судного дня и каждому стоит призадуматься о своей судьбе...

Обыватели Сент-Себастьяна отнеслись к сенсации довольно спокойно, оживлённо обсуждая за утренним кофе многочисленные догадки и гипотезы, посмеиваясь над суеверной наивностью необразованных рыбаков, и доверчивостью моряков, принявших выдумку известного всем Джимми Козловски всерьёз.

Медицинский департамент сообщил, что госпитализировано несколько человек, видевших золотой дождь. Диагноз прост, – приступ депрессии. Тяжелее других чувствует себя моряк, – вахтенный торпедного катера «Иллинойс», непосредственно наблюдавший завесу густого тумана.

Говорили о рыбаке из посёлка Нью-Прайс, оказавшемся ночью в эпицентре загадочного природного явления. Он заметил падающие на него сверху золотые струи в ту самую секунду, когда собрался было поднимать последний невод. Не раздумывая, рыбак обрубил стропы сети, канат якоря, и устремился к берегу не оглядываясь, на максимальной скорости.

Рыбак этот индейского происхождения, видел всякое в жизни и не потерял как самообладания, так и памяти. Но с журналистами об увиденном говорить отказывается.

Через три дня в городе начались гастроли секс-примы певицы Марианны в сопровождении смешанного стриптиз-ансамбля, приехал глобально знаменитый маг-кудесник Честерфилд, и просвещённое общество забыло о золотом дожде у Нью-Прайса. Обращение городских средств массовой информации к интригующим эпизодам из личной жизни Марианны, к описаниям прелестей певицы и стриптизёрок со стриптизёрами, а также попытки разгадать

чудеса великого мага не дали возможности изобретательным творцам горячих новостей связать усиление беспорядков в городе с золотым дождём. Начальник полиции города Чарли Стивенс объяснил оживление преступности вышеупомянутыми гастролями и разгаром туристического сезона.

Кражи, грабежи, изнасилования, убийства шквалом прокатились по кварталам и улицам, задав полиции небывалый темп и напряжение, переполнив камеры полицейских участков.

А информация, скрытая военным командованием, вовсе не коснулась ушей общественного мнения. Управление базы военно-морских сил в Стар-Форте приняло особые меры для наведения должного порядка в своих подразделениях. Основания для введения чрезвычайного режима были несомненны и обоснованы.

Началось с того, что воскресным днём истребитель военно-морских сил, взлетевший с палубы авианосца «Нэйшнл», ухитрился таранить транспортный «Боинг-777», перевозивший груз особой государственной важности. Оба самолёта взорвались в воздухе и рухнули в море. Официально причиной катастрофы посчитали туман и ошибку в работе навигационных приборов. Но если бы кто-нибудь удосужился проверить воскресную метеосводку, то наверняка бы удивился. Ибо она свидетельствует: погода стояла прекрасная, никакого тумана и в помине не было. Если не считать помехой для воздушного движения плотную завесу над небольшим участком акватории, поднимающуюся над поверхностью моря не более чем на тридцать метров.

Вечером в воскресенье, почти через сутки после золотого дождя, в портовом ресторане произошла небывалая по размаху и трагичности потасовка военных моряков и докеров. Полиция не смогла справиться своими силами, и для прекращения кровавой драки привлекли роту морской пехоты. Печальный итог: более десятка убитых, полсотни тяжело раненых. Описание этого происшествия напоминало эпизод с театра боевых действий.

В понедельник экипаж боевого крейсера «Морская звезда» в полном составе не вернулся из берегового увольнения. Моряки, возвращённые на корабль принудительно, отказались выйти в море. Объяснение у всех одно, – непонятный, панический, смертный страх. В итоге намеченные на следующую неделю морские манёвры отменили.

Странно или нет, но эти события никто не связал с ночным происшествием у Нью-Прайса. Только один из журналистов, сопоставив ставшие известными ему факты недели и сведения о золотом дожде, решил начать собственное расследование.

Барт Эриксон, ведущий тележурнала «Мир и наука» государственной телекомпании Сент-Себастьяна «Независимость и прогресс», утром четвёртого дня после ночной сенсации, прибыл на своём стареньком «Бьюике» в рыбацкий посёлок Нью-Прайс. Предусмотрительно оставив в машине телекамеру, диктофон, пиджак и галстук, демократично закатав рукава белой рубашки, он осмотрелся и отправился по домам рыбаков.

Берег тих и пустынен. Лодки кособоко покоятся на песчаных ложах, сети висят на растяжках, в море никто и не собирается.

Первая же встреча показала Барту: его собратья здесь хорошенько потрудились, и местное население выработало иммунитет к гостям из любопытного города. Все как один упорно не слышали его вопросов о золотом дожде, тумане или морских цветах.

Отсутствие производственной активности рыбаки объяснили немногословно и непонятно: наступил плохой период, надо переждать. Никто не посмотрел ему прямо в глаза, не предложил чашечку кофе или просто воды. В воздухе витали испуг и настороженность.

Контраст в восприятии одного и того же события обитателями асфальта и людьми моря поразил Эриксона. Восставшая из мрака прошлого легенда о золотых людях, решил он, больно задела чувствительные сердца людей, непосредственно связанных с природой и зависящих от неё. Обойдя десятка два домов, ничего не выяснив ни у рыбаков, ни у их жён или детей, жур-

налист решил было плюнуть на свою затею и возвратиться в город, как увидел на берегу одинокую фигуру.

Рыбак лет пятидесяти, с лицом, изборождённым глубокими морщинами, спокойно сидел у лодки и чинил сеть. Неторопливые уверенные движения, твёрдый взгляд, – всё говорило о том, что этого человека всеобщая скрытая паника не затронула.

Эриксон подошёл ближе, пожелал рыбаку здоровья, назвал своё имя и присел рядом на пустую канистру, не заботясь о состоянии брюк. Несмотря на ответное молчание, он понял, что рыбак оценил его непосредственность и продолжил:

– Я не привык и не хочу вам лгать. Вы угадали, я журналист. Из телевидения. Но здесь не по служебному заданию. Всё, что вы мне расскажете, не выйдет на экран или газетные страницы. Достаточно ли обещания?

Рыбак поднял голову и посмотрел на Эриксона спокойным, но тяжёлым взглядом.

– Тогда зачем вы здесь? – голос его был твёрд, с преобладанием низких глуховатых тонов.

– Мне самому надо разобраться. Не знаю что, но что-то внутри тянет меня к этой тайне. Мне хорошо известно: когда происходит что-нибудь важное, мои коллеги только запутывают дело. Мне же хочется добраться до правды. И не ради сенсации.

– Какую правду вы хотите отыскать в Нью-Прайсе? – рыбак ничем не показал, что принял откровенность Эриксона.

– Я обошёл половину посёлка. В море никого, на берегу вы единственный. Все заперлись в домах и молчат. В душах людей поселился ужас. Откуда? Неужели старая сказка о каком-то заколдованном дожде способна так запугать людей? Людей, которые постоянно рискуют жизнью! Ведь это простое совпадение...

Старый рыбак опустил сеть на песок, не торопясь раскурил сигарету, выдохнул синеватый клуб дыма. Воздух вокруг Эриксона сразу же потерял ватную вязкость, он услышал шорох моря, катящего по влажному песку, ощутил приторно-горький запах оставленных ночным приливом водорослей. Стало уютно, будто он вернулся в детство, в дом своего отца. Он непроизвольно вздохнул и остановил широко раскрытые глаза на красно-коричневой крепкой руке; большой и указательный пальцы сжимают сигарету. Рука с сигаретой была неотличима от другой, оставшейся в памяти.

Оглядев прищуренным взглядом Эриксона, рыбак докурил сигарету, затушил окурком об осколок раковины и сказал, всё так же спокойно, делая резкие паузы между короткими фразами.

– Совпадение... Я Ирвин Кронин. Я прожил долгую жизнь. Но никогда не видел столько журналистов. Сколько за последние три дня. Неужели им всем находится работа в Сент-Себастьяне?

– Всем, – улыбнулся Барт, – Некоторые из них... Из нас, – поправил себя он, – получают баксов за год больше, чем вы за свою жизнь заработали. В моём ведении научный тележурнал, мне платят не так уж много.

– Поверьте мне, Барт... Я правильно запомнил ваше имя? – Эриксон кивнул, – Поверьте моему чутью. Бросьте вы это дело. Оно не для вас. Ни к чему хорошему оно не приведёт. Вы не из тех, кто относится к жизни легко.

– Всё-таки не совпадение, – улыбнулся Барт; предупреждающие слова человека, так похожего отдельными чертами на его отца, сняли остатки напряжения, – Всё-таки вы что-то знаете, – Он вспомнил, что именно на рыбака по имени Кронин ссылался Джимми Козловски в своей нашумевшей статье.

– Я знаю то, что знают все. Но, – вы правы, – страх сковал людям язык. С этим ничего не поделать. Изматывающий труд. Неуверенность в завтрашнем дне... Так из года в год. Городу нужна рыба, а не мы. Вы не знаете, что это такое. Тяжёлые мысли не проходят бесследно, они делают характер. Золотой дождь, – не причина страха, а повод.

Кронин впервые произнёс вслух запретные в посёлке слова. А Эриксон поразился философской глубине рассуждений простого, наверняка не очень грамотного рыбака.

– Я понимаю вас. Поверьте, я знаю жизнь таких, как вы, потому что родился и вырос в семье рабочего. Мой отец трудился на рыбозаводе в Сент-Себастьяне. Три сестры, я младший. Отец сделал всё, чтобы дать мне образование и освободить от кабального труда. Долг мой перед ним неоплатен. Десять лет я на телевидении, пять лет его нет с нами. Мама и сёстры живут нелегко. Чтобы мне заработать столько баксов, сколько им нужно, требуется сменить работу. Стать вором, рэкетиром, или бизнесменом удачи, нацепить тяжёлые очки и пёстрый галстук. Но я всего этого не могу, что и мучает... В городе живётся не легче, чем в вашем посёлке. Алкоголь, наркотики, бандитизм... У вас люди чище. Жаль, всё меньше остаётся таких посёлков, как Нью-Прайс.

Кронин внимательно посмотрел в потемневшие глаза Эриксона, молча выкурил ещё сигарету. И снова мир вокруг Барта изменился. И всё то, что только что занимало его, стало лишним, ненужным. Остался только добрый, давно знакомый голос, сотворённый самим морем. То же море смотрело на него синими глазами напротив.

– ...Всё живое началось с дождя. Золотой он был или обычный, – не так важно. Мой дед был вождём племени навахо. Он говорил со мной обо всём. Индейцы навахо тогда думали иначе, чем сейчас, иначе, чем белые люди во все времена. Я – не белый человек. Но уже и не индеец. Дед говорил и о золотом дожде. Те, кто прячется в домах посёлка, не слышали его слов. Увидеть золотой дождь, – к счастью. А если ты оказался в море рядом с ним, – не мешай ему. Торопись на берег. Тогда он не тронет...

– Редкие события помнятся долго, – заметил Барт, – Расскажите мне о дождях.

– Вода с неба целительна, её капли несут жизнь. Дожди, которых надо бояться, делаются людьми. Они – не с неба.

Эриксон понял, что Кронин подумал о кислотных и прочих отравленных осадках, всё чаще низвергающихся на города, поля и головы людей. Похоже, Ирвин Кронин, живущий только морем и маленьким кусочком берега, знает о мире несколько не меньше, чем он, человек вселенной. А понимает, пожалуй, побольше. То ли действуют гены мудрого деда-индейца, то ли рыбак познаёт мир не одним разумом.

– Чем тяжелее людям, тем больше суеверий, – продолжал Кронин, – Люди цепляются за прошлое в страхе перед будущим. Да, золотой дождь не прост. Не случайно он приносит туман. Дыма без огня не бывает. Но надо ли лезть во всякую тайну? Впрочем, это ваше дело.

Эриксон поёрзал на канистре, забыв о том, что сидит не в чистом кресле студии. Предостережения рыбака разожгли в нём потухшее было любопытство. Впервые за многие годы оно не несло в себе никакого отпечатка профессионализма, а исходило из внутренней, собственной потребности.

– Скажите, Ирвин, вы видели золотой дождь? Не смотрите на меня как на корреспондента, я уже забыл, что был им.

– Что ж... Если вы, Барт, сегодня частное лицо... Да, я видел золотой дождь. Он застал меня в минуту, когда я собирался тащить сеть. Моя лодка оказалась в самом центре... И откуда он взялся? Я бросил сеть и вернулся домой.

– И это всё?

– Нет. Не всё. Следующей ночью я снова отправился в море. Не за сетью, её уже нельзя было трогать. Люди были напуганы, никто не заметил моего выхода. Знали только Мария и Леда, жена и дочь. Но и они не всё. То место я нашёл сразу, – туман чуть светился. И фонарь не понадобился. Я выключил мотор, немного постоял. Потом взялся за вёсла...

Кронин замолчал. Эриксон ясно видел, что он скрывает волнение, закуривая очередную сигарету. Видно, непросто ему дались эти ночи и дни. Барт тоже молчал, ожидая, пока рыбак успокоится, боясь потревожить и тем отвлечь от воспоминаний. Из опыта он знал, что необы-

чайное обязательно жжёт человека изнутри, и ему требуется поделиться им с другим, облегчить сердце.

– ...Я видел собственными глазами. Всё было так, как говорится в легенде, хранимой в моём роду. В самой гуще тумана, прямо на воде лежал большой цветок. Высотой в половину моего роста. Он распухал и поднимался прямо на глазах. Я наблюдал за ним несколько часов. А вокруг – бело-розовое сияние...

Кронин снова замолчал, а Эриксон попытался представить себе картину, нарисованную скупым языком рыбака. Сияющий туман, диковинный цветок... Близость тайны, возвращение легенды... Сколько надо мужества, чтобы спокойно смотреть на это чудо, на подаренный вдруг небом праздник непривычной красоты!

– ...Какой он был? Бутоном из семи сомкнутых лепестков. Белых, как сгустившийся туман. Такие же светящиеся. Да, семь лепестков, я осторожно обошёл его и хорошенько рассмотрел. И зелёные листья на воде, у основания бутона. Они и держали цветок. Стебля я не видел. Если он и был, то уходил в глубину. Перед рассветом я налёг на вёсла и, – домой. Мотор больше не заводил. Понял, – не моё это дело. Что мы знаем о мире? А не знаешь – нечего вмешиваться. У всякой жизни своя судьба...

– А звук? Звук был? – спросил Барт, поняв, что свидетель упавшей с неба «жизни» рассказал практически обо всём, что видел.

– Звук? Не знаю... Я ведь уши заткнул ватой. Дед говорил: человеку нельзя такое слышать...

Они посидели ещё около часа, больше не затрагивая тему золотого дождя, обмениваясь простыми обычными словами о жизни и работе в рыбацком посёлке близ большого города.

Кронин вернулся к сети, и Эриксон поднялся с канистры. Перед прощанием он попросил разрешения навестить рыбака ещё и получил молчаливое согласие. Он шёл к машине мимо настороженно молчащих домов. Ноги вязли в песке, тишина отзывалась шуршанием и скрипом.

* * *

На седьмое утро после визита Барта Эриксона в Нью-Прайс дочь Ирвина Кронина Леда вынуждена была прервать своё обычное дело, приносящее весомую прибавку к семейному бюджету. Море после прилива оставляло в песке съедобные моллюски; их сотнями потребляли гурманы Сент-Себастьяна.

Пройдя за северный мыс, Леда увидела неподвижно лежащего на песке человека. Не раздумывая, она подбежала к нему. Человек лежал ничком, обнажённый, без признаков жизни.

Дети Нью-Прайса с рождения знают, как оказывать первую помощь в подобных случаях. Леда перевернула человека на спину, сняла с шеи цветистый лёгкий платок и накрыла им его ниже пояса. Затем проверила пульс, убедилась, что незнакомец ещё жив и принялась за восстановление дыхания, будучи убеждена, что его выбросило море. Вывод её был вполне обоснован: всякие следы на берегу отсутствовали, одежды поблизости тоже не было.

С радостным удивлением убедившись, что воды в лёгких принесённого морем нет, она сделала ещё десяток вдохов изо рта в рот и провела массаж грудной клетки. Грудь найдёныша зашевелилась, и Леда остановилась, получив возможность рассмотреть спасённого юношу. То, что лет ему примерно столько же, сколько и ей, было очевидно. И ещё она обратила внимание на то, что он очень красив, таких она ещё не видела на своём берегу. Красноватая шелковистая кожа, золотые локоны до плеч, развитые мышцы, лицо с очень правильными нежными чертами. А когда он открыл глаза, Леда ещё раз удивилась, – таких глаз она тоже ещё не видела. Вместо радужной оболочки крупный чёрный зрачок опоясывало широкое золотое кольцо, почти полностью закрывающее белок!

Увидев, что юноша пришёл в сознание, Леда назвала себя и спросила, кто он такой и как оказался на берегу. Реакции не было, – он явно не понимал её. Она попыталась его поднять на ноги, но безуспешно. Тогда, жестами показав, что ему надо оставаться на месте, она побежала в посёлок.

Через час она вернулась с матерью и тележкой для перевозки рыбы. Мария Кронина, рассмотрев лежащего с открытыми бессмысленными глазами юношу, тихо охнула. Ещё через час удивительный спасённый утопленник лежал в постели Леды, а мать с дочерью принялись за обсуждение причин его появления на берегу. Что и стало для Леды вопросом следующих дней: откуда золотоглазый и золотоволосый красавчик взялся на чистом песке у самой воды.

Марию вначале больше беспокоил его необычный внешний вид и то, как отнесётся к присутствию необъяснимой находки в их доме Ирвин. Мнение соседей можно было не учитывать: после почти недельного безделья, связанного с золотым дождём, они так увлеклись навалившимися трудами и заботами, что ничего не замечали за пределами своих дворов. Никто, кроме Марии и Леды, не знал о прибавлении в посёлке нового жителя.

Ирвин Кронин, выгрузив далеко не обильный улов и препоручив рыбу жене и дочери, долго сидел у кровати, рассматривая невиданной внешности юношу, почти подростка. Лицо рыбака, как обычно, ничего не выражало, но голову и сердце переполняли противоречивые мысли и чувства. Наконец, приняв какое-то решение, он поднялся, поправил на спасённом одеяло и присоединился к занятым обработкой рыбы хозяйкам дома.

А для всех других обитателей посёлка день, которому было предназначено открыть новую эру в истории не только Нью-Прайса, прошёл и закончился буднично и обычно.

Страх в посёлке рассеялся вслед за исчезновением участка тумана в море, которое обрело привычный и надёжный вид. Люди вернулись к своим трудам и проблемам. Никто не вспоминал о происшедшем. Требовалось наверстать потерянное время, и рыбаки сутками проводили на море, возвращаясь только для выгрузки улова.

Потому событие, пережившее годами устоявшийся порядок в семье Ирвина Кронина, прошло для других незаметно. Да и разве эта новость из разряда загадочных? Просто к Ирвину и Марии вернулся сын. А к Леде, – брат.

Соседи вспомнили, что Мария родила двойняшек. Девочка, Леда, родилась здоровенькой, а её братику не повезло, получился он хилым и слабым. Мать с детьми поместили в больницу Сент-Себастьяна. Вернулась она с дочерью, вдвоём. Теперь все узнали, что врачи тогда отказались от забот о маленьком сыне Крониных, посчитав его безнадежным.

А Ирвин отвёз его к своим родственникам–индейцам, куда-то к Великим озёрам. Индейцы смогли выводить мальчика, и вот он вернулся в семью. Взрослый и здоровый, только с памятью непорядок...

2. Леран, сын Ирвина

Трое суток Мария и Леда провели у постели золотоглазого и золотоволосого юноши, принесённого в их дом морем. Вечерами после возвращения Ирвина обсуждали основной теперь семейный вопрос: как быть дальше? Наконец, когда на третье утро юноша обрёл подвижность и смог встать на ноги, общее решение было принято. И неизвестный получил имя, – Леран, – данное по предложению Леды. Крониных в Нью-Прайсе и в мире стало на одного больше.

Но состояние здоровья и особенно психики Лерана по-прежнему беспокоило. И следующий день начался с посещения поселковой больницы, в которой за счёт общественных средств работал один-единственный врач.

Ирвин и Леда молча ожидали результатов осмотра в небольшом коридорчике перед дверью смотрового кабинета. Прошёл долгий томительный час, дверь открылась, вышел толстый доктор в белых халате и шапочке, с удивлёнными глазами.

– Сколько лет вашему сыну, Ирвин?

Кронин поднялся со стула, расправил складки клетчатой рубашки под туго затянутым широким кожаным ремнём, чуть помолчал и, хмуро взглянув на врача, ответил:

– Четырнадцать, как и Леде. Я думаю, вы знаете его историю.

– Слышал. От третьих лиц, как говорится, – доктор вопрошающе переводил взгляд с Ирвина на Леду и обратно.

Ирвин пригладил рукой чёрный прямой волос на голове и сказал:

– Он родился очень слабым. Доктора Сент-Себастьяна не оставили никаких надежд. Я отправил его к родственникам. У Великих озёр. Несколько дней назад он вернулся. И новая неприятность. Моя лодка перевернулась. Леран неудачно упал. И потерял сознание.

– И ещё, знаете, он всё-всё забыл, – добавила Леда, подойдя к отцу и взяв его за руку.

– Как быстро ты выросла, Леда, – доктор коснулся рукой её чёрных локонов, – Настоящая красавица! И брат тебе под стать. Думаю, это гены. Не так ли, Ирвин? – Кронин промолчал и он продолжил, – Не волнуйтесь. Вашему Лерану ничто не угрожает, он абсолютно здоров. Завтра можете его забрать.

– Он здоров!? – радостно воскликнула Леда и нетерпеливо спросила, – Тогда почему завтра?

– Леда права, – Ирвин обнял её рукой за плечи, – Что ему у вас делать, если он здоров?

– Как пожелаете, конечно. Я хотел как лучше, – широкое лицо доктора осветила улыбка, – Мне хотелось бы внимательнее осмотреть его. Видно, твои соплеменники, Ирвин, знают великие секреты жизни. Не менее великие, чем озёра, у которых они живут.

Кронин напрягся, левая рука его сжала пряжку ремня.

– Ваш Леран удивительнейший юноша. Чрезвычайно редкое здоровье по нынешним временам. Вначале я даже подумал, что мой томограф вышел из строя. Просто поразительно: организм чист, как у новорождённого. Никаких шлаков, ничего такого. Признаюсь: за двадцать лет практики подобного я не видел. Поразительно! Исключительный случай, поверьте мне. Вам повезло с сыном, Ирвин. Скоро он придёт в себя полностью. Небольшое потрясение, возможно, небольшой удар. И шок...

– Так мы можем забрать Лерана? – нетерпеливо прервала экзальтированную речь доктора Леда.

Ирвин осуждающе посмотрел на неё, но ничего не сказал.

– Видите-ли, он спит. Ему надо отдохнуть. А завтра, – обещаю, – он будет в полной форме. Может, придёте за ним позже? Или будете ждать?

Ирвин Кронин оглядел коридорчик для посетителей, постаравшись не встретиться глазами с чересчур пронизательным врачом и неторопливо сказал:

– Леда, отправляйся домой. Успокой мать. Приготовьте всё что надо. Я вернусь с Лераном. Поскольку доктор не возражает...

– Да-да, конечно, Ирвин. Я вам дам халат, посидите в смотровом кабинете...

Любознательный доктор поторопился с уверениями в скором полном выздоровлении Лерана Кронина.

Память Лерана не восстанавливалась. Глаза его смотрели осмысленно, он разумно реагировал на окружающее, но говорить не мог. Его осмотрел психиатр из Сент-Себастьяна, приглашённый поселковым врачом, но не обнаружил никаких признаков патологии нервной системы.

Соседи сочувствовали Крониним. Вскоре к появлению Лерана привыкли и уже не обращали внимания на его необычную внешность. Да и в семье Крониных новый уклад семейной жизни быстро стал привычным.

Мария перешла Лерану рубашки и брюки Ирвина, Леда взялась за обучение брата чтению и речи. То ли она оказалась талантливым учителем, то ли ученик быстро восстановил забытые навыки, но через месяц Леран уже мог вести разговор на простые темы. А ещё через месяц он с увлечением читал её детские книжки, извлечённые из сундука матери. Затем перешёл к газетам. С каждым днём он задавал всё больше вопросов как Леде, так и Марии с Ирвином.

Более всего Лерана интересовало его забытое прошлое. Он воспринял легенду о Великих озёрах как истину и часто расспрашивал Ирвина об индейцах, пытаясь припомнить подробности своего детства.

Ирвин поначалу смущённо отмалчивался, но затем принялся рассказывать о жизни и обычаях племени навахо. Особенно Леран любил сидеть на песке у дома и смотреть в море. С особым оживлением и радостью он помогал отцу снаряжать лодку, вместе с Ледой встречал его вечерами и помогал перевозить в дом рыбу. И наконец попросил Ирвина взять его с собой на промысел.

Кронин, по своему обыкновению, долго молчал, затем просветлённо улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Профессия рыбака не самая худшая. Но сначала тебе придётся кое-чему научиться...

За неделю юноша овладел необходимыми навыками, в чём ему способствовало участие Барта Эриксона, ставшего за несколько недель частым и желанным гостем в семье Крониных. В старом домике на побережье установилась новая атмосфера, преобразившая как всех Крониных, так и тележурналиста из Сент-Себастьяна.

Настал день, когда Ирвин впервые взял с собой в море сына.

После полудня в посёлок приехал Барт Эриксон, остановил машину на привычном месте у дома, рядом с крыльцом. Его встретила Леда и пригласила в дом на обед. Мария занималась подготовкой вчерашнего улова к копчению, и Барт попросил Леду не беспокоить её.

Пока он с откровенным удовольствием насыщался остро приправленным жареным тунцом, Леда с гордостью рассказывала о своих педагогических достижениях. Эриксон не знал о тайне появления Лерана, – она стала семейным нерушимым табу, и Ирвин не решился посвятить в неё близкого, но постороннего человека. В остальных вопросах Леда считала Барта поверенным в семейных делах и почти ничего от него не скрывала. Он слушал её очень внимательно, часто переспрашивал, давал советы.

– Я так рада, что ко мне вернулся брат. Ведь его теперь от нас никто не заберёт? Ведь так нельзя! – Леда сжала пунцовые, чуть полноватые губы, замерла, глаза её стали неподвижными.

Барт поражался её эмоциональной переменчивости. Такая чувствительность грозила в будущем большими переживаниями. Чего ему не хотелось для девушки, ставшей ему ближе, чем родные сёстры. Впрочем, все Кронины стали ему новой семьёй.

– Думаю, нет. Никто не заберёт его у вас, Леда. Он всегда будет с вами. Не надо так волноваться.

– Он такой удивительный. Задаёт столько вопросов, что никто не может ответить.

– Понятно. А писать он так и не научился?

– Нет, Барт. Но я думаю, это потому, что он не хочет. Ему не нравится писанина. Как и мне...

Эриксон поблагодарил Леду за обед, и они вышли из дома. Море сверкало ослепительной голубизной. От песка поднимался жар, проникал под одежду и выгонял из тела последние капли жидкости. Барт пожалел, что не захватил из города пиво. Леда же чувствовала себя одинаково уютно и в тени, и под солнцем.

– Пора ему читать серьёзные книги. Как ты считаешь, Леда? Я привёз видеомэгафон. И несколько кассет. Тебе тоже, надеюсь, понравится.

Обжигаясь о раскалённую дверцу «Бьюика», он достал коробку и передал Леде. Она подхватила её, прошептала благодарность и тут же исчезла за дверью. Видеомэгафон был её давней мечтой. Он проводил её взглядом и подумал, как разительно отличается она от своих городских сверстниц. Леде не нужны ни украшения, ни малейший макияж, она и без них как чистый бриллиант. Как хотелось бы подобрать ей соответствующую оправу, ведь она почти невеста. Но всё это, – не в его власти.

Эриксон устроился на крыльчке дома с сигаретой и смотрел в пустынное море. Он решил дожидаться возвращения лодки Крониных. Хотелось посмотреть на Лерана и поговорить с ним. Юноша развивался очень быстро, и за неделю отсутствия Эриксона наверняка в нём проявилось что-то новое. Мальчик растёт, как взрывается, совсем не так, как его городские сверстники. Проскрипела калитка, из двора вышла Леда с тележкой.

– Леда, не слишком рано? – спросил Барт.

– Нет. Сегодня они вернутся раньше. Отец не хочет, чтобы Леран устал, он боится, что брату может не понравиться наша работа.

Через несколько минут Эриксон заметил чёрную точку на горизонте и удивился точности предчувствия Леды. Он помог ей перевезти тележку на берег и вернулся на крыльцо. Через полчаса лодка ткнулась носом в песок, Леран прыжком соскочил на берег. Барт с интересом наблюдал за ним. Со времени возвращения с Великих озёр Леран заметно окреп, вытянулся, мускулатура обрела чёткий рельеф. Словно он ежедневно занимался бодибилдингом. Красноватая, с шелковистым отливом кожа эффектно выделяла мелкие мышцы, переливчато играющие при каждом движении. Если бы не золотой крупно вьющийся волос, спускающийся ниже плеч да редкостные невероятные глаза, его без сомнения можно было считать прямым наследником генов древнего индейского рода Крониных. Но какая-то ещё, непонятная примесь содержалась в крови, – в этом Эриксон не сомневался. Леран очень скоро обещал превратиться в неотразимого красавца-мужчину. Пожалуй, по его внешнему виду ровесником Леды его посчитать трудно, он выглядит лет на пять старше. Хотя и Леда за то время, которое прошло с ночи золотого дождя, когда Барт впервые услышал об Ирвине Кронине, из подростка стала очаровательной девушкой. С Лераном её роднил только цвет кожи. В остальном они контрастировали. И, тем не менее, в результате получалась удивительная гармония чёрно-синего и золотого, как от соединения моря и солнца.

Леран легко подкатил заполненную доверху тележку. От воды к дому по песку протянулась глубокая колея. Он подошёл к Эриксону, непринуждённо протянул руку.

– Я так рад тебя видеть, Барт! – воскликнул юноша, светясь детски-радостной улыбкой.

Глаза: чёрный кружок в обрамлении золотого кольца, – придавали выражению лица космический, неземной колорит. Сколько ни смотрел на него Барт, никак не мог привыкнуть и всякий раз внутренне сжимался, словно при встрече со знаменитым и могучим колдуном. Или земным гостем иного мира.

– Здравствуй, Леран. Я также рад.

Пожатие руки Лерана было горячим и мужски крепким; энергия, молодая и чистая, ошутимо переливалась в Барта. После встреч с Лераном он несколько дней не ходил, а почти летал, на студии всё решалось легко и просто, исчезали дурные мысли и желания. Да и Мария с Ирвином заметно помолодели. Впрочем, последнее можно объяснить и действием отцовско-материнской любви, с появлением Лерана увеличившейся.

– Ты ведь не торопишься, Барт? – спросил Леран, – Я помогу отцу разгрузить лодку, и мы поговорим. Хорошо?

– Конечно. Помочь?

– Если хочешь. Мы и сами легко справимся. Но я всегда рад, когда ты рядом, Барт.

Эриксон бросил взгляд на стоящего в лодке Ирвина и отказался от желания включиться в их работу. Старший Кронин скрывал свои чувства, но искушённый взор журналиста давно отметил: для Ирвина труд делается праздником, когда он делит его с Лераном. Зачем же мешать?

Леран перевёз ещё две тележки, после чего подошёл и глава семьи. Они молча пожали друг другу руки. Запах рыбы и моря, почти не слышимый от Лерана, окутал Эриксона плотным невидимым облаком.

– У вас сегодня прекрасный улов, Ирвин, – сказал Барт, глядя в светящиеся спокойной радостью, синие как у Леды, глаза, – Удача поворачивается лицом?

– Отцу со мной везёт, – улыбнулся подошедший Леран, охватывая руками предплечье Ирвина, – Ведь так, отец? Я пойду приведу в порядок сети и вернусь.

«В этом доме, – маленький рай, – подумал Барт, – Потому меня так тянет сюда. Они любят друг друга как ангелы, чисто и красиво. Отсюда и настроение, и энергия доброй силы, и удача в работе. Ирвина просто не узнать. В первую встречу он был хоть и мудрым, но мрачным, загнанным в угол жизни пожилым рыбаком. Теперь же, – сорокалетний крепкий индеец, знающий секрет семейного счастья. И если бы не какая-то тайна, которую он скрывает от меня и мира, то взгляд его был бы совершенно прозрачен, как у неискушённого ребёнка. Хотел бы я, чтобы у меня была такая семья».

– Барт, можно, я посижу в машине? – спросил Леран, вернувшийся от лодки, – Пока мама с Ледой готовят ужин, у нас есть немного свободного времени.

– Действуй, – разрешил Эриксон, и повернулся к Ирвину, – Он говорит об ужине так, будто и не проголодался за целый день.

– Да.., – опустив глаза, в задумчивости протянул Кронин; он повернулся к морю, сделал приглашающий жест и медленно пошёл в сторону лодки, – Вы, Барт, могу сказать, стали членом нашей семьи. Мария и Леда доверяют вам, Леран, – тот просто в вас влюблён... И нет у нас никого более близкого из большого мира. Так что можем говорить обо всём.

Они прошли почти к воде, расположились у лодки со стороны тени. Почти так, как в первую встречу. Только не было канистры и сети в руках Ирвина. Вместо них – раскладные стульчики и маленький столик, оставленные на песке Лераном. Да взамен встречного напряжения, – полное взаимодоверие и ощущение предельной близости.

И море у Нью-Прайса сейчас другое: не загадочно-тяжёлое, отдалённое страхом и тайной, а ласково-тёплое и родственное.

– Вы догадываетесь, Барт, – Ирвин мял в пальцах сигарету, крупинки табака сыпались на песок и терялись в светлой желтизне, – Я не привык заходить издалека... Леран, – не мой сын. Я не знаю, кто он и откуда...

Барт слушал молча, понимая, как трудно Ирвину говорить. Труднее, чем скрывать. Странно, но семейная тайна не поразила его, – он был внутренне готов к чему-то такому. Но всё равно не без волнения слушал рассказ о том, как Леда нашла Лерана на берегу, как неизвестный юноша оказался в семье Крониных, о долгих ночах в обсуждении новой реальности, о непростом решении, принятом на семейном совете.

– ...Самое интересное, – продолжал Ирвин, – Леда поверила моей выдумке, что Леран её брат. Желанное для неё стало действительностью. Мне кажется иногда, что Леда внутренним складом больше походит на Лерана, чем на меня или Марию. Вы понимаете, любой тайне положен предел. Леран взрослеет, и я больше ничего не смогу для него сделать.

Последняя фраза, понял Барт, далась Ирвину с особым трудом. Привыкший во всём и всегда полагаться на свои силы и ум, Кронин понимал, что в решении будущей судьбы Лерана их будет недостаточно. И обращался теперь за советом и с просьбой о помощи к нему, Эриксону, «человеку из Большого мира».

– Мне приятно, что у вас от меня нет тайн. И вы знаете, я сохраню её. И ещё... Ваша семья как-то незаметно стала мне своей. Нет, не просто близкой, а по-настоящему своей, родной. И вы можете на меня рассчитывать во всём.

– Барт, я прошу вас об услуге, – Кронин замолчал, подбирая слова, которые он раньше не произносил, а только слышал.

– Я всё понял, – сказал Эриксон, не ожидая разъяснений, – У Лерана никаких документов. Требуется его легализовать, сделать полноправным гражданином.

– Да. От прошлой жизни у него не осталось никаких свидетельств. Море поглотило всё. Уверен, все его родные погибли. Теперь не узнать, откуда и кто они. Похоже, и память не вернётся...

– Попробуем. Мне следовало догадаться самому. У меня в Сент-Себастьяне есть хороший друг, комиссар полиции. Он поможет.

Обсуждая большой для Ирвина вопрос, снявший между ними все недоговорённости, Барт вдруг подумал, что всё равно остаётся несказанное, стоящее за словами, относящееся к тому же Лерану. И, – самое загадочное, – он видел, что Ирвин Кронин тоже ощущает наличие этой неясности, которой не желает касаться. «Пусть так и будет, – успокоил себя Эриксон, – люди не компьютеры, из которых можно извлечь всё содержимое».

Они поднялись, Ирвин перебрал стулья и столик на лодку. Поговорив ещё об особенностях установки сетей на мелководье и глубине, решили возвращаться.

– Мария ждёт нас, – с облегчением сказал Ирвин, – Ваше присутствие за столом, Барт, оживляет наш дом. Леран и есть начинает как настоящий мужчина. А не как девица. Мы станем, как вы сказали, семьёй по-настоящему полной.

* * *

Лодка Крониных чуть покачивалась на мелкой зыби. Ирвин проверил натяжение сетей, и в который раз с беспокойством посмотрел на Лерана. Тот в неподвижности замер на корме, устремив задумчиво-отрешённый взгляд в морскую даль.

– Отец! Скажи, многие люди живут так, как мы? Или большинство так, как Барт? – задавая вопрос, он продолжал смотреть за горизонт.

– Земля большая, сынок, – Ирвин помял сигарету и вернул её в пачку; не хотелось портить аромат морского воздуха, сегодня особенно насыщенного, круто настоящего, – Люди живут по-разному. Очень многим живётся трудно. Как нам, как всем в Нью-Прайсе. В городах не легче. Некоторым и вовсе тяжело...

– А у Барта лёгкая жизнь?

– Не думаю... Разница между нами не так уж велика. Всё дело в образовании, в профессии. Ведь у Барта нет отца, старенькая мама, сёстры...

– А что такое лёгкая жизнь, отец?

Ирвин задумался. И о себе, и о вопросах Лерана. Тех самых вопросах, которые Ирвин Кронин отгонял от себя всю жизнь. Почему они интересуют Лерана, откуда они в нём? Если бы знать, кем он был в детстве... Да и что можно ему сказать?

– Не знаю, сын. Никогда не жил легко. Думаю, это когда можешь позволить себе всё, что захочешь...

– Всё, что захочешь, – мечтательно протянул Леран три слова и повернул голову к Ирвину; золотые глаза его сияли дневными звёздами, – Я бы занялся тайнами. Отец, в мире столько странно интересного! В истории столько загадок! Такое впечатление, будто целые поколения и народы изо всех сил старались скрыться незамеченными для других... И для тех, кто придёт после...

Кронин вздохнул, поняв, что без сигареты не обойтись.

– Может, так оно и есть, – сказал он, прикуривая, – Ведь и в нашем маленьком посёлке люди мало знают о соседях. И я не всё знаю о своём племени. Не помню имени прадеда, не знаю, чем он занимался.

Скрывшись за дымным облаком, он смотрел на Лерана, удивляясь его словам, новым и непривычным для рыбака. Никогда он не спрашивал себя так, как спрашивает Леран.

– Вот, например, почему ещё тысячи три лет назад храмы в Скандинавии, посвящённые их богам, имели драконьи головы? Ведь драконов никто не видел. Что это должно было значить?

Ирвин вдруг понял, как они с Лераном далеки друг от друга, несмотря на крепко установленное родство, искреннюю близость и любовь.

Разное у них предназначение в жизни. И мечта о том, что они всегда будут вместе, что Леран заменит его с годами на рыбном промысле, никогда не сбудется.

Они с Марией вдруг обрели сына, о котором столько лет просили Бога. Но Леран пришёл не за тем, чтобы повторить жизнь Ирвина Кронина. Понимание этого, ставшее сегодня очевидным, было грустным. Но грусть соседствовала с радостью, – что бы ни было, Леран есть, он рядом. Его присутствие преобразило в доме всё. Мария стала крепче, и даже её хронические болезни утихли, отошли куда-то. Леда стала неузнаваемой: расцвела, повзрослела не только внешне, но и умом.

Он, измученный неудачами рыбак Ирвин Кронин, сделался вдруг обладателем непостоянного рыбацкого счастья. Семья живёт теперь без надрыва и напряжения. Смогли даже приобрести новую одежду с обувью и Леде, и Лерану.

Рано или поздно Леран найдёт себе дело по душе. Ирвин поможет ему в том. Сегодня-завтра приедет Барт Эриксон, ставший им с Марией вторым сыном, а Леде и Лерану, – заботливым старшим братом. Приедет, и будет сделан первый шаг Лерана в новую жизнь...

Влияние Барта на Лерана очень велико. Что не так уж плохо: Эриксон человек чистый и неиспорченный, несмотря на ту грязь, в которой ему приходится жить и работать. О чём беседуют Барт и Леран, когда остаются вдвоём? Барт, – журналист, телевизионщик, человек образованный, понимающий. А чему может научить Лерана он, простой рыбак? Почти всё, что мог, он ему уже дал. Леран удивительно силен, ловок, сообразителен, легко справляется с хитростями рыбацкого ремесла, освоил секреты Марии по копчению и солению...

А ведь дело бы у них пошло: Леран и удача всегда рядом. Когда он в лодке, улов всегда максимальный, и рыба как на подбор, лучших сортов и возраста. Словно морской царь специально для Лерана загоняет её в сеть. А может, так оно и есть на самом деле.

Спрос на их продукцию последние месяцы сильно возрос. Люди Нью-Прайса удивляются: с возвращением сына к Ирвину вернулась и былая удачливость молодых лет. Но, видимо, у Лерана, да и у Леды, жизнь сложится по-другому...

– Я понимаю тебя, Леран. Провести всю жизнь в Нью-Прайсе, изо дня в день заниматься тяжёлой неинтересной работой... В редкие дни у меня оставались свободные минуты. О книгах и речи не было. Если бы не наша поселковая школа, Леда могла остаться неграмотной.

– Леда..., – протянул Леран, всё так же мечтательно глядя в даль моря, – Леда добрая и умная. А разве мы не можем делать другую работу? Ведь Барт смог?

– Видишь ли, – чуть вздохнул Ирвин, – Как и мой отец, с детства я не знал ничего другого. В нашем посёлке нет другого заработка. Научиться новому делу... Переменить место жизни... На это требуется много денег. Так много, сколько я не заработал бы и за сто лет. Такова уж судьба.

– Судьба... Как странно, что у людей разная судьба. И нельзя перейти из одной судьбы в другую?

– Так заведено, сын. И не нам это менять. Тут я бессилен. Лодка и снасти не дают много. Но мы с Марией никогда не жаловались. Правда, в последнее время нам стало полегче...

– Разве рыбная ловля не может быть доходной? Ведь море... Море такое огромное. И такое богатое, что на всех хватит.

– Ты прав, Леран. Люди сами виноваты. Море, как и земля, поделено между крупными фирмами. Конкуренция. Все лучшие районы заняты ими. У берега море с каждым годом скудеет. А деньги нам привозят очень богатые люди. Ты видел, какие у них машины, в них можно жить как дома. Богатые люди предпочитают оригинальные деликатесы. Наши краснокожие предки жили на берегах Великих озёр. Оттуда и пришло умение готовить рыбу по-своему. Главный доход нам приносит коптильня. Мы используем опилки редких деревьев, выдержанные в специальном растворе. Получается дым, придающий рыбе оригинальный аромат и специфический вкус. Ни один завод не может повторить нашу технологию. А для солений Мария использует разные травы, листья, ягоды... Наши рецепты мы храним в секрете, в них наша жизнь. Теперь понимаешь, как всё не просто? Чтобы развернуть производство, нужен большой холодильник. А ещё плата за электроэнергию...

– А почему бы не объединиться посёлком и закупить оборудование? Чтобы все им пользовались? – заинтересованно спросил Леран.

– Хорошая мысль, сынок. Несколько лет назад я пытался объединить несколько семей. Но... Каждый привык трудиться в одиночку. Психология. Расчёт только на себя. Больница, школа, – они содержатся на общие деньги. Есть и чёрная касса. Но как трудно это всё организовывалось... Ведь в посёлке почти нет молодых. Молодёжь стремится в Сент-Себастьян. Им и там не лучше. Занимаются чем придётся, живут где попало. Но в городе больше развлечений. А старики, такие как я, – они не любят перемен.

– Как мне хочется что-то сделать, чтобы маме было легче... И чтобы Леда смогла стать образованной, как Барт, – мечтательно произнёс Леран.

Глаза его горели, он видел за морем что-то своё, не связанное с жизнью Нью-Прайса.

– Да, сынок... Все болезни Марии от такой жизни. А ведь в молодости она была стройна и красива, как Леда. На Марии всё наше хозяйство. И огородик, и птица. Солением занимается, за коптильней присматривает. И шьёт, и готовит... Весь дом на ней. Если бы не помощь Леды, ей одной и не справиться...

Ирвин взялся рукой за канат, уходящий в море. И понял: сеть заполнена до отказа, стропа вибрировала от натяжения. Возбуждение, ставшее привычным, охватило его. Снова удача! А солнце только подходит к зениту. Опять они вернутся рано, до наступления сумерек.

Вдвоём они с трудом вытянули сеть наверх и принялись выбирать улов в лодку. Предположение Ирвина оправдалось: красный морской окунь и жёлтый тунец, – все полуметрового, стандартного размера заполнили лодку доверху. Назавтра придётся остаться на берегу, Марии с Ледой не справиться одним.

– Поздравляю, Леран! Я никак не ожидал в этом месте такого изобилия! Сам Господь нам помогает.

Леран лишь улыбнулся в ответ на радость отца. Ирвин видит, что он не разделяет его восторга; мысли Лерана витают далеко от морской стихии, дарующей удачу либо лишаящей её.

«А ведь это то самое место, где прошёл золотой дождь, – вспомнил Ирвин и чуть дрогнул от неясного ощущения: то ли страх, то ли беспокойство коснулись его, – Рыбаки Нью-Прайса

утверждают, что с той поры здесь нет никакой рыбы. Как же я забыл об этом и выбрал тот самый участок? Выходит, они ошибаются»...

И он постарался отбросить тяжёлые мысли. Мир слишком сложен, чтобы простой рыбак мог в нём разобраться. Тайны мира, – дело Лерана. Лерана и Барта Эриксона. А ему лучше не ломать голову. И воспринимать жизнь такой, какой она есть сегодня. Завтрашний день всегда непредсказуем.

Он завёл мотор и лодка медленно двинулась по гладкому и прозрачному зеркалу. Море сегодня как зачарованное.

Леран заметил красное пятнышко: «Бьюик» Эриксона у дома Крониных, издали сливающегося цветом с песчаным побережьем. Вскоре Ирвин тоже увидел и машину, и яркое цветное пятнышко рядом, – Леду в новом платье. Настроение поднялось. Жизнь идёт как надо. Не хуже, чем у людей. Конечно, они с Марией успели постареть. Но дочь как выросла! Настоящая красавица, куда городским! И сын рядом. Сын?..

Эриксон, восхищённый уловом, помог разгрузить лодку. Радости Лерана, когда он узнал, что Барт остаётся на ночь, не было предела. По случаю удачного дня Ирвин объявил выходной. Рыбу быстренько выпотрошили и загрузили в погреб. Мария нарядилась в своё любимое, перешитое из девичьего, дозамужнего, платье, повязала пёстрый платочек Леды на белые поредевшие кудри. И помолодела на десяток лет.

Всем, кроме Лерана, Барт вручил по небольшому подарку: Марии, – лёгкий шарфик на шею, Леде, – роскошный костяной гребень, Ирвину, – бутылку виски и блок сигарет. Потом обнял Лерана за плечи и сказал:

– А тебе подарок, брат мой, начнётся завтра. Утром я тебя забираю с собой. Согласен?

Ирвин ожидал всплеска эмоций, но Леран среагировал совсем иначе. Он внимательно посмотрел в глаза Барту, затем обвёл взглядом Марию, Леду и Ирвина. И сказал спокойно:

– Если семья не против, я рад этому.

Мария поднесла прозрачно-голубой шарфик к глазам и скрылась на кухне, пробормотав на ходу:

– Совсем забыла, может и подгореть на плите...

Леда со стуком уронила гребень на доски пола и с детской обидой в голосе спросила:

– А как же я? Леран разве может ехать без меня?

Барт рассмеялся, наклонился, поцеловал её в лоб, поправил сбившийся на лицо вороной локон.

– Я обязательно возьму тебя с собой. Только в другой раз. Видишь-ли, завтра у нас чисто мужские дела...

– Ну ладно. Мужские так мужские, – быстро успокоилась Леда, – Я только беспокоюсь за Лерана. Ведь он ещё и дня не оставался без меня. Без нас, – поправила она себя и рассмеялась, повиснув на руке Лерана, – Я так завидую тебе. Вернёшься и всё расскажешь мне, до самой последней секундочки!

– Леда, мы с тобой сейчас займёмся газетами, – Леран приподнял Леду на руке, другой обнял её, – Барт, ведь ты привёз хоть одну?

– Конечно. И не одну. И все свежие. Я оставил их в машине.

Леран тут же рванулся на улицу и секунд через десять с охапкой газет скрылся в своей комнатке. Тяга к печатным новостям пока побеждала в нём все другие интересы. Леда с гордостью посмотрела ему вслед и сказала:

– Он читает лучше меня. И быстрее всех. За одну минутку, – целую газету. Я знаю, никто так не умеет.

В комнату вернулась Мария, пригласила к столу.

– Мы с Лераном сейчас будем, – сказал Барт, поняв взгляд Ирвина, брошенный в сторону комнаты Лерана, – Иначе он вместо ужина съест газеты.

Ирвин и Леда направились в кухню, перестроенную Крониным так, что она служила и столовой, а Барт приоткрыл дверь комнаты Лерана. Здесь тоже перемены: сколоченный из досок небольшой стол с книгами и видеодисками. На нём же главная игрушка Леды, – телевизор с видеомagneтофоном. Леран расположился на кровати, углубившись в «Палитру побережья», которую считал лучшей из всех газет. Глаза его скользили по столбцам сверху вниз, нигде не задерживаясь.

«Невероятно, – подумал Эриксон, – ведь его никто не учил скорочтению. Или у него были уроки в забытом прошлом? Не человек, а загадка».

Решив его не беспокоить, пока он не расправится с «Палитрой»..., – времени всё равно уйдёт немного, – он повернулся и обратил внимание на листок, прикрепленный к внутренней стороне двери. Около двадцати строчек аккуратным ровным почерком. Научила-таки Леда... Каждая из строк ничего не говорила определённо о личности писавшего, но все вместе...

Барт ещё раз пробежал список глазами. Шумер... Инки, ацтеки... Тибет... Атланты... Хуанди... Догоны... Бали... Стоунхендж...

«Вот оно что! Любопытство перерастает в системный интерес. Пожалуй, в Леране кристаллизуется стержень будущей профессии... Если это будет профессия, а не вся жизнь. На этом пути дивидендов не заработать. Хотя как знать. Со способностями Лерана можно добиться высот в любом деле. Хватит и на семью, и на себя... Что обязательно потребуется: так это серьёзное образование и хороший наставник».

Барт тихонько прикрыл дверь и присоединился к семье. За столом продолжался разговор о Леране, начатый Ледой. Она утверждала, что её брат, – самый умный, самый сильный, самый красивый... Самый-самый из всех...

Наконец не утерпев, она вскочила и побежала к Лерану. Мария, переглянувшись с Ирвином, тоже покинула столовую, придумав себе какое-то дело.

Ирвин разлил привезённый Бартом виски по стаканчикам.

– Начнём с твоей, – Ирвин обращался к Барту на «ты» только за столом, где, как он считал, все равны; в другой обстановке заставить его отказаться от «вы» было невозможно, – А потом, если захочется продолжения, обратимся к домашним заготовкам Марии. За здоровье?

– За здоровье! – поддержал его Барт.

Он понимал, как всех беспокоит завтрашний отъезд Лерана в Сент-Себастьян. Опрокинув стаканчик, он отправил в рот кусочек копчёной розовой стерляди, пожевал и сказал:

– Расставаний всё равно не избежать. Леран не такой, как все. В жизни ему придётся нелегко, ведь слишком способных и ярких ужас как не любят. Придётся его многому научить, чтобы он умел постоять за себя.

– Да... От судьбы своей не уйти..., – сказал Ирвин, – Что дано... Сам вижу: не рыбак он. Хотя я не встречал рыбака сноровистей и удачливей. Но в большом мире без помощи и удача не спасёт.

Они незаметно осушили бутылку, привезённую Бартом, продолжая говорить о Леране, о Леде, их будущем, о сложностях этого мира. Наконец Барт не выдержал и, пока они не приступили к домашним «заготовкам», решил проверить свою догадку, неясную, туманную, но никак не дающую ему успокоиться уже много дней. Он вытащил из нагрудного кармана рубашки фотографию и протянул её Ирвину.

– Посмотрите. В таких делах я подобен Лерану, непонятное и необъяснённое мне спать не дают. В той статье моего газетного коллеги, которая привела меня в Нью-Прайс и познакомила с вами, приводится свидетельство очевидца. У меня нет оснований не верить Джимми. Так вот, на месте падения золотого дождя, в тумане, этот человек видел некий цветок. По его мнению, он был похож на лотос. На снимке один из видов лотоса...

Ирвин долго рассматривал снимок, потом вернул его Барту, отрицательно покачав головой.

– Это, – жёлтый лотос, – продолжил Эриксон, всё ещё надеясь, что Кронин скажет ему: «Да, я видел примерно такой», – С восточного побережья. У нас они не растут. Китайцы и индусы считают их священными. Бывают ещё розовые, белые... Никогда не думал, что этот цветок занимает такое важное место в преданиях многих народов. Хотелось понять, но...

– А надо ли? – после некоторого молчания, устремив взгляд в стаканчик с недопитым виски, сказал Кронин, – Не лучше ли оставить древние сказания как они есть, в неприкосновенности?

Барт ощутил, что тема морского цветка болезненна для Ирвина, и пора её закончить.

– Я понимаю вас, Ирвин. Просто я... Я далеко не всё соображаю как надо. А знаю, – вообще ничего. Просто я подумал, что если лотос и золотой дождь связаны, то до этой тайны может кто-то добраться... Ну да хорошо!

– Прости, Барт. Я простой рыбак, и цепляюсь за настоящее. Особенно, когда оно такое... Видеть завтрашний день мне не дано. А прошлое... Оно, я думаю, удел тех, кого среди нас нет...

Они помолчали минуту, снимая возникшую вдруг неловкость.

– Допьём это? – спросил Барт, – Больше мне нельзя, утром за руль. Все годы хочу только, чтобы жить без оглядки на вчера или завтра! И, – никак...

Они расправились с бутылкой и целеустремлённо, в молчании занялись закусками. Вбежал Леран с газетой в руках.

– Барт, что ты об том знаешь? – глаза его искрились, сияли золотом и внутренним жаром, – Тут пишут о лотосовом городе в горах. До Гималаев далеко?

Барт украдкой бросил взгляд на Ирвина и заметил, как тот дрогнул, – неслышно, невидимо, – но связь между ними существовала душевная, и Эриксон почувствовал.

– Это далеко, Леран. Очень далеко.

– А ещё тут о богине Лакшми. Она родилась в золотом лотосе...

Эриксон принялся соображать, как всё-таки прикрыть болезненную тему, приводящую Ирвина в сердечное расстройство, но тут вошли Мария и Леда.

– О чём вы? – спросила Мария, – У вас никакого аппетита, Барт. Или вас в городе кто-то угощает вкуснее?

– Никогда! – обрадовался Барт вопросу, – Никогда и нигде я не пробовал ничего более вкусного и полезного! Леран очень любит древние легенды. И по молодости воспринимает их как правду. Но мы-то знаем, сколько всего напридумывали люди. И продолжают сочинять. Я так газеты читаю только в интересах работы. Чтобы не пропустить действительно важного известия.

Огонёк в глазах Лерана потух, он с разочарованием посмотрел на газету в руках, сел на стул.

– И почему люди не любят правду? – голос Лерана не скрывал разочарования, – У Леды книжки со сказками для маленьких. А газеты, – сказки для больших? Я уже знаю об Атлантиде, о Стоунхендже. Это тоже легенды, Барт?

– Очень может быть. Ведь проверить никто не смог.

– А если проверить нельзя, – это разве означает, что ничего такого нет?

Ирвин с Бартом переглянулись: в Леране проявлялась новая черта. Упорство в познании неизвестного, – редкая особенность для современного человека разумного. Обычно она возникает под воздействием определённых стимулов, а здесь, – родилась и становится как бы сама собой. «Удивит ещё нас этот интересный мальчик, – сказали молча друг другу Кронин и Эриксон, – Правильно мы решили, размеры Нью-Прайса для него уже сейчас малы»...

* * *

Утром они вышли к машине все вместе. Эриксон завёл двигатель, вылез из кабины, Леда забралась на сиденье водителя и принялась изучать приборы контроля и управления. Леран обошёл «Бьюик», постучал ногами по колёсам.

Эриксон, посмотрев на Крониных-старших, успокаивающе улыбнулся и сказал:

– Не беспокойтесь, всё будет хорошо. Через два дня, в крайнем случае через три, мы уже будем здесь. Всё, что можно, я уже подготовил.

Они отошли в сторону, и Эриксон негромко продолжил:

– Справка из больницы, где лежала Мария с двойней, готова. Показания двух свидетелей имеются, заверены как положено. Пришлось чуть-чуть нарушить кое-что. Содействие комиссара полиции гарантировано. Лишнего я ему ничего не говорил, но нужную правду он знает. Её достаточно. Думаю, всё пройдёт как надо. Приедем в Сент-Себастьян, Леран сфотографируется, – и порядок, бюрократическая машина заработает.

Мария, со слезами на глазах, прошептала:

– Как тебя благодарить, Барт? Прямо не знаю. Сами мы просто не смогли бы...

– Ну зачем так! Леран мне как брат. Разве можно как-то по-другому?

– Хорошо, сынок, – сказал Ирвин, стоя неподвижно, с окаменевшим лицом и застывшими глазами, – Не обращай внимания на женщину, они всегда говорят не разумом, а чувствами. Успокойся, Мария, не на войну Леран уходит. Так надо.

– Посмотрит город, поживёт у меня, познакомится с хорошими людьми... Это Лерану просто необходимо. Надо же подумать о его будущем серьёзно. Уж очень он непростой человек, столько способностей одному редко выпадает. Без документов, удостоверяющих личность, ему никак.

Леран устроился на сиденье рядом с Бартом, сосредоточенно наблюдая за его действиями по проверке двигателя и электрооборудования. Леда стояла у открытой дверцы и с завистью смотрела на него. Ей ох как хотелось с Бартом и Лераном в город, хотелось прокатиться на машине по шоссе.

Эриксон развернул «Бьюик», высунул голову из двери, махнул на прощание рукой.

– Не плачь, Леда. Вот вернёмся и прокатим тебя. Леран, думаю, к тому времени уже водителем-асом будет. И в городе побываешь. Ничего там хорошего нет, но всё равно мы тебе его покажем. Договорились? Ну, пока. Иди, Леран, попрощайся.

Леран оторвался от изучения приборов, выскочил из машины, подбежал к Марии, обнял её, шепнул что-то на ухо, пожал руку отцу, обменявшись с ним взглядами, погладил Леду по плечу и вернулся на сиденье.

Эриксон, наблюдая за ним через зеркало, снова удивлялся тому, как быстро повзрослел и развился этот найдёныш с золотыми глазами. Во всём исключителен! Ещё год, – и он совсем взрослый. И, похоже, образование они оформят экстерном. Надо только чуть помочь-подсказать, дать нужные книги по программе... Нет, нельзя ему оставаться в рыбацком посёлке. Да он и сам не останется, у Лерана впереди интересная судьба. Наверняка. Только не оставлять его одного. Жизнь и не такие экземпляры перемальвает.

Все три часа до Сент-Себастьяна Леран только и делал, что наблюдал за действиями Эриксона и расспрашивал о технике вождения да устройстве автомобиля. У Барта сложилось впечатление, что Леран за это время усвоил всё, что знал он сам, и ему не хватает одного-двух практических уроков, чтобы профессионально освоить вождение.

Сделав такой вывод, он решил впредь не удивляться: Леран и так ассоциировался у него со шкатулкой волшебных сюрпризов.

Город не поразил Лерана, как ожидал Барт. Он отнёсся к обилию людей, нагромождению зданий, шуму и цветовой рекламе среди асфальта и бетона с открытым неодобрением. Они посетили фотостудию недалеко от дома, где жил Эриксон, пообедали в закусочной рядом, и вошли в квартиру.

А квартира Лерану понравилась. Причём, как понял Эриксон, в первую очередь по той причине, что в обеих комнатах царила тишина. Барт её тоже любил, и позаботился о полной звукоизоляции.

Встреча с Эрнестом Мартином также сложилась удачно. Комиссар полиции, высокий и могучий негр, и стройный краснокожий юноша сразу понравились друг другу. Эрнест заверил, что возьмёт все оставшиеся по оформлению хлопоты на себя, и сообщит, когда всё будет готово.

Благодаря неожиданной инициативе Мартина у них получился полный свободный день. Барт предложил осмотр города и знакомство с телекомпанией. Леран без размышлений выбрал студию, отказавшись от изучения внешнего облика цивилизации. Они прошли по всем коридорам, заглянули во все рабочие и служебные помещения. И прочно обосновались на территории телеканала «Планета сегодня», под крышей которого и разместился эриксоновский тележурнал-еженедельник.

Рекордно быстро освоив технику просмотра данных, Леран увяз с головой в информационной базе «Мира науки». Перед экраном дисплея он просидел непрерывно более трёх часов. Барт в это время заканчивал оформление очередного выпуска, нацеленного на энергетические проблемы страны и планеты в целом.

От компьютера его отвлек вопрос Лерана:

– Откуда и почему всё становится известным? Если бы я захотел что-то сохранить в тайне, то нашёл бы способ, как это сделать. Прошлое было настоящим. Получается, люди думали о другом. И тот факт, что от них осталось так мало, зависел вовсе не от них. Тогда от кого? Или от чего?

– Я понял тебя. Это общий вопрос. И самый больной. Нет ни одного приличного ответа. Ни одна наука, друг мой, не знает, что с нами происходит, если смотреть с высоты тысячелетий. Мы можем более-менее сносно ориентироваться в промежутке столетия.

– Более-менее? – спросил Леран, – А может, не с того края брались?

Барт только развёл руками; нацеливаться на интеграцию всех подходов с задачей отыскать смысл истории, – по меньшей мере авантюрно.

* * *

Завершение формальностей решено было отметить за столиком тихого ресторанчика на набережной, вечером накануне отъезда в Нью-Прайс.

Леран молча разглядывал море, Эриксон и Мартин пили, закусывали и обсуждали проблемы укрепления правопорядка в родном городе и на всей планете. Новоопределенный гражданин долго слушал их и наконец спросил:

– Простите, комиссар. Я не всё понял. Полиция действует в интересах всех людей? Или только правительства?

Мартин вначале хмыкнул, затем остановил взгляд на невероятных золотых глазах, понял искренность вопроса и ответил:

– Мы защищаем всех людей. И простых, и очень больших боссов...

– Если всех, то от кого вы их защищаете? От них же самих?

Комиссар качнул чёрной головой и улыбнулся.

– Не все одинаково понимают закон. Мы, в первую очередь, стражи закона.

– Так люди, – это закон? – удивился Леран, – Буквы на бумаге?

Комиссар Мартин был покорён окончательно и навсегда.

3. Барт Эриксон

Прошло три года.

Жизнь Крониных очень изменилась. Рыбачье счастье не оставляло Ирвина. Он приобрёл холодильные шкафы и морозильную камеру, установил прочные связи с десятком серьёзных заказчиков в Сент-Себастьяне.

Часто навещал Нью-Прайс Барт Эриксон, привозил Лерану и Леде свежие видеокассеты, книги и журналы. От брата и сестры трудно оторвать взгляд: индейская кровь придала изящной женственности Леде, унаследованной от матери-француженки, полудикую, чарующую красоту; Леран выглядел атлетом, только что сошедшим с обложки «Фэнтэзи», журнала, рекламирующего фантастические фильмы об инопланетянах.

Свободное от рыбачьего промысла время Леран отдавал чтению и видеомэгафону. Спал он не более четырёх часов в сутки, ел очень мало, но выглядел всегда жизнерадостным. За эти годы он обрёл спокойствие и невозмутимость, достойные восточного мудреца, чем ставил в тупик не только Эриксона, но и Эрнеста Мартина. С помощью Барта Леран успешно сдал экстерном экзамены за колледж и готовился таким же образом получить диплом выпускника гуманитарного факультета университета Сент-Себастьяна.

Память детства так и не вернулась к Лерану. Возможно, взамен потери судьба раскрыла в нём новые, весьма оригинальные способности. Или, как старался думать Ирвин Кронин, они явились следствием увлечений йогой, с которой познакомился в рабочем видеоархиве Эриксона. Барт с Ирвином не раз обсуждали особенности Лерана, его удивительные дарования. Леран очень любил море, часто нырял с лодки и подолгу оставался в воде, чем вызывал поначалу тревогу Ирвина.

В последний год он подружился с дельфинами, они стали приплывать на берег Нью-Прайса, сопровождая лодку Крониных, чем приводили в восторг Леде. Леран однажды сказал отцу, что это дельфины загоняют рыбу в их сети, причём сами выбирают нужную. Но тогда выходило, что дельфины знали Лерана до того, как он обнаружил их сам. Так появилась ещё одна загадка, связанная с сыном Ирвина Кронина.

Раз в месяц, иногда вместе с Ледой, Леран проводил два-три дня в Сент-Себастьяне у Эриксона. Город не произвёл особого впечатления вначале, не увлёк его и после. Его всегда тянуло в порт, ближе к морю. Стеклобетонное здание телекомпании «Независимость и прогресс» находилось недалеко от центральной площади. Всякий раз, когда они проезжали через площадь, Леран просил остановить машину у статуи, являющейся символом города.

Он выходил из машины, останавливался в десятке метров от статуи, вознесённой на пятиметровый постамент, и пристально вглядывался в неё. Барт, опершись локтем о полураскрытую дверь, наблюдал за ним, пытаясь понять причину такого интереса. После усвоения всей информации о святом Себастьяне Леран заявил Барту, что образ святого, – это символ всего человечества, больно раненого собственными пороками и слабостями. И некому вырвать из ран жалящие стрелы, а у самого Себастьяна-человечества не хватает сил или мудрости. А кровь продолжает течь... Кровь – душа, дух человеческий...

Услышав такое объяснение, Барт надолго задумался. К оригинальности мышления младшего Кронина он успел привыкнуть, но понять, откуда что в нём берётся, было выше всех умственных сил. К тому же он невольно примерял оценки Лерана к себе, что вызывало внутреннее неудобство.

Наконец пришло время новых перемен в семье Крониных, – освободилось место ассистента у Эриксона на любимом Лераном телеканале «Планета сегодня». Предложение Эриксона вызвало бурю радости у Лерана, сломав скорлупу йоговской невозмутимости. Этот всплеск эмоций надолго запомнился Эриксону, став последним напоминанием о прежнем,

открыто непосредственном мальчишке, вызывающем безоговорочную симпатию. Но ещё твёрже, до последнего слова и восклицания, отложился в его памяти тот вечер, проведённый семьёй Крониных в полном составе на морской прогулке. К тому времени Мария и Ирвин окончательно сроднились с Бартом как с сыном; и сам он убедился в том, что обрёл новую семью.

Известие Эриксона Ирвин посчитал столь серьёзным, что отменил рыбную ловлю и объявил всем полную свободу выбора отдыха. После суеты приготовлений новая лодка Крониных унесла их за горизонт моря, откуда не видно ни домов Нью-Прайса, ни телевышки Сент-Себастьяна. Впрочем, то была уже не лодка, а настоящий катер, оборудованный мощным дизелем, лебёдкой и прочими снастями.

Ирвин остановил катер в месте падения золотого дождя, избранном им с Лераном для ловли рыбы. Остальные рыбаки Нью-Прайса без возражений закрепили пугающий их район акватории за Крониным и никогда не нарушали его незримых, но чётких границ. Так семья Крониных обзавелась собственным участком моря.

Ирвин заглушил двигатель и наступила тишина. Общее волнение проявилось в молчании. Первым не выдержал Барт и прибежал к испытанному средству, – фляжке с виски. Сделав приличный глоток, он протянул её Ирвину. Но тот отказался движением руки и сказал негромко:

– За всю жизнь мы с Марией второй или третий раз имеем возможность вот так отдохнуть. Свободно посмотреть на море и небо... Мария, мы и не мечтали о таком?

Мария, легко вздохнув, посмотрела долгим любящим взглядом в глаза Ирвину, затем перевела его поочерёдно на Леду, Лерана, Барта.

– Да, отец... Так, чтобы все вместе, рядом, и без...

Она не сказала, без чего, но Эриксон прочитал недоговорённое по опухшим от рассолов и уколов рыбьих плавников красным рукам с изломанными ногтями, по морщинкам, скрывшим былую красоту.

– Как безмерен мир, и как малы мы... А в одиночку человек совсем ничего не стоит, – завершил свою подготовительную мысль Ирвин.

Тягостное молчание снова окутало катер Крониных. Барт потянулся было снова к фляжке, но Леран вдруг наклонился и опустил руку через борт в воду. И через минуту, не более, начался настоящий праздник.

Десяток дельфинов, разом вынырнув из воды так, что их хвосты оказались в воздухе, принялись за синхронное исполнение всяческих пируэтов-фигур: от кувырков до стояния на хвостовых плавниках. Даже Ирвин, видевший на море всякое, застыл в изумлении. Только Леран выглядел спокойным. Реакция Марии и Леды была почти одинакова. Леда вначале восхищённо смеялась, затем вместе с матерью неотрывно наблюдала за игрой бело-голубовато-чёрных умных хозяев моря. Их гладкая кожа влажно светилась, вода бурлила зеленоватой пеной. Барт Эриксон пытался смотреть одновременно на дельфинов и на Лерана, стараясь раскрыть секрет управления морским танцем. Но так ничего и не выяснил за целый час представления.

Но вот дельфины собрались группой у одного борта, напротив Лерана, и застыли, высунув морды и щёлкая челюстями, издавая резкие короткие звуки. Леран снял рубашку, улыбнулся и успокаивающе произнёс, смотря на Марию:

– Не волнуйтесь. Я сейчас.

И, поднявшись на ограждение борта, бросился в воду. Через несколько секунд на месте дельфинов в спокойной воде только вихрились водовороты. Леран исчез на глубине вслед за животными.

Ирвин, обратив внимание на взволнованное лицо Марии, сказал:

– Не переживай, мать. Для нашего Лерана море как родной дом.

Барт посмотрел на часы, запомнив положение стрелок. Говорить никому не хотелось. Ирвин принялся за осмотр двигателя, остальные неотрывно наблюдали за морем у лодки, ожидая появления Лерана. О дельфинах никто уже не думал.

Леран появился неожиданно, подняв в вытянутых руках несколько кусочков коралла и две раковины. Прежде чем принять в лодку дары моря, Барт взглянул на циферблат часов: прошло тридцать минут! Леран легко подтянулся и прыгнул в лодку, не коснувшись ногами борта.

– Вот и подарки всем, – дыхание Лерана было абсолютно спокойным, будто он вернулся из пешей прогулки, – Жемчужины маме и Леде, кораллы мужчинам.

Барт Эриксон, удивлённый не меньше дам, обратился к Ирвину. Старший Кронин не спеша закончил ненужную суету у дизеля, – он вёл себя так, словно ничего экстраординарного не произошло. И словно под ними не пятидесятиметровая толща солёной воды, а пляжная полоса у Сент-Себастьяна, охраняемая спасателями на катерах и вертолётах. Ирвин ножом вскрыл раковины. В них сверкали две крупные серебристые жемчужины. Как Леран угадал? На такой глубине и безошибочно выбрать нужные! После недолгого замешательства Барт спросил:

– Если это так просто... То есть возможно... Почему бы вам не сменить свой промысел?

Ирвин бросил на него быстрый взгляд.

– Я думал над этим. Не наше это дело. Быстрое богатство не приносит счастья. А сегодня... Сегодня – такой день...

Наконец и Мария пришла в себя:

– Леда, наши мужчины проголодались. Пора нам взяться за обед.

Через десяток минут на складном столе разместились домашняя, знаменитая на всё побережье, рыба в разных видах, и овощные блюда. Мария обеспечивала насущные потребности семьи, не выходя за пределы своего хозяйства. Даже хлеб она пекла дома, в электропечи.

Обед неспешно продолжался почти до сумерек. Получасовое напряжение от ожидания Лерана быстро рассеялось. Мария изо всех сил угощала Барта. Леран почти не притрагивался к еде, Ирвин старался не отставать от Барта, разделив с ним его фляжку и свою бутылку, припасённую Марией. Леда вспоминала танец дельфинов, весело и беззаботно спрашивала о разных пустяках Барта. Больше всего её интересовало, чем будет заниматься Леран на телестудии.

Когда зажглись первые звёзды, Леда удовлетворила своё любопытство будущим брата и перешла от земли к небу.

– Барт, а ты знаешь названия звёзд? Ну, вот этих? – она протянула руку к небу, нацелив указательный пальчик в яркую звезду, нависшую прямо над горизонтом.

– Откуда? – удивился Барт, – Мои звёзды ходят по земле.

– И папа не знает. Он только Полярную знает и Большую Медведицу. А вот Леран знает всё небо! Леран, ну скажи им!

Леран оглядел небосвод и спокойно сказал:

– Если бы утром... По утрам небо интереснее.

– Чем же утром небо привлекательнее? – удивился снова Барт.

– Не все утренние звёзды видны вечером. Да и не во всякие дни небо одинаково. У меня есть своя звезда. Она загорается там, где встаёт Солнце. Утром.

«Ещё один сюрприз, – подумал Барт, – Я и не знал, то его так серьёзно интересуют звёзды. К земным ещё и небесные тайны...»

– Вот! – воскликнула Леда, – Об этой звезде даже я ничего не слышала. Ты должен рассказать сегодня же!

– Хорошо, – кротко согласился Леран.

«А ведь Леда имеет над ним власть или влияние, превосходящее авторитет любого из нас, – понял Барт, – Видно, как ей не хватало брата, так ему – сестры. Что есть загадка того

же золотого дождя в сравнении с тайной его прошлой жизни! Каково же было его детское окружение?»

Угас последний луч. Леран начал с Полярной звезды. Обрисовывая созвездия, он захватил полосу, включившую Кассиопею, Персея, Тельца, Ориона... Затем прочертил рукой прямую через Пояс Ориона. С одной стороны прямая начиналась от яркой звезды Альдебаран, с другой уходила дальше, за почерневший горизонт, к юго-востоку.

– Там, сейчас не видно, – созвездие Большого Пса. А самая яркая звезда созвездия будет светить утром, когда эта прямая линия укажет точно на восток. Древние египтяне знали её хорошо.

– Сириус? – неуверенно спросил Барт.

– Барт, я был уверен, что ты знаешь, – тихо сказал Леран, – Ведь ты не можешь знать меньше меня.

– Когда ты успел стать астрономом? – спросил Барт, вспоминая, что он знает о Сириусе.

Интересно ведь, почему Леран выбрал себе именно эту звезду из нескольких тысяч. Если считать видимые глазом, конечно.

– Само собой получилось. Звёзды легко запоминаются. Разве небо менее красиво, чем Земля?

– А далеко твой Сириус от Земли? – спросила Леда.

– Свет Сириуса летит к нам меньше десяти лет. Совсем недолго. А вот сама звезда, излучающая свет, для нас, людей, недостижима, – ответил Леран, – Странно, правда? Всего десять лет, а не добраться ни за какую жизнь...

– Свет Сириуса.., – вполголоса пропела два слова Леда, – Как красиво звучит. Леран, ты у нас стал говорить как поэт. Мама, мой брат будет знаменитым поэтом... Как замечательно! Я буду коллекционировать твои книги, Леран. Ведь у меня нет ни одной коллекции, и похвастать нечем.

– Я постараюсь, Леда, – пообещал Леран.

И заговорил незнакомым Барту голосом, звуки которого складывались в звонкие музыкальные фразы чужого языка. Но звучали они очень близко, знакомо...

– ...Бело-голубым Сириус стал недавно. Тысячу лет назад он был ещё красным. На самом деле Сириус – тройная звезда. Сиги-толо, По-толо, Эмме-йя-толо... Звезда Сиги-толо имеет две планеты, толо таназе. Толо, – звезда... Так говорят догоны. Звезда По-толо взорвалась и из красного гиганта стала белым карликом. Теперь она по размерам как Земля.

«Вот оно что! – Барт даже восхитился широтой интересов Лерана, – Народ Магриба... Догоны. Даже не народ, а малое племя из северо-западной Африки, имеющее странную древнюю память-знания о небе. Сведения, которые начали подтверждаться всего десятки лет назад. Возможно, у них имеется знание и земных тайн... Помнится, я сам обратил его внимание на догонов».

– Догоны – это народ, который всегда знал о Сириусе больше, чем всё человечество. Одна из мировых загадок. Я думаю, их предки прилетели с Сириуса. На космическом корабле. А если так, то этот корабль где-то хранится. Или то, что от него осталось. Барт обещал мне, что когда-нибудь мы с ним отправимся в Африку к догонам, – Леран посмотрел на Барта; при свете звёзд и ущербной луны его голова окуталась тёмно-золотым ореолом. И, – две золотые звезды, излучающие вопрос.

– А как же! – твёрдо сказал Барт, – Обещания надо выполнять. Закон для мужчины. Поедем. И возьмём с собой Леду. Если она не будет против.

Леда всплеснула руками.

– В Африку! Как интересно! Сегодня такой день... И вечер тоже... Всё, что сегодня задумаешь, обязательно исполнится. Ведь так? – она перевела взгляд с Барта на Лерана.

– Я знаю их мифы в пересказах. Это не совсем точные знания. Да и ключа к их пониманию у людей, которые побывали у догонов, нет. Думаю, самое главное они хранят крепко, – продолжил свой рассказ Леран.

«Хранят крепко... Как быстро этот мальчик, найдёныш с неизвестным прошлым, стал разбираться в сложных проблемах. Он найдёт ключ, о котором говорит, без сомнения, – думал Эриксон, любуясь сиянием вокруг головы Лерана, – И как же мне хорошо среди них! В своей семье не так... Да её, семьи, собственно говоря, нет. Неполные семьи – лишь название, в них нет нужного тепла ни для кого. Сёстры только и думают, что о моей помощи. О зелёных бумажках. А мать думает о дочерях. А здесь, – здесь мою малую помощь просто принимают, чтобы только не обидеть. Леран, – он и без меня пробьётся. Со мной – только путь будет покороче, поменьше ухабов... Если разобраться, я от Крониных получаю неизмеримо больше, чем отдаю. Вот такие часы вместе, – они бесценны. Не знаю, что меня ждёт впереди, но постараюсь сделать всё, чтобы Леран не испытал той горечи и унижений, что выпали мне. И той безрадостности, через которую прошёл Ирвин. Затеряться, пропасть в нашем мире легко».

Барт снова прислушался к рассказу Лерана о Сириусе и догонах, отметив, что Ирвин углубился в собственные мысли, проблемы связи Земли и космоса были далеки от его интересов. Ирвин Кронин, человек с философским складом ума, как и все отягощённые жизнью люди, в минуты отдыха обратился внутрь себя. Едва ли ему доставало времени, чтобы разобраться в самом себе, понять себя. А Леран уже теперь стремится к самопознанию. Пока через Сириус, через Атлантиду... Пожалуй, он взрослее и меня, и Ирвина, несмотря на практическую наивность.

– ...Спутник главной звезды красный гигант Йуругу взорвался сверхновой и стал белым карликом. Это был уже второй взрыв в системе Сириуса. Первый случился намного раньше. Тогда катастрофа постигла другой спутник главной звезды, звезду с двумя планетами. Вместе планеты называли Номмо, – близнецы. Одна из них, с именем Манде, тоже взорвалась. Обитатели Манде предвидели конец своего света и заранее покинули планету. Может быть, и не один, а несколько их космических кораблей достигли Земли. Они опустились на плато Кандагара в Африке и занялись просвещением земных племён. Вот откуда мифы догонов.

Леда слушала Лерана очень внимательно. И решила наконец на собственное мнение.

– Леран, ты найдёшь то, что осталось от их космических кораблей. А мне жаль планету Йуругу. Тысячу лет назад... Ведь на ней тоже могли быть живые существа. Так нельзя... Ведь правда?

– Правда, – отозвался Леран, – Я думал об этом. Не исключено, что и они выжили. У жрецов догонов могла сохраниться постоянная связь с Сириусом. Радио или ещё что-нибудь... Но чтобы узнать, надо познакомиться с догонами. Ведь так, Барт?

– Леран, остановись. Ты сделаешь из Леды поклонницу догонских жрецов. Да и ночь уж совсем чёрная. Луна куда-то пропала. Ирвин, у нас есть свет? Я в морской технике ничего не понимаю.

Ирвин включил освещение: лампочку под отражателем над столом, укреплённую на алюминиевой перекладине, на которую натягивался брезент в случае непогоды.

– И давайте поступим так. Пока Сириус Лерана не взошёл, наловим свежей рыбки чуть-чуть, на удочки, и зажарим на берегу. Лучше на углях. Хочется чего-то свеженького, горяченького. попроще и побольше, – сказал Барт и улыбнулся Марии, – Деликатесы так хороши, что я боюсь привыкнуть. Что тогда делать?

* * *

Звёздное настроение не оставляло их до той минуты, пока не заалели угольки на остатках костра рядом с коптильней во дворе дома...

* * *

Городские дни лепились друг к другу быстрее и плотнее, чем поселковые. И получались из них короткие, но вместительные недели. Прошёл месяц, – и Леран ориентировался на студии, как в родном кронинском доме.

Барт вынужден был почти насильно отрывать его от компьютерной сети раз в неделю, чтобы отвезти в Нью-Прайс на сутки. Желание Марии и Ирвина было для Эриксона внутренним законом. А Леран продолжал меняться. Правда, некоторые его действия и поступки по-прежнему можно было предсказать. К числу таких относилось и его отношение к статуе святого Себастьяна. Он уже окончательно отождествил истекающего кровью древнего юношу с немолодым человечеством. Всё более широкое знакомство с мировой прессой нисколько не прибавляло этой первой оценке оптимизма. Последним его замечанием на площади было следующее: «Нет, без помощи со стороны он не освободится от стрел».

Для Лерана это было время, которое Барт назвал позже «периодом шараханий». Старательно выполняя служебные поручения Эриксона, Леран всё остальное время отдавал поиску платформы, с которой можно было бы помочь «Себастьяну». Озабоченный его чрезмерной увлечённостью одной идеей, Барт как мог пытался его отвлечь. На дороге, которую хотел себе избрать Леран, сложили умнейшие головы многие тысячи представителей многострадального Себастьяна, но ни одной стрелы извлечь так и не смогли. Он даже вручил ему ноутбук, загрузив хитрыми играми, но через день игрушки исчезли из памяти мини-компьютера, а шарик трекбола рисовал на экране аналитические схемы. Леран изобретал свои методы социально-исторического анализа, соединяя прошлое и настоящее в немислимых сочетаниях.

Проза социального бытия, насыщенность города отрицательной энергией и негативной тяжёлой информацией Всё-таки опустили Лерана с неба на землю.

А записанное недавно Лераном интервью с представительницей прекрасного пола заставило Барта всерьёз встревожиться. Он нашёл время просмотреть-прослушать несколько кассет и понял: его подопечный поворачивает явно не туда. Прекрасная представительница раннего человечества, скандально известная балерина городского театра, была явно подготовлена к разговору.

– ...Какие требования вы предъявляете к будущему мужу?

– То есть к сегодняшнему жениху? Только одно, – чтобы он был. Но его – нет.

– По Гамлету?

– Нет. По-нашему! Тогда не было таких проблем и вопросов. Если нет предмета, то какие к нему вопросы?

– Никогда не поверю, чтобы вы не могли...

– А вы посмотрите вокруг, – представительница держала диалог в свои цепких тренированных ручках, – Сплошь и рядом мужские организмы. Идут, идут, идут... Туда-сюда, сюда-туда. Организмы, начинённые табаком, алкоголем, наркотиками, анаболиками... С раннего детства, заметьте. Если у них отобрать виски и сигареты, дать воздух без смога, посадить на чистую диету, – они же через час протянут ноги.

– Но не все же... Есть и лучшие...

– А этих лучших, – если их лишить борьбы с внутренней интоксикацией, они взорвутся от избытка энергии. Пока же её не хватает на половую потенцию и мозговую деятельность. Если такого вдруг, невзначай, пробьёт «искра», то кто от него родится? При одной мысли становится страшно...

Барт, просмотрев весь материал, понял: Леран планирует интервью с хитрой лгуньей, заинтересовавшейся оригинальным журналистом, сделать гвоздём специального выпуска, посвятив его вскрытию городских язв.

Статистика преступлений, равнодушная позиция властей, безрезультатная суета полиции... Болевые точки городского жития и причины проявления оных... Леран успел поговорить с выразителями интересов всех кругов, – от бульварных девочек до чиновников муниципалитета. И все они ему откровенно врут, почти не скрывая насмешки. А слишком рано повзрослевший мальчик верит всем без исключения.

Он верит всему, что печатается, всем, кто говорит с ним на языке двоедушия и лицемерия. И всё это – несмотря на неоднократные предупреждения Барта о том, что всякое слово должно быть проверено и выверено, иначе получится профанация и обман всех и себя.

Поиск всеобщего рецепта счастья на такой шаткой основе! Всё-таки он переоценил Лерана. Но только в одном: несмотря на мощный расцветающий интеллект, в нём живёт душа ребёнка. К самостоятельной серьёзной работе его просто нельзя подпускать: ломает себе шею! Сент-Себастьян не самый последний из коррумпированно-опасных городов в стране. Среди полутора миллионов исчезнуть без следа одному любопытному журналисту – проще не бывает.

По всему получается: требуется серьёзный и очень непростой разговор. Но, – понимал Барт, – пока Леран сам лично не убедится в правоте Эриксона, он едва ли изменит линию поведения и отношения к профессии. Придётся первое время блокировать его инициативы, следить за ним как за своенравным учеником–школьником. Забота немалая, да ничего не поделаешь.

Ведь Леран стремится спасти не абстрактное человечество! Он думает об этой развратной девице, заглядывающей ему же в штаны. И о нём, Барте Эриксоне, увязающем в алкогольной потребности. О Леде, которой предстоит жить в этом безобразном городе. И о многих других конкретных людях.

Само собой сложилось так: стержнем картины мира Лерана Кронина стал святой Себастьян, то есть потерявшее святость человечество. Желает он его оздоровить, спасти, взрастить, – и всё тут! А народ только и ждёт появления нового спасителя, чтобы тут же распять его.

– Леран, объясни мне, что ты ищешь? Как ты хочешь реализовать свои революционные планетарные идеи?

Барту не хотелось говорить о недостатке образования, – люди с дипломами и научными степенями соображали не лучше, а много слабее Лерана. Не имело смысла напоминать и об опасности избранной цели. Существовал один путь – чисто интеллектуальный, причём не просто логический. Умозрительных доказательств Леран не признавал, считая логику в любом её виде недостаточной для поиска ответов на серьёзные вопросы. Надо показать ему исходную бесполезность попыток, неразрешимость задачи в принципе.

Леран вместо ответа повернулся к компьютеру, застучал клавишами клавиатуры. На экране появилась красочная картинка, подготовленная, по-видимому, самим Лераном. Барт понял сразу: визуальная модель глобальных проблем социума.

– Барт, посмотри, я выяснил причину такого тревожного положения. Прогрессирующее всеобщее разделение людей привело каждого человека к крайнему одиночеству. Все стали врагами! И игра пошла без правил. А где нет правил, нет и логики. Общей логики. Все наши законы и моральные устои, – кисейное прикрытие для самоуничтожения.

– Всеобщая агрессивность..., – протянул Барт, не скрывая иронии, – Открытие! Я с детства не мог найти того, с кем можно пойти в разведку. И что же?

– Я хочу сделать людей друзьями. Тогда они сами...

– Что? – почти развеселился Барт, – Они сами бросятся друг к другу в объятия, если их назвать друзьями?

– Не так. Не сразу, – ответил Леран с нетерпением, – Надо открыть людям глаза. Ты был прав, когда говорил мне, что средства массовой информации в основе лгут. Надо показать всё как есть. Им же – их самих.

– Нам, – нас!

– И ты думаешь, что создаёшь новую идеологию? Что бы ты ни показывал людям, они будут видеть то, что хотят. Только то, что хотят, Леран. Ты же не стремишься изменить желания?

– Конечно, нет. Это – насилие.

– Насилие... Да мир без насилия исчезнет немедленно в окончательном, безвозвратном хаосе. А пока ещё остаётся надежда. Вот если бы и она исчезла! Ты идеализируешь людей, а сам идёшь по пути материализма. Да все возможные пути людьми уже пройдены. Всё оказалось бесполезно.

– Материализм? Барт, ты считаешь меня марксистом? Или, – Леран сделал паузу, вспоминая, – Или ленинцем?

– Леран, ты знаком с энгельсовским канонем материализма?

Леран молча смотрел на Барта, – он впервые слышал о таком «каноне».

– Так вот, послушай. В ходе превращения обезьяны в человека развивались органы речи и, естественно, сама обезьяна. Всё это происходило в обстановке реализации потребности будущих людей в общении, в стремлении что-то сказать друг другу. То есть, – друзьям! В этой формуле – краткая суть материализма. Преклонение перед так называемой второй сигнальной системой.

А в одной формуле, – сразу три ошибки (или заблуждения), обусловленные самой идеологией материализма. Голая диалектика против бесконечной сложности жизни оказалась бессильна. Только наука смогла разрушить опоры искусственной конструкции. Первое – обезьяна никогда естественным путём не может стать человеком. Никакая обезьяна. Второе – развитие потребности в речевом общении, – нонсенс. Очищенный от благоприобретённого в ходе такого общения опыта человек способен, – то есть изначально был способен, – говорить с себе подобными мыслеобразами, мыслечувствами, контактировать подсознанием и тому подобное. И, таким образом, в-третьих, вторая сигнальная система вовсе не вершина, а веха на пути деградации, ступенька вниз.

Леран продолжал смотреть на Барта, заметно ошеломлённый нетривиальным выводом.

– Но материализм существует, меняется, живёт. Он, – магия. Нет, – магия магии! И он стал новым евангелием. Ответь же мне, в чём привлекательность магии материализма, её сила?

– Я не думал над этим, Барт. Но знать должен.

– Так давай подумаем вместе. Над тем, что она, он, оно, они наконец, предлагают. И сравним, отличаются ли от их псевдонаучных идей твои предложения, сформулированные пока не столь системно. Чтобы разобраться в таком, совсем необязательно каждый день ходить трезвым, – Барт сунул руку в карман пиджака и вытащил фляжку; он чувствовал, что идёт по верному пути, но отвыкший от диалогового напряжения мозг требовал подзарядки, разговор предстоял не короткий, – Сила этой живучей магии в том, что она поверхностное представляет главным, видимое, – первопричинным, сущностным. Не надо размышлять, не надо мыслить в истинном смысле понятия. Требуется лишь ставить цели и непреклонно добиваться их, отбросив сомнения и колебания. Каждому – то, что и всем.

Всем – то, чего желает один. Такая вот хитрая демократическая связочка. Без веры тут не обойтись. И если ты сам себе не авторитет, то избери кумира. Назови его Марксом, Лениным, Крониним, Эриксоном, президентом. Неважно. Важно наличие кумира. Он – олицетворение веры. Он говорит обо всём, в его словах найдёшь ответ на любой вопрос. Чем хороши произведения классиков любой идеологии? Тем, что смысл там наверху, он близко, рядом, не надо бросать сетей, чтобы выловить нечто из глубины. Ниже поверхности там – пустота. Текст, речь – одноплановы, что читается, то и написано. А слово человеческое многозначно. Потому, – о чём хочется, о том и думаем. Думы о том, чего хочется! Похоже? Предельно простая схема. Сеятель прошёл, всходы заалели. Плод таков, каково семя. Что посеешь, то пожнёшь.

Магия материализма живёт на наших материальных желаниях. Она взращивает их, поливает золотым дождём растущих потребностей. Простые, узнаваемые желания... Если предельно упростить: хочу иметь то же, что и у другого. Я – такой же, не хуже! Не получается иметь: отобрать, разделить...

Всё легко, всё достижимо! Всё близко. Возникает вера: не успею разделить поровну я, мои дети будут жить как люди. Таков принцип жизни, – дозволено всё, что делает меня равным другому.

– Я понимаю, Барт. Согласен, мои представления утопичны. Я действительно занялся конструированием идеологии. Но как ещё?

– А если наука? Попробовать разобраться с помощью психологии, психофизиологии, паранормальных слоёв психики, наконец?

– Не уверен. Я думал немного и над этим. Дал задание компьютеру собрать научные данные о человеке. Интеграции не получилось. Какие-то куски человека, не связанные между собой, – такая вышла картинка. Фрейд опирается на нереализованные детские половые потенции, Юнг, – на заложенные в генах психические программы. Спорят, опровергают сами себя. Физиология от психоанализа отделена занавесом, как коммунизм от свободного рынка. А в свободном виде ни того, ни другого в природе и не бывало. Архетипы и электрохимические процессы мозга никак не объединить. А это значит, – хоть один подход да ложный! И так во всём...

– Стоит ли разочаровываться? – спросил Барт, – Ограниченность земной науки известна. Вместо того, чтобы нацеливаться на человека, она устремлена вовне. Но мы-то пока живы, несмотря на такую науку. У нас с тобой есть Мария, Ирвин, Леда. Разве этого мало?

– Я понимаю, о чём ты. Не спорю, мне повезло. И признаю сейчас, что запутался.

– Так ты отказываешься от своего замысла? Отправляем собранный тобой материал в архив? На время. Пока не понадобится...

– Отправляем! Всё-таки я вынужден вернуться к своей давней мысли: сам человек без помощи извне бессилён. Но где искать внешнюю силу?

Барт жадно приложился к фляжке. Похоже, что-то получилось. Опасная затея на какой-то срок оставлена. Пусть займётся поисками «внешней силы». Здесь, если кого он и ухитрится задеть, то разве что церковь. А она не столь агрессивна, как все прочие общечеловеческие органы.

* * *

– Леран, мой хронометр отказал. Который час? – спросил Барт, входя в комнату, где Леран монтировал на компьютере очередной выпуск тележурнала «Мир и наука».

– Около десяти ноль-ноль, – не отрывая взгляда от экрана, ответил Леран, – Солнце ушло, луна ещё не поднялась.

– Сумерки мира! Опять эти сумерки! – воскликнул Барт; он был явно «на взводе», – Ты опять собираешься просидеть тут всю ночь? Собирайся, составишь мне компанию.

– И куда мы пойдём? – Леран повернулся с креслом кругом и посмотрел в лицо Барта.

– Мой отравленный организм требует подзарядки. А без тёплого братского контроля я сегодня могу перейти грани. Выйти за рамки. Нарушить устои. Чего никак нельзя допустить.

– Я понял. Тебе нужна моя поддержка и страховка. Я готов.

– Замечательно, Леран. Ты настоящий друг. С тобой я готов идти в разведку. Сегодня мы посетим приличное заведение, где развлекаются лучшие люди израненного Сент-Себастьяна.

Пройдя по пустому гулкому коридору студии, они попрощались с охранником и оказались в мире красок и звуков. Зная и разделяя аллергию Эриксона к уличной рекламе, Леран

остановил такси. Барт назвал адрес и минут через десять они стояли у входа в бар, украшенный огромной фотографией голой девочки во весь рост.

– Нравится мне это место, Леран. Гоу-гоу бар... Ну да ладно, одним грехом больше... – Барт толкнул рукой стекло двери, – Вперёд.

Они прошли в помещение и остановились осмотреться. Леран с любопытством оглядел заведение. Длинная стойка облеплена посетителями в два плотных слоя. На самой стойке творят чудо обольщения две девицы. Тела их мерцают в дымном свете жёлтыми и красными пятнами крема и пота. Сеанс стриптиза подходит к кульминации.

В стороне от бара за десятком столиков расположилось несколько человек, поглощавших напитки и закуски без отрыва жадно горящих взоров от зрелища на стойке бара. Между столиками крутятся несколько девиц, раздетых скромнее, чем их две подружки, избранные правофланговыми наидревнейшего ремесла.

– Ты часто здесь бываешь, Барт?

– Нет, – Эриксон поднял руку в ответ на приветствие какого-то моряка за стойкой, – В случаях особо тяжких. Здесь легче и быстрее ликвидировать стресс. Пройдём за столик.

Они сели и тут же подлетевшая полуголая официантка приняла заказ: нераспечатанную бутылку виски и закуски по усмотрению.

– Зачем столько алкоголя? – спросил Леран, коснувшись пальцами руки Барта, – Ведь ты уже выпил не менее стакана.

– Алкоголь помогает мне снять напряжение. Без спиртного в нашем мире можно с ума сойти. А о количестве... О нём может судить только сам пьющий. И то на утро следующего дня.

– То, что ты пьёшь, не секрет, Барт. Но я не подозревал, что из-за стресса. Всегда думал, что нервная система у тебя устойчива. Как у отца. Он тоже пьёт, но не так.

От такой неожиданной наивности большие карие глаза Эриксона расширились, немного удлинённое острым подбородком лицо вытянулось, черты его потеряли обычную нежность. Он с трудом нашёлся, как отреагировать.

– Верно, Леран. Мне до Ирвина, как до звезды, расти-не дорасти. Твой отец – настоящий мужчина.

Официантка, рекламируя бёдра, принесла заказ, Барт сразу же разлил виски по стаканам, бросил в свой кусочек льда, выплеснул всё содержимое стакана в себя, с хрустом погонял во рту лёд.

– Бывает, как сегодня... Наступает минута: работать не могу, видеть кого-нибудь, разговаривать с кем-нибудь, – не могу. Возбуждение переполняет тело, мозг... Чтобы не взорваться, нужен антидепрессант. Из всего их набора я предпочитаю только один вид.

– Но со мной ты говоришь? – Леран спрашивал так спокойно, что Барт никак не мог решить: естественное его спокойствие или результат раннего умения сдерживать эмоции.

– Ты, Леран, другое дело. Мы с тобой близкие друзья. Даже не друзья, – родственники, братья. Кроме Крониных, у меня не осталось в мире близких людей.

– Я понимаю... Есть ещё химия, растительные наркотики. Все они ведут к быстрому саморазрушению. Но ведь есть и другие средства?!

– Есть. Есть и другие, – Барт говорил и держал в руках вновь наполненный стакан. Тепло ударило в желудок, внутри началось горение, стало легче, – Но они для меня неприемлемы. Так как требуют смены образа жизни. А такое невыносимо. Слишком поздно менять и меняться...

Барт легонько коснулся ладонью обнажённого бедра проплывающей рядом красавицы. Леран не обратил внимания на его движение. Девочки на стойке остались в одних трусиках, и издали выглядели весьма привлекательно. Но и на них Леран не посмотрел ни разу, ему оказалось достаточно одного взгляда при входе.

«Какой он всё-таки странный, – подумал Барт, оглядывая Лерана и фиксируя притянутые к нему глаза женского персонала заведения, – Никакой реакции на прекрасный пол. Будто он

египетский евнух. Но ведь не так. Идеально здоровый, всесторонне развитый мужчина. Такие самцы становились вождями племён, отцами народов. Половую потребность удержать невозможно. Почему он такой?»

Женское внимание к Лерану не осталось незамеченным в зале бара. Очень скоро к их столику подошёл враскачку «хозяин одной кобылки», как потом выразился Барт, и попытался было выразить свои претензии к золотоволосому «красавчику».

Эриксон не стал ждать, пока его растянутое «эй, красавчик» перейдёт в действие, выплеснул остатки виски из стакана ему в нетрезвое лицо, а ногой снизу ударил в промежность. С глухим стоном защитник половой собственности свалился на пол и его тут же утащили неизвестно откуда взявшиеся вышибалы.

– Зачем ты его так? – спокойно спросил Леран.

– Таков порядок! Не ждать же, пока он начнёт крушить выпивку и закуску на нашем столе, – так же спокойно ответил Барт, – Благополучные пацифисты, готовые подставить другому щёку, сюда не заходят. Здесь каждый и святой Себастьян, и стрела, в него впившаяся.

– Барт, если я выпью с тобой, тебе станет легче? Здесь никто не пьёт в одиночку. А у тебя ещё почти бутылка.

Рука Барта, поднявшая было стакан, застыла и медленно опустилась на стол. Он ошеломлённо посмотрел на Лерана.

– Брат! Ты сегодня со мной не потому, что я хочу видеть в тебе подобного себе. Нет. Тебе всё равно предстоит узнать все стороны жизни человеческой. Они далеко не привлекательны. Так пусть это знакомство пройдёт через меня, рядом со мной. Вот почему ты здесь. Но выпить можешь. Сколько захочешь. Абсолютно непьющий не найдёт успеха ни в какой деятельности. Но из меня не делай кумира. Я – отрицательный персонаж этой пьесы, – Барт обвёл рукой пространство, зацепился за талию проходящей мимо брюнетки, другой рукой подвинул стул и посадил её рядом с собой.

– Посиди с нами, крошка, – Эриксон наполнил ещё один стакан и протянул его брюнетке, наблюдая за тем, как Леран осторожными глотками осушает свой, – У нас праздничный вечер, хочется разделить его с кем-нибудь. Тебе ведь тоже не сладко?

Он заглянул в закрашенные голубым глаза и увидел пустоту, лишённую определённых признаков мысли. «Ещё одна ходячая программа. Организм... Ни сладости, ни горечи она не знает. Только боль или наслаждение. Но и от них вскоре останется одна тень», – с тоской подумал Барт и снял руку с горячего стана. Кожа девушки стала противно-скользкой, как у свежепойманной лягушки.

– За мировую катастрофу, – произнёс Эриксон тост, подождал, пока Леран и безымянная «крошка» выпили, продолжил, – Она одна способна оздоровить нас. Без катастроф мне что-то тоскливо. Будто я остался один в мире живой, а кругом – только куклы. И поговорить на равных не с кем. Крошка, на каком заводе тебя делали?

– Барт, ты знаешь, у меня тоже бывает такое чувство, – сказал Леран; неуверенная, громче обычного речь его показала начало действия полутора стаканов виски, – Словно я в этой жизни попал не туда, куда хотел. А куда мне надо, – никак не могу вспомнить.

Опьянение Лерана Барт отметил с лёгким удивлением, но не стал на него реагировать. Пусть мальчик узнает цену и похмелью, меньше потом будет тянуть к рюмке.

– А ты не хотел бы поближе познакомиться с нашей красавицей? – Спросил его Барт, задержав взгляд на высоко поднятом бюсте, туго схваченном прозрачными кружевами.

– Зачем? Нам и так хорошо, – ответил Леран, – К чему она нам?

Теперь уж Эриксон поразился по-настоящему: Леран говорил абсолютно трезвым голосом, в котором не было слышно ни капли алкоголя. И, чтобы скрыть удивление, налил «Крошке» ещё стакан, и сказал:

– Выпей, родная. Выпей, закуси и пойдёшь погуляй. Понадобишься, я тебя позову.

Крошка послушно выполнила указания Барта и покинула столик, отрепетированно изящно обходя препятствия, демонстрируя белую лягушачью кожу. В помещении бара сгустился дымный вонючий угар, ритмы ударных упростились и участились, заставляя кипеть разгорячённую кровь наэлектризованных городом клиентов. Дирижёр злачного заведения умело переводил режим работы с вечернего, заводящего, на ночной, пропитанный неудержимой и несдерживаемой страстью. Ночь обязана была приносить вдвое большую прибыль, чем день.

– Барт, тебе не нравится город, я вижу, – сказал протрезвевший Леран, – Если бы твоя воля, где бы ты жил? В каком месте?

– В другом! – без размышлений отреагировал Эриксон, – И точно знаю в каком! В доме Крониных. И ходил бы в море вместе с твоим отцом.

– Ты тоже любишь море?

– Особенно подводный мир. Тебе он знаком лучше, чем мне. Мои возможности не развились до такой степени. Но жизнь человека-амфибии – мой идеал.

– Подводный мир.., – Леран протянул слова почти так, как это делала Леда, – Почему подводный? Под водой – та же земля. Мир моря – это водный мир.

– Леран, не цепляйся за несовершенство языка. Надводник, водник, подводник, водяной... Запутаться можно. Надо бы придумать слово поточнее...

Попытку словотворчества остановил тот самый человек в форме торгового моряка, на приветствие которого ответил Барт при входе в гоу-гоу бар.

– Привет, ребята! А я уж думал, что потерял вас. Можно пришвартоваться? – Моряк занял стул, на котором недавно сидела «крошка» и обратился к Барту, – Сколько же мы не виделись? Помнишь?

Барт попытался напрячь память и неуверенно сказал:

– Конечно, помню. В порту? Недавно? В этом году?

– Ну как же! – рассмеялся моряк; лицо его излучало доброту и симпатию, – Мы тогда славно повеселились. А сегодня вы что-то скучаете.

Барт посмотрел на Лерана и понял, что придётся расстаться и с забытым им другом-приятелем, так же как с Крошкой. Он налил моряку стакан, подвинул прибор и сказал:

– Извини, друг. У нас деловой разговор. Давай отметим встречу, а уж в воспоминания ударимся как-нибудь в другой раз.

– Хорошо. Я всё понял. Дело есть дело, – он опрокинул стакан одним глотком, даже не поморщившись, бросил в рот пальцами кусок холодного мяса и поднялся, – Но помните, если надо, я к вашим услугам.

Моряк располагаясь улыбнулся и враскачку удалился к стойке, где стриптиз уже третий раз входил в заключительную фазу, приводящую прилипших к стойке крепко налитых зрителей в шумный восторг. Эриксон некоторое время наблюдал за извивами тел на стойке бара, затем уткнулся взглядом в пустое дно стакана, молча долил остатки спиртного.

– Барт, ты член нашей семьи. Ты мой брат, – сказал Леран, наблюдая, как Эриксон вертит стакан в руках, – И если бы не ты, я не знаю, что со мной было бы. И со всеми нами. Но я никак не могу понять, что ты в жизни ценишь больше всего. Мне это важно знать, потому что неясно, для чего я сам живу.

Барт грустно улыбнулся. Хмель перестал его брать, а разговор получался уж слишком сложным.

– Я в твои лета не спрашивал о таком. И теперь стараюсь не думать. Кто ответит на такой вопрос? Могу только признаться, что мне нравится более всего. Одновременное присутствие рядом нескольких вещей: хорошие люди, выпивка при нужде, хорошая закуска, а на десерт, – более-менее красивая девочка. Чернокрылую крошку мы проводили, придётся искать другую. Как видишь, я не стремлюсь к каким-то высотам, к успеху...

– И когда всего этого нет, тебе плохо?

– Плохо? Бывает, что и плохо, – Барт усмехнулся, хотел было налить в стакан, но разочарованно отодвинул опустевшую бутылку, – Иногда так тянет, что... Вот с похмелья хочется женщину. До безумия тянет. В кровь вбрасывается столько тестостерона, что хоть на стену лезь. Есть ещё работа, она мне нравится, сам видишь. Позволяет мир увидеть, людей посмотреть, иногда сталкивает с такими загадками, что обо всём забываю. Скоро мы с тобой займёмся поездками, увидишь.

– Тут мы с тобой сходимся. А вот какая загадка тебя сейчас особенно беспокоит?

– Хм-м..., – Барт подумал, говорить или нет, но решился, – Золотой дождь. Хочется самому посмотреть.

– Я слышал... Тоже хочу увидеть. Красиво, наверное.

Осознав, что начинает уставать и от Лерана, и от долгого разговора о себе, о цепях вечной земли, больно сжимающих его слабое сердце, Барт принял решение.

– Засиделись мы с тобой, Леран, пора разбежаться. Думаю, тебе надо домой. С утра в студию не торопись. Отдохни как следует. Встретимся на работе. А мой сценарий вечера ещё не окончен. Уж очень много дурных мыслей собралось в моей нетрезвой голове. Надо бы их разбавить всякими пустячками, пока не слиплись в непереваримый грязный ком. За меня не опасайся, в таких местах я как рыба в воде. Профессия научила. Или вовлекла, теперь неважно.

Леран согласно кивнул, они поднялись, Барт хлопнул его ладонью по плечу. Леран, осторожно раздвигая отхлынувшую от стриптизной стойки толпу, – девочки ушли на перерыв, – двинулся к выходу из бара, а Эриксон, тяжело опустившись на стул, заказал себе ещё виски. Никто из них не заметил, как забытый Бартом приятель-морьяк, оторвав голову от стойки, проводил Лерана мутным взглядом, потом оглянулся на столы и вышел следом.

В десять утра, с покрасневшими глазами, но свежий и бодрый, Эриксон застал Лерана на рабочем месте. Вид его, необычно мрачный и расстроенный, заставил спросить:

– Привет, Леран. Что-нибудь случилось?

– Да, Барт. Я потерял сувенир от Леды. И все деньги.

«Деньги могли вытащить, – подумал Барт, – Но медальон! Конечно, он очень ценный, достался ей от бабушки. Но Леран носил его на груди, на стальной цепочке. Потерять никак невозможно».

– Потерял... Расскажи мне всё, что произошло с тобой. С той минуты, как мы расстались.

Рассказ Лерана и рассмешил, и встревожил Эриксона. Он окончательно уверился: молодой Кронин совершенно не адаптирован к городской жизни с её соблазнами и пороками.

Тот самый морьяк торгового флота, имени которого Барт и теперь не вспомнил, встретил его по пути домой и пригласил к себе. Никакой он, конечно, не морьяк. Но толковый психолог, – точно выбрал жертву. И сумел обвести даже многоопытного Эриксона: так тонко разыграл партию знакомства! Если бы не виски, Барт заподозрил бы неладное. И на самом деле, надо бы поменьше пить.

Пришлось обратиться к Мартину, понадобилась профессиональная помощь.

– Я думал, он твой друг, – после объяснений Эриксона сказал Леран, – Твои друзья не могут быть такими... Разве он вор? Деньги я бы ему сам отдал, если бы он попросил.

Эрнест Мартин раскрутил дело за световой день. Ещё до наступления сумерек в номере гостиницы, который занимал преступник, провели опознание и изъятие украденного. Лже-морьяк оказался высококлассным мошенником и вором, обладающим тонким природным даром психолога-актёра.

Эриксон подозревал, что Леран не мог не заметить процесса очищения собственных карманов и снятия цепочки с медальоном, произведённых в густой толпе, после того как лже-морьяк «случайно» встретился с ним в сотне метров от бара. Просто Леран не мог поверить в очевидное, считая морьяка близким товарищем Барта.

Вечером, за ужином в квартире Эриксона, полицейский комиссар, поиронизировав над детской доверчивостью Лерана Кронина, попросил его вспомнить обо всех необычных встречах с людьми за время пребывания в Сент-Себастьяне. После ряда уточняющих вопросов Леран рассказал ещё о двух происшествиях, которые обеспокоили Барта значительно больше, чем случай с «моряком».

Оказалось, что Леран находится «на заметке» сразу в обоих государственных секретных службах, проконтролировать действия агентов которых практически невозможно.

Первым был встреченный прямо на улице агент федерального бюро, после короткой беседы предложивший Лерану посвятить жизнь защите государственных интересов. Для начала предполагалось направить кандидата в столичный округ в учебный центр, расположенный среди пустыни. Судя по описанию Лерана, это мог быть и натуральный джи-мэн, и скрывающийся под маской федерала вербовщик спецподразделений министерства обороны.

После твёрдого отказа Лерана джи-мэн заявил, что не считает разговор законченным и надеется на новую встречу.

Второй контакт, с представителем разведывательного управления, показал, что последние подробности из жизни Лерана Кронина не являются тайной. Агент поставил под сомнение подлинность гражданства Лерана Кронина и предложил помощь в его истинной, полной натурализации. Но за обладание всеми правами гражданина на легитимных основаниях Лерану предлагалось оказать кое-какие услуги разведывательному ведомству.

Беседу с ним Леран воспроизвёл почти дословно.

– Помните, молодой человек, от наших предложений не отказываются.

– Почему? – удивился Леран, – Не понимаю, как можно заставлять человека делать то, чего он не хочет.

В ответ таинственный собеседник с очень большими правами только усмехнулся. И приступил к обсуждению перспектив, вытекающих из добровольного согласия.

– Займёмся вашей подготовкой... Освойтесь, получите хорошее образование.

– Зачем мне это?

– То есть? Для будущего. Поедете потом, скажем, в Россию. Там сейчас много работы. Покажете себя, – в чём я не сомневаюсь, – и будущее обеспечено.

– Для чего обеспечивать будущее? Разве настоящего недостаточно?

– Не торопитесь с заключениями. Вы ещё слишком молоды. Возможно, моложе, чем сами думаете. Нам нужны такие люди.

– Вам нужны слуги. Почему вы не говорите открыто? Я думаю, вы меня в чём-то подозреваете. И хотите использовать эти подозрения в личных целях...

«Молодец, Леран, – подумал в этом месте рассказа Барт, – Всё-таки его наивность имеет пределы. Он сразу нащупал ту опору, за которую ухватился всезнающий разведчик. Надо нам ещё раз заняться документами, чтобы и комар не нашёл щёлочки. Как же они пронюхали? Единственное слабое место, через которое можно и шантажировать, а не только предлагать нежелаемое».

Вторая попытка вербовки закончилась так же, как и первая. Но теперь Лерана ожидали более серьёзные встречи и с джи-мэном и с его ещё более могучим коллегой-соперником.

– Они взялись крепко, – в задумчивости сказал Мартин, – Моего влияния будет недостаточно. Придётся привлечь Фрэда. И ещё кое-кого. Иначе они не оставят Лерана в покое. Как видишь, мой юный друг, люди нуждаются в защите не только от преступников.

Ужин закончился обзорной лекцией для Лерана о сути и повадках органов, начавших за ним охоту, особенностях человеческих взаимоотношений и прочем по поводу. Леран окончательно убедился в том, что абсолютно не готов для роли революционера-благодетеля.

Последующие дни показали Эриксону, что список интересующих Лерана загадок значительно пополнился. Неопознанные летающие объекты, Бермуды, филиппинские врачевания

тели, и, наконец, драконы... Переработав с помощью компьютера всю доступную информацию, Леран нацелился на решение одной задачи, – на тайну отсутствующих в природе драконов.

Проблема так увлекла его, что он совсем перестал спать, не покидал комнатки в студии, отказывался от завтраков и обедов, ограничиваясь парой чашек кофе в день. Памятуя, что в разумных пределах пост не вредит жизни, Барт внимательно наблюдал за его физическим состоянием и работоспособностью. И то, и другое оставалось в прежней норме, голодовка никак не отражалась на самочувствии юного Кронина. Зная теперь Лерана много лучше, Эрикссон понимал, что следует быть готовым к новым неожиданностям в его поведении, могущим привести к непредвиденным приключениям. А для того следовало быть в курсе всех интересов и увлечений любителя экзотики.

Решив поближе ознакомиться с последним увлечением Лерана, отдельные материалы которого периодически выплёскивались на страницы теле-еженедельника «Мир и наука», Эрикссон отправил ассистента с пустяковым поручением в кинохранилище, а сам занял его рабочее место.

На стене, чуть повыше компьютерного дисплея, висели две красочные репродукции одной картины. Барт заинтересовался: они немного различались.

Одна, явно добытая через интернет и отпечатанная на принтере, изображала полуодетую женщину, несущуюся по морю на чём-то похожем на раковину. Тянули её два дельфина, изображённых в момент прыжка над водой. Дельфины управлялись дамой посредством пододея вожжей, и выражали явное довольство своей судьбой, показывая в широкой улыбке ряды мелких зубов и широко раскрыв светящиеся счастьем глаза. Мелкая надпись внизу гласила: «Рафаэль. Фреска «Триумф Галатеи».

Соседняя картинка отличалась тем, что Галатея была золотоволосой и золотоокой, а вместо раковины платформой-транспортом ей служили лепестки большого цветка. Надписи здесь не было, вместо неё, – какой-то код, явно компьютерный.

Немного поразмыслив, Эрикссон решил, что код закрывает доступ в какой-то логический диск и попробовал проникнуть в него. Он угадал, Леран и не стремился скрыть свою работу слишком хитрым шифром.

Информация на диске посвящалась земным событиям семидесятимиллионетней давности. Леран собирал и систематизировал всё, что относилось к глобальной биокатастрофе того времени.

Вымирание рептилий, гигантских хозяев Земли, резкое изменение всей фауны и флоры... Величайшая тайна прошлого планеты, в которой скрыты причины сегодняшних процессов. Так считал Леран.

Стык мезозоя и кайнозоя. Изменилась даже химия мирового океана.

Необъяснимый всплеск концентрации иридия, местами в тысячи раз! В Южной Америке в девятнадцатом веке немец Бурмейстер с товарищем по науке изучал останки гигантского млекопитающего – ленивца, мегатерия. В человеческой памяти такие животные не сохранились: ни в легендах, ни в мифах. Учёные заключили, что мегатерии уничтожены, – в соответствии с местным, чудом выжившим сказанием, – направленным излучением. Возможно, оно было связано или совпало по времени с тектоническим катаклизмом, сопровождавшимся извержениями вулканов, падающими с неба раскалёнными камнями, многочисленными молниями.

Леран относил уничтожение мегатериев ко времени глобальной катастрофы в биосфере, покончившей с мезозойской эрой. И, – он почему-то категорически отвергал гипотезу о постепенном исчезновении динозавров. Явно прослеживалась мысль о целенаправленном воздействии на фауну того времени!

Больше всего страниц, – описанию драконов, наиболее любопытных представителей рептилий-амфибий. Хозяева трёх планетных стихий: суши, воды и воздуха, обладающие созна-

нием, превышающим человеческое разумение. Миф! Или Всё-таки нет? Ведь он, Барт Эриксон, не относил себя к ортодоксам, для которых единственная реальность, – факты науки.

Африка за эти десятки миллионов лет не изменилась. В Африке живут догоны. На Египет падал свет Сириуса... Эти мысли мелькнули в голове Эриксона, и он с новым интересом принялся листать подготовленный Лераном том. И как он успел всё это собрать, обработать, переварить в собственном сознании!

Драконы выжили в потрясениях мелового периода? Единственные среди множества рептилий! Каким же образом?

Леран не исключил связь этой катастрофы с космическим событием.

Но видел в космосе не причину, а только связь. Он ставит вопрос (или повторяет его?): откуда у южноафриканцев память о причине смерти мегатериев, если сведений о самих больших кротовидных ленивцах у них не сохранилось? Странная память длиной в семьдесят миллионов лет, откуда она?

Вывод: именно в те невообразимо далёкие времена сложились условия для появления человека. В предыдущем мире ниши для него не существовало. Макромир имел тогда иные, нечеловеческие масштабы-измерения! И вдруг, разом, – переворот, обеспечивший развитие человеческой формы разумной жизни.

Нельзя исключить: звездолётчики с Сириуса стояли у истоков человеческой расы, они и явились первыми цивилизаторами. А возможно, и единственными.

Вот ещё... Безуспешные попытки моделирования начала биоэволюции, начатые каким-то русским по имени Редько. Ускорение процессов, сокращение времени... Создание живого из первичной органики, – идея лопнула.

Следовательно, делает вывод Леран: имеется какая-то сила, создающая живое, ведущая к разуму. Данный процесс изнутри моделироваться потому не может принципиально. Не с нашими мозгами, иначе говоря. Откуда же мы, люди? Не из обезьян, это уже неопровержимо ясно. И не из молекул первичного случайно замешанного бульона, – тоже понятно.

Барт поднял глаза: золотоволосая Галатея улыбалась ему глазами Лерана. Он взглянул на хронометр: прошло два часа! Достаточно. Ему суток не хватит ознакомиться с накопленной Лераном информацией. Но и двух часов достаточно, чтобы сделать вывод. Фантастика! И, – издали запах сенсации! Слишком всё серьёзно, для Лерана это, – не игра, а научное расследование. И мыслит он уж очень парадоксально, широко, соединяя чрезвычайно далёкие факты и явления в единое красочное полотно. Что уже одно заслуживает серьёзной оценки. Но – откуда взять силы и многие недели, а то и месяцы, чтобы действительно с научных позиций разобраться в этой крошке, сделать приличный сериал? Разве что продать как идею и основу для художественного сценария? И для тележурнала тут столько захватывающего и осколочного материала, что хватит очень надолго. Можно подумать и над организацией ещё одного, параллельного выпуска на канале, или чего-то вроде приложения к эриксоновскому детищу. И поручить руководство Лерану Кронину. Идея прекрасна. Пора его загружать самостоятельной работой, меньше будет времени на фантастические устремления. Если этот материал, код которого скрыт под ногами звёздной Галатеи, хорошо подать, – руководство не только поддержит, а уцепится всеми руководящими руками-ногами...

4. Лик забытых лет

– Барт, ведь Эрнест Мартин по происхождению африканец. Он может как-нибудь связан с догонами?

В зеркале заднего вида Эриксон видел часть лица Лерана: глаз, напоминающий тигриный, под тёмно-шёлковой бровью, и золотистую завитую прядь. Отвечать на полудетский вопрос не хотелось, он вспоминал последний короткий разговор с Ледой. Слова Леды встревожили, но с какой стороны шла тревога, не было ясно. Слабое место семьи, – Леран. Но пока ему, кроме давления со стороны агентов спецслужб, ничто не угрожало. К тому же всё решено, они едут на встречи, которые поставят точку в этом деле.

Барт отметил в Леде новое... Её яркая внешность невольно привлекала, взгляд сам следовал за ней, отмечая длинные стройные ноги, небольшую, но крепкую грудь, оригинальное нежное лицо в вороном обрамлении. А краски! Красноватая светящаяся кожа, алые губы, синие большие глаза рядом с чёрной волной... Колдовское очарование!

Они прощались перед отъездом Лерана и Барта в Сент-Себастьян, после двухдневного пребывания в Нью-Прайсе. Леда вдруг замерла, взгляд её устремился к линии, соединяющей море и небо. Леран часто так смотрел, но то были мечта и тоска по тайне. Здесь же Эриксон увидел другое... Лицо Леды окаменело, как у неживого изваяния. Только глаза жили в блеске слёзной влаги.

Барт не выдержал и спросил:

– Леда, ты почему иногда вот так замираешь?

– Не знаю... Ведь сейчас у нас всё так хорошо. Чего ещё хотеть? Но делается так грустно... Хоть плачь. И не знаю, почему...

– Она просто взрослеет, Барт, – глухо сказал Ирвин, скользнув острым взглядом по Леде и остановив его на Леране, занявшем место за рулём, – Не надо обращать внимания, с ней случается. Леран посоветовал ей думать в такие минуты о хорошем. Я согласен с ним. Это пройдёт...

Не дождавшись ответа Эриксона, Леран открыл ноутбук, вывел на экран картинку, изображающую горы с высоты. Новое увлечение: физическая география планеты. Шамбалу так не отыщешь, но польза определённая есть. В неисчерпаемых кладовых Интернета Леран уже не гость. С компьютером он на «ты», не то что Эриксон. И разобрался во всём сам за несколько дней. Удивителен этот краснокожий потомок неизвестных родителей! Узнать бы, чья кровь течёт в нём... Ведь когда-то она должна себя показать. Барт знает: Ирвин думает о том же, но скрывает свои мысли от всех, в том числе от Марии. Индейский дух старшего Кронина пронизателен, но не откровенен. Тот же дух живёт в Леде и тревожит её непонятными ей самой предчувствиями. И белый человек Барт Эриксон заразился их чувствительностью. Вот и сейчас: ведёт машину, посматривает на Лерана, на экран компьютера, и ещё, словно тот джи-мэн, наблюдает за пространством вокруг, нет ли чего подозрительного.

Пора вырваться из потока машин, через квартал кафе «Звезда Запада», где их ждут Эрнест и Фред. Барт включает сигнал правого поворота. Горы на экране поднимаются, открывая вид на тёмное ущелье.

В затемнённом углу за столиком Мартин в полицейской форме и невысокий толстячок не старше тридцати с обаятельной улыбкой под круглыми близко поставленными глазами. Оба смотрят с любопытством: внешность Лерана никого не оставляет равнодушным.

Барт представил друг другу Фреда и Лерана.

– Леран Кронин, сын Ирвина Кронина и мой брат. Фред... Бергсон-младший, человек без определённого места работы. Мой друг.

– На этот раз друг по-настоящему, – расцвёл чёрно-белой улыбкой Мартин, – Не моряк и не мошенник.

– А кто же Бергсон-старший? – спросил Леран, пожимая руку Фреда, – Ваш брат?

Эриксон устремил глаза в потолок, Мартин коротко рассмеялся.

– Не зная, кто есть Бергсон-старший, гражданином Сент-Себастьяна не стать, – в голосе Мартина, густом и гулком, скрыто прозвенел колокольчик смеха, – Кормилица побережья компания «Сталь и сплавы», – это Бергсон-старший. Мэр Сент-Себастьяна – это Бергсон-старший. И, самое главное, – отец Бергсона-младшего, самого крутого парня этой части мира, – тоже Бергсон-старший.

– Это моя вина, ребята, – опустил взгляд с потолка Эриксон, – не успел посвятить его в такие детали. Думал, он осведомлён.

– Это действительно детали, – сказал Фред. У него оказался приятный баритон, весь его вид вызывал неодолимую симпатию, – Ведь мы собрались не для решения социальных проблем, а для знакомства и расслабления. А проблемы – они сами пусть решаются. Мы так редко встречаемся, будем же ценить такие часы и не тратить их на пустяки, как верно заметил Леран. Не так ли? Что сегодня в программе?

– Программа на сегодня скромная, – сказал Мартин, – Завтра утром я с Лераном и Бартом в кабинете Стивенса. Так что перегружаться не стоит. Сам знаешь, Чарли этого не любит.

– Чарли много чего не любит, – заметил с усмешкой Фред, – Но вам виднее. Я только что с ралли. И потому, подчиняясь вам, буду думать и о себе. У меня на завтра нет встреч с важными персонами. С папочкой я успел переговорить, он нажмёт нужные кнопки. Единственное, чего я желал, увидеть того, вокруг которого столько суеты...

Леран с интересом слушал Бергсона-младшего, поглядывая то на него, то на чернокожего комиссара полиции. Выглядели они рядом весьма контрастно, как Пат и Паташонок, и воображение само собой строило смешные истории с их участием. Только пистолет в кобуре Мартина не желал вписываться в полусказочные сюжеты.

Вечер прошёл спокойно, если не считать того, что Фред набрался до «макушки» и Мартину пришлось сесть за руль его новой спортивной машины. Барт с Лераном добрались домой спокойно, хорошо отдохнули, и в девять утра уже сидели за столом напротив начальника полиции Сент-Себастьяна Чарли Стивенса. Высокий и массивный блондин с короткой стрижкой, Стивенс понравился Лерану спокойствием и немногословием. Стивенс внешне никак не отреагировал на Лерана, задал несколько формальных вопросов, заверил, что всё будет в порядке и отпустил просителей с миром. Эриксон понял, что Бергсон-старший выполняет обещание, данное сыну.

– Теперь мы можем быть вне критики, – заключил Барт, когда они оказались в студии, отметив про себя: «На некоторое время».

– И мне не придётся ехать в Россию? – спросил Леран.

Эриксон бросил на него взгляд, ожидая, что мрачный юмор найдёт отражение на лице, но увидел только серьёзный деловой взгляд и прямой вопрос.

– А тебе хотелось этого?

– Я не против. Только не в качестве разведчика. Хотелось посмотреть, чем северные люди отличаются от других.

– Если только этот вопрос, то мы решим его просто. Будет тебе северный человек. Во второй половине дня я жду звонка от Мартина. Он приготовит тебе все недостающие документы и мы их заберём. После того нанесём визит в Россию. И даже в Гималаи.

И снова Леран никак не показал реакции. А ещё год назад одно слово «Гималаи» приводило его в трепет. Юноша становится мужчиной, решил Барт. И в качестве образца поведения, возможно, избрал себе отшельника горных пещер. Холод гималайских льдов, таким образом, достиг и Сент-Себастьяна. Наверное, такое лучше, чем импульсивность и разбросанность

целевых установок, господствовавшие в Леране в годы Нью-Прайса и дававшие себя знать первые недели жизни в городе.

Комиссар позвонил много раньше условленного часа. Всё было готово, он ждал в полицейском управлении.

Несколько росписей, – и Леран Кронин сделался обладателем нескольких бумажек, удостоверяющих, что он с этой секунды, – полноправнейший гражданин великой державы. И теперь никто не имеет права не считаться с его правами и даже желаниями.

– Время обеда прошло. А я ещё не завтракал, – Эрнест Мартин прищурился, сдерживая улыбку, – С вас, ребята, угощение по первому разряду. Вы видите перед собой не комиссара своей любимой полиции, а голодного и опасного негра. Слушаю предложения.

– Предложение давно готово, – Эриксон хлопнул по каменному плечу чёрного гиганта, – Нас ждёт Майкл. Время прибытия для него, как известно, значения не имеет. Так что едем немедленно, без предупреждения. Всё требуемое для усмирения голодного негра возьмём по пути.

– Майкл! Уж и не помню, когда его видел в последний раз, – захохотал обрадованным басом Мартин, – Одну минуту!

Он открыл тыльную дверь своего кабинета, и ровно через шестьдесят секунд, как и обещал, вернулся, облачённый в спортивный костюм, превративший его в молодого претендента на боксёрский титул. На этот раз Барт успел заметить мелькнувшие в глазах Лерана искорки то ли одобрения, то ли понимания. «Ещё живой, ещё не совсем йог», – улыбнулся себе Эриксон.

* * *

Когда-то художник Майкл Крамов купил большую четырёхкомнатную квартиру и освободил её от внутренних стен. Получилась студия, и в том месте города, где он хотел её иметь. Единственная ширма разделяла пространство студии на две части. В меньшей, где располагались кухонный и сан-отсеки, стояли кресло-кровать, стол и несколько стульев.

Здесь и устроились вчетвером после шумного обмена восклицаниями, междометиями и похлопываниями по плечам и прочим местам. Эриксон вывалил на стол бутылки, банки, пакеты, и Мартин принялся всё раскладывать, попутно дегустируя напитки и закуски. Крамов стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за происходящим. Его крепко сбитая квадратная челюсть, плотно сжатые бледные губы, искрящиеся глаза, опущенные белыми ресницами, выдавали сильную волю и одновременно скрывали желание расхохотаться.

Лерану было ясно: Эриксон, Мартин, Крамов и отсутствующий сегодня Бергсон-младший на самом деле близкие друзья и все вместе они представляют тесную дружную компанию. Чтобы не мешать приготовлениям и не отвлекать внимание Крамова на себя, Леран вышел за ширму на другую половину. Здесь он увидел, почему Барт сказал, что приглашает его в Гималаи: картины, висящие на глухой стене, изображают горы, безлюдные и величественные. Забыв обо всём, Леран остановился в центре студии и стал внимательно разглядывать поочерёдно каждую из картин, будто искал в них нечто отсутствующее, но обязанное там быть. Хмурое или светло-голубое небо; снег, прикрывающий языки льда; темнота провалов; сжатое движение устремлённых ввысь пиков. Нигде ни одного живого существа, но горы дышат, радуются или печалются.

За ширмой раздалось шипение: Мартин взялся за приготовление чего-то жареного.

– Барт, ты же знаешь, я не признаю стола без горячих блюд.

Вслед за этим раздался голос Крамова:

– Леран, я приглашаю тебя на нашу половину. Поверь, люди интереснее картин. Говорю как художник, приглашаю как хозяин.

Леран подчинился. Стол выглядел празднично. Неизвестно откуда взялись чистые столовые приборы, пластиковые стаканчики. Мартин сосредоточенно распределял с громадной сковороды жареную колбасу по тарелкам. Заняв предназначенный ему стул, Леран замер в неподвижной позе. Мартин бросил на место, освободившееся от колбасы, куски размороженного мяса и вернул сковороду на электроплиту.

– Майкл, к следующему моему визиту здесь должна стоять печь. И обязательно с гриль-функцией. Иначе я вынужден буду тебя арестовать, – Эрнест похлопал себя по провалу живота, спрятанного за выпуклостью спортивной куртки.

– Твою дивизию! – деланно возмутился Крамов, – До чего я дожил! Какой-то полупьяный чернокожий, к тому же беглый преступный спортсмен, угрожает арестом величайшему художнику всех народов! С этого дня ни одного портрета чёрного человека не выйдет из этих стен.

– А вы рисуете и портреты? – спросил спокойно Леран, – А я думал, вас интересуют только горы.

– Ты прав, мой мальчик. Меня интересуют только горы. К сожалению, жить приходится не среди гор, а среди людей. И я уже знаю, какой портрет у меня будет следующим. Не исключено, придётся писать президента.

Прищур в глазах Майкла исчез и Леран увидел густую синеву, словно на лицо художника упал отсвет далёких гор. Леран понял: Крамов уже определился, следующей моделью будет не президент, а он, Кронин-младший, как они тут говорят, хотя никто, кроме Барта, и не видел Ирвина.

Крамов попросил Эриксона представить ему Лерана «поглубже и пошире», выслушал его и задал вопрос:

– Леран, что ты думаешь о красоте человеческой? Она есть или её нет?

Леран смотрел ему в лицо, оно притягивало к себе чем-то таким, чего в других не было вовсе. Но выразить это «что-то» не получалось.

– Я убеждён, Майкл: красота есть везде. Только чаще всего она скрыта безобразием.

Мартин застыл с открытым ртом, упёршись взглядом в Лерана, словно перед ним предстал оживший Аристотель.

– Твою дивизию! – воскликнул Крамов, – Он ещё и разговаривает! Так их, Леран! Именно безобразием! Но, – не всегда.

Он выскочил из-за стола, свалив стул и раздвинул ширму полностью.

– Продолжайте пир, господа. А я займусь своим делом. Леран, сядь так, чтобы я видел тебя. Каждому, как говорится, своё. Комиссар, сдвинь своё ненасытное чрево. Вот так!

Крамов перенёс мольберт ближе к столу, сел рядом на табуретку, положил руки на колени.

– Если я не начну сейчас, я не начну никогда. В таком случае жизнь моя прошла зря и даром. Простите меня, друзья...

Мартин с Эриксоном восприняли причуду хозяина кухни-студии как должное и дружно объединили усилия по уничтожению почти пригоревшего мяса и заготовленных Бартом градусных жидкостей. Комиссар ел как после сорокадневного поста, Барт следил за наполнением стаканов. Леран сидел и размышлял о том, как эти люди нашли друг друга и о том, что ему, Кронину-младшему, повезло: он среди тех, с кем, по выражению Барта, можно идти в разведку. Эриксон ощутил, что не выдерживает соревнования с железным и дважды превосходящим его по объёму Мартином, и, расслабленно откинувшись на спинку стула, сказал:

– Леран, я обещал тебе Россию? Я выполнил обещание. Майкл Крамов, – абсолютно русский, совершенно северный человек. Его прежнее имя – Михаил. Пусть он смотрит на тебя, а ты изучай его. Сеанс продлится недолго, Майкл быстро работает.

– Барт, ты прав как всегда, – немедленно среагировал художник, – А хороший обед усиливает твою правоту. Этот закон природы, Леран, открыт мной. Запомни его, – он одновременно говорил, смотрел на Лерана, а правой рукой стучал и шуршал по холсту угольным карандашом.

Эрнест Мартин довольно урчал, то и дело прикладывая платочек к толстым губам. Глаза его лучились довольством жизнью в её ближайшем окружении.

– Майкл, – наконец обрёл дар речи Мартин, – включи меня в фон. Из меня получится отличный второй план.

– Эрнест, я не могу так рисковать. Если я возьмусь за тебя, мне не хватит этого холста. Ты не вмещаешься в рамку. Но твоё пожелание я учту, когда мне понадобится контраст к чему-нибудь светлому и лёгкому.

– Ты злая русская лисица, Майкл, – отозвался Мартин, – Мой портрет мог бы прославить тебя.

– Леран, не обращай внимания на пьяниц. Они много шумят, но они безвредны, как домашние осы. Я впервые встречаю столь оригинальное лицо, – снизил силу и тембр голоса Майкл, – Потомок индейцев, – и вдруг с такими глазами, с таким волосом... Невероятно...

Он ещё что-то пробормотал и совсем ушёл в работу, уже ничего лишнего не замечая, сжав челюсти так, что заиграли желваки на скулах. У Эриксона же открылось второе дыхание, и он присоединился к Мартину, который трудился над столом всё ещё на дыхании первом, как и положено тренированному спортсмену. В тишине, прерываемой иногда замечаниями комиссара по поводу качества купленного Бартом мяса, прошло минут двадцать, когда раздался дверной звонок.

На звонок среагировал только Крамов. Он положил руки на колени, прислушался, потом поднялся и пошёл к двери. Не заглядывая в глазок и не спрашивая, кто явился, Майкл распахнул дверь и склонился в поклоне.

– Прошу, дорогие гости. Вам следовало бы поторопиться. Пока неутомимый Эрнест не уничтожил мой стол вместе с ножками. Он собирается бросить и их на сковородку.

Мартин и Эриксон переглянулись, встали и направились к двери, Леран присоединился к ним.

«Крамов прав, – подумал Леран, увидев вошедших, – люди интереснее любых картин». Перед ними стояли двое: маленькая изящная китайка с весёлым строгим лицом и мужчина чуть повыше с таким же лицом, но без признаков веселья, в складчатом ярко-жёлтом плаще, скрывающем не только обувь, но и кисти рук.

– Лия! Как ты меня нашла? – Мартин приблизился к китайке, одетой в строгий официальный костюм, наклонился и прикоснулся губами к её пухленькой жёлтой щеке.

– Ли, – жена Эрнеста, – негромко сказал Эриксон Лерану, – А тот в жёлтом, – её дядя, тибетский лама. Сегодня я перевыполнил обещание...

Ли рядом с могучим Мартином выглядела обиженной девочкой у ног непреклонного отца. «Замечательное сочетание, – с удовольствием решил Леран, – внешнее несовпадение скрывает внутреннюю гармонию».

Лама в ответ на приветствия наклонил голову и что-то прошептал, и Крамов пригласил всех за стол. Эриксон занялся его срочным переоборудованием. Узнав от Барта причину застолья, Ли скользнула взглядом по Лерану, скрывая любопытство; было понятно, что она заочно с ним знакома. Тибетский дядя смотрел куда-то между людьми, но Леран чувствовал всем телом, что является для ламы центром внимания, – будто прохладный ветерок, рождённый снежными вершинами, струился от него, обнимая Лерана. Видимо, поняв, что объект негласного наблюдения заметил его скрытое внимание, жёлтый монах повернул лицо к Крамову.

– Уважаемый Майкл, вскоре я возвращаюсь в Тибет. У вас нет желания проводить меня до места? Ведь вы почти два года не посещали любимые места.

– Благодарю за приглашение, уважаемый Лу Шань, – ответил Майкл, склонив голову, – Приятный сюрприз. Который месяц ощущаю зов гор. Даже картины оставшиеся развесил. Но не помогло: работа приостановилась, требуется очищение и освежение творческой энергией.

– Но я вижу, мольберт не заброшен.

– О, это случайность. Приятная случайность. Да прихода друзей я занимался самоистязанием. А теперь мой пустой холст вбирает в себя неповторимые черты нашего друга, Лерана Кронина. Сами видите, такая личность увлекла бы и Рафаэля, – массивный подбородок Майкла напрягся, он тряхнул русоволосой головой.

Лама понимающе кивнул, и Леран снова всей кожей ощутил прикосновение свежего горного воздуха. Очевидно, что жёлтый монах в этой компании свой человек, не просто родственник жены комиссара. Крамов к нему нескрываемо расположен, остальные воспринимают без раздумий. Но Леран, уже на собственной практике узнавший несовпадение в людях внешнего и внутреннего, а потому старавшийся заглянуть глубже в суть каждого нового человека, неким находящимся где-то внутри него инструментом тонкой оценки отметил, что единство ламы и друзей Барта неполно. Оно как бы одностороннее, лама имеет свою-собственную стенку, прозрачную с одной стороны. Полупрозрачная стенка не пропускала со стороны дяди очаровательной маленькой Ли большую часть его мыслей и чувств.

– Дорогой Майкл, – голос ламы, бесцветно-вежливый, подтверждающе выдавал Лерану то самое скрытое, вдруг проявившееся в нейтральности голоса, – Любезность на любезность, можно так сказать?

– Нужно, – ответил Крамов, – Я готов сделать всё, что вы попросите.

– О, для вас это пустяк. Не подарите ли мне эскиз того портрета, что сейчас в работе? Надеюсь, ваш друг Леран Кронин не будет возражать?

Лама повернул голову, и Леран впервые смог заглянуть ему в глаза. И ничего не увидел, кроме отсвета в чёрных зрачках отражения солнца в оконных стёклах.

Леран промолчал. Крамов ответил не задумываясь:

– Обязательно, непременно и с удовольствием. Когда мы едем? – выслушав ответ, он заключил, – Только это будет не здесь. Я ещё поработаю, и захвачу эскиз в самолёт. А саму картину закончу в монастыре. Так пойдёт?

– Прекрасное решение, – согласился лама, вернув взгляд в межчеловеческое пространство.

Продолжение вечера не принесло более никаких неожиданностей. Впечатление от тибетского монаха оказалось у Лерана самым сильным. Уже на квартире Барта вечером он задал ему несколько вопросов, но Эриксон в конце концов вынужден был признаться, что в буддизме не разбирается, а о дяде прелестной Ли знает совсем мало.

* * *

Утром, проходя по коридору телекомпании, Леран думал о том, как различаются Нью-Прайс и Сент-Себастьян. В посёлке все люди похожи, чтобы увидеть разницу между ними, надо пожить среди них. А в городе все разные. И среди разных встречаются совсем исключительные. Вот довелось познакомиться с человеком из Гималаев. В Нью-Прайсе такого произойти не могло. Хорошо, что он в городе, а не в посёлке. Если бы рядом были мать, отец и сестра, было бы и совсем хорошо.

Но лама занял его мысли, оттеснив на задний план все другие вопросы. В ламе гнездилась важная для него тайна, а он не знал, как к ней подступиться. Никто ещё не действовал на него так чувствительно; не может же лама сохранять прямую связь с Гималаями, чтобы служить проводником далёкого горного ветра...

Тут его привлёк крик о помощи, раздавшийся из-за полуоткрытой двери рядом. Леран распахнул дверь и увидел живописную сцену.

В свете ослепляющих юпитеров посреди комнаты на диване сидела полуобнажённая девушка с выражением смертельного ужаса на лице. Перед ней стоял мужчина в чёрном трико с маской на лице; в одной руке он держал пистолет, наведённый на девушку.

Рядом группой, – несколько знакомых Лерану сотрудников телекомпании с озабоченными лицами, две передвижные телекамеры. Идёт съёмка, понял он и услышал повелительный голос:

– Кто там ещё? Войдите и прикройте дверь!

Леран сделал вперёд два шага.

– Кто вы?

– Леран Кронин. Я из тележурнала «Мир и наука». Мы в соседнем крыле.

– А, юный коллега, – усмехнулся обладатель командного голоса, с тусклыми бликами от юпитеров на голом черепе и потном лице, – Помню, Барт представлял. Вы – новичок. Если вы уж здесь, займите место вот там и не мешайте.

Он указал на стул в углу павильона. Послушно заняв назначенное место, Леран попытался вникнуть в содержание снимаемого эпизода. Из замечаний лысого режиссёра стало понятно: снимается очередная сценка из нескончаемой мыльной оперы под названием «Сны наяву» о жизни обычной семьи Сент-Себастьяна. Сериал показывали уже год, сценарист исчерпал себя и исчез, телепублика требовала продолжения и теперь вся последующая биография героев оперы делалась коллективно всеми участниками съёмочной команды.

Энергично распахнулась дверь, вбежал худой стремительный человек с пачкой листов в руках, огляделся, увидел сидящего в углу Лерана и подошёл к нему.

– Не помню, чтобы вручал вам сценарий продолжения. Вечно что-нибудь забуду! Или он у вас есть?

– Нет, я его не видел, – признался Леран.

– Так я и думал. Вот, познакомьтесь, – человек с туго натянутой кожей лица сунул ему несколько листов, связанных громадной скрепкой, – Катастрофически не хватает новых идей. А откуда им взяться, если в работе не участвует молодёжь? Что могут эти замшелые старички...

Организатор сценарного взаимодействия тут же забыл о Леране, устремился к лысому режиссёру и принялся шептать ему на ухо, беспорядочно размахивая длинными руками.

Через несколько минут с помощью вручённого ему сценария Леран имел полное представление о продолжении замысла. Всё те же любовь и измена; работа и отдых; быт и попытки угадать вечность. С участием родственников, знакомых, грабителей, полицейских... Скучно и неинтересно.

Пора было возвращаться в студию, Леран поднялся, подошёл к худому поисковику новых идей и протянул ему листы сценария.

– В чём дело, молодой человек? Вы не хотите участвовать в общем деле?

– Нет... Я всё прочитал, всё понял.

– Прочёл, понял? Вы вундеркинд? И что же? Не понравилось?

– Не в этом дело, – Леран думал, как мягче сказать о негодности материала, – Я на вашем месте изменил бы поток событий. Перевёл его в другую тему.

– На нашем месте?! А вы попробуйте, займите его. Я готов отдать своё прямо сейчас. И куда бы вы перевели ваш поток?

– Немного в сторону, за грань привычной реальности.

– За грань?! Вы что, любитель фантастики? А мы делаем обычный сериал. Домохозяйки, бездельники у телеэкранов, – вот наша аудитория. Они желают видеть узнаваемое, знакомое. Экран должен показать им их же самих, но попривлекательней, получше. Женщины – поженственнее, мужчины – помужественнее, чем на самом деле. Денег чуть побольше, квартиры рос-

кошнее. С любовью, трагедией, приключением и ещё не знаю чем. Вот что предпочитает наш зритель. Всё должно быть узнаваемо. Куда тут перевести ваш поток? На Марс?

– Я не имел в виду голую фантастику. Ваш сериал можно оживить легко и просто.

– Оживить? Оживить жизнь? Генри, сколько у нас времени до съёмки очередного эпизода? – обратился худой к лысому.

– Минут десять. Не готовы декорации.

– Тогда слушаем. Предлагайте.

Леран ещё раз посмотрел на обоих: они не ожидали от него ничего нового и в то же время надеялись на чудо, которое поможет спасти их тонущий сериал. Возможно, им понравится его предложение.

– Я бы включил элементы чуждой экзотики. Пусть кто-нибудь вернётся из путешествия. И обнаружит где-то рядом остатки древней цивилизации. Очень древней. Загадочный центр иного мира, сохранившийся неизвестно как. Из этого скрытого центра к людям просачивается информация, её можно зарегистрировать. Информация из прошлого воздействует на людей, на их поступки, меняет их судьбы. То во вредном, то в полезном направлении. Начните исследование этого влияния, отправьте кого-нибудь на раскопки. Можно изобрести оригинальный способ утечки знаний из древнего хранилища.

– Так-так... Тех людей давно нет, а их знания действуют на нас... На самом деле любопытно. Можно будет объяснить любые повороты сюжета, самые неожиданные, выскочить из накатанной колеи. Какой симпатичный молодой человек! Ты не находишь, Генри? Возьми его на заметку, он нам пригодится...

– Декорации готовы. Начинаем, – хлопнул ладонями Генри, и видеокамеры разошлись.

* * *

Следующая неделя ознаменовалась тем, что Барт Эриксон сменил квартиру. Чему явились причиной два обстоятельства: желание Лерана поселиться у моря, зревшее в нём с первого дня пребывания в Сент-Себастьяне и нежелание Барта отпускать от себя Кронина-младшего. Барт был уверен: Леран пока не готов жить без постоянной опеки, а бытие одному в портовом районе означало резкое возрастание риска неприятных происшествий.

Барт с Лераном стояли у окна и «обживали» новую панораму: слева перспектива порта с причалами, судами и кранами, справа кусочек ещё не индустриализированного берега с уходящей к небу чёрной полосой моря.

– Единственное неудобство, – час езды до студии. А так, – хорошо, – заключил Эриксон, успевший примириться с потерей привычной и освоенной жилплощади.

Вначале он удивлялся себе, что так легко пошёл на этот обмен, подчинившись капризу Лерана, но сейчас понял, что поступил единственно верно. Ни Мария, ни Ирвин не простили бы ему, случись что с Лераном. Да и сам Барт не представлял, как он вернётся к прежнему одинокому существованию.

– Я понимаю тебя, Барт. И не знаю, что сказать... Но я уже не мог. Если хоть раз в день не увижу моря, мне плохо. Особенно ночью. Я вынужден представлять его себе в памяти. А отсюда и звёзды хорошо видны.

– Море и звёзды... Пожалуй, этого немало.

– Барт, вчера сообщили: у беты Живописца открыли несколько планет. А вдруг там живут люди? И знают, что у Солнца тоже есть планеты?

– Твоя бета дальше или ближе Сириуса?

– Пятьдесят три световых года.

– Триста тысяч километров помножить на количество секунд в пятидесяти трёх годах... Невообразимо! Значит, у Сириуса нет планет? Ведь он на порядок ближе.

– Я не знаю, Барт. Сириус вообще загадка.

– Леран, звёзды звёздами, а жизнь – жизнью. Почему ты не сообщил мне о контакте с авторами сериала на пятом канале? Ты что, заключил с ними контракт?

– Никакого контракта. Я у них оказался случайно. Так получилось. И посоветовал изменить сценарий. Они не знают, как быть со своими «Снами наяву». Но работать с ними я не буду.

– Хорошо. Вижу, пора тебе браться за самостоятельное дело. Даю месяц на подготовку выпуска нашего журнала. Делаешь как хочешь, никто тебе мешать не будет. От начала до конца он твой. Согласен?

Леран тут же «отвернулся» от звёзд и моря. Но и звёзды, и море остались в его глазах, и светили Барту загадочным золотистым блеском. Что-то звёздное, неземное исходило от Лерана, стоящего на фоне темнеющего неба и чернеющего моря.

«Если бы не позиция Ирвина, я наверняка взялся бы за поиск тех людей, с кем он пробыл до появления у Крониных, – подумал Барт, – Слишком в нём много необычного». И сказал, только чтобы снять вдруг возникшее в нём подозрение о намеренном сокрытии Лераном памяти прошлого:

– Море сегодня особенное. Как светится вода у прибрежных камней...

– Пена прибоя, – тихо сказал Леран, – Природное явление. Учёные открыли, что флуоресцируют инфузории-ночесветки, – он повернулся к окну и добавил: – Сейчас пройдёт корабль или даже маленькая лодка, и мы увидим, как образуется светящийся шлейф. Красиво, хоть и просто инфузории.

– Если разберёшься, любая загадка проста. Я вспомнил, европейцы это природное явление называют дыханием моря.

– Дыхание моря... Я согласен, хоть и не связан с Европой. Мои предки жили у Великих озёр и берегов рек. Интересно, на озёрах есть такое? А море, по-моему, живое. Потому и дыхание.

– Мы с тобой поэтами станем в новой квартире, – улыбнулся Барт, – Тут чувствуется какой-то резонанс, – мысль мелькнёт, и не исчезает, а усиливается...

– Это потому, что мы думаем одинаково. И об одном и том же.

– Об одном?

– Я вижу по твоим глазам, Барт. У всех они, почти у всех, пустые, как у кошек. А у тебя всегда вопрос виден.

– Какой же вопрос? – даже похолодел Эриксон на миг от предположения, что Леран способен заглянуть внутрь его головы.

– Всегда один. Зачем человек на Земле, что с ним будет, если так дальше пойдёт. Что будет со мной, с Ледой, с тобой...

«Однако! – воскликнул про себя Эриксон, – А ведь точно! Нет у меня уверенности в том, что завтра наступит. А если наступит, в том, что будет не хуже сегодня. Юный мудрец учится читать людей по их лицам. То ли ещё будет! Хорошо бы ограничиться одними разочарованиями...»

– Я не философ, Леран. И не священник. Ни на один серьёзный вопрос я не знаю ответа. Моя жизнь, – то светлая полоса, то чёрная. Проходит чёрная, – и я чувствую себя почти счастливым. И думаю: смысл жизни – в отсутствии несчастий.

– А когда кончается светлая полоса, то идёшь в бар, напиваешься и ищешь женщину? – спросил Леран, смотря на него со спокойным ожиданием.

Барт потерял дар речи. Он не знал, что ответить. То ли наивность, то ли жестокость звучала в вопросе Лерана. Впрочем, и то и другое часто неотличимы. Не желая зла, по неведению, можно причинить ближнему столько горя... Неужели Леран ещё не научился видеть силу слов, не замечает граней между добрыми и злыми последствиями своих слов и поступков?

Тут Леран сам заметил бестактность своего замечания и сказал тихо, чуть не шёпотом:

– Прости, Барт. Я не подумал и обидел тебя. Сказанное не связано с моими чувствами. Со мной бывает, я иногда поступаю как компьютер. Самому становится страшно: боюсь, так и не стану настоящим человеком. Таким как ты, как Эрнест или Майкл. Возможно, это потому, что детская память всё ещё не восстановилась. Я совсем не помню Великих озёр. А прожил там почти четырнадцать лет.

– Леран, – Барт понял, что должен попытаться объяснить себя, – Один считавший себя умнее других человек сказал, что людьми руководит принцип удовольствия. Ты знаком с ним, его звали Фрейд. И какое удовольствие он находил в таких открытиях? Бар, выпивка, женщины... Это такие удовольствия, в которых очень быстро разочаровываешься. Трезвость, целомудренность, – вид на медаль с другой стороны. Особой разницы не вижу. Эйфория здоровья или эйфория опьянения, – всё обман! Кто что предпочтёт – вот в чём проблема. А конец один для всех.

– А разве нельзя как-то сочетать эти две стороны?

– Нет. Не получится. Можно чередовать во времени, раскачиваясь как маятник... Всё равно скатишься в бездну.

– А религия, Барт? Вера? Она ведь даёт ответ на эти вопросы. Стоит ли заниматься религией?

– Заниматься религией как наукой нельзя, Леран. Но заниматься религией надо, тут ты прав. Если бы не религия, человечество сожрало бы себя до края. В этом я убеждён на сто процентов.

– А если соединить, Барт? Религию и науку? Разве никто не пробовал?

– Некоторые пытались. Не знаю, что у них... А я... Я слишком слаб для такой попытки. У меня не выйдет. Ты, – другое дело. У Лерана Кронина всё ещё впереди.

– Барт, Леран Кронин больше всего боится наркотика. В любом виде. И спиртное, и любовь, – они тоже наркотики. И полное отречение от мира, – тоже. Самый лучший наркотик для людей – творчество. Но для него нужен талант, дающийся очень немногим.

* * *

Эриксон со стороны, не вмешиваясь, наблюдал за первой самостоятельной работой Лерана.

Тайна пояса астероидов... Возраст тайны равен возрасту человечества. Была ли планета между Марсом и Юпитером? Вначале Барт Эриксон думал, что Леран уже подготовил ответ и решает задачу в соответствии с ним.

Но оказалось, – нет. Леран ухитрился выйти на связь со станцией на Церере, перекачал оттуда всю накопленную за десять лет информацию, побеседовал со всеми астронавтами, в разное время работавшими на астероиде, проник в засекреченный и забытый банк данных министерства обороны по этой проблеме.

Чтобы полностью загрузить винчестер своего компьютера, ему понадобилась всего неделя. Ещё два дня Леран обдумывал подход к решению вопроса. Первый же практический шаг показал его неординарность.

По просьбе Лерана Барт позвонил Майклу Крамову и договорился о встрече. Успели вовремя, – через день тот уезжал в Тибет. Крамов был рад встрече: он закончил эскиз портрета Лерана и ему требовалось сверить его с оригиналом.

Студия встретила знакомыми густыми запахами краски и олифы; в воздухе реяло предвкушение. Большого застолья решили не делать. Эриксон ограничился копчёной рыбой производства семейной фирмы Крониных, – она в квартире Эриксона-Лерана не переводилась, – и пивом. Гости заняли стол, хозяин устроился за мольбертом. Барт занялся рыбой, Леран начал рассказывать ему и Майклу о своём видении очередного выпуска тележурнала.

– ...К настоящему времени обнаружено более ста тысяч достаточно крупных астероидов размером от одного до семисот семидесяти километров в поперечнике. Самый крупный Церера, на ней постоянно действующая земная станция; на Палладе, Весте и Юноне лаборатории-автоматы. Общая масса астероидов, – около тысячной доли от массы Земли. Совсем немного, приличной планеты не сложить.

Но некоторые открытия, сделанные за последние десять лет, неизвестные широкой аудитории, заставляют вернуться к проблеме планеты на месте пояса. Очень интересный факт: возраст астероидов превышает возраст планет Солнечной системы. Ещё один научный вывод: около ста миллионов лет назад осколки-астероиды составляли единое тело! На некоторых осколках обнаружены камни странной конфигурации, составляющие сложные геометрические фигуры. Анализ показал: их форма задана до распада некогда единого тела, и причём, – в результате процесса внетемпературного оплавления...

Крамов работал кистью и слушал. Эриксон пытался выяснить для себя в который раз, почему Леран выбрал именно пояс астероидов, а не что-то иное, не менее привлекательное. Например, Стоунхендж. В случайности Барт не верил с детства.

– ...В древней Греции был широко известен миф о Фэтоне. Очевидно, он заимствован. Проследить исток оказалось невозможно. Наиболее вероятно, – Атлантида. Ведь вы знаете этот миф?

Крамов признался, что если и слышал о Фэтоне, то надёжно забыл.

Эриксон промолчал.

– Фэтон, – сын бога солнца Гелиоса, – воодушевился их неосведомлённостью Леран, – Гелиос ежеутренне выезжает на колеснице с четвёркой огненных коней. Землю освещать. Без выходных, человек так работать не может. Однажды Гелиос доверил колесницу с солнцем любимому сыну. То ли по его просьбе, то ли из желания отдохнуть. Поступок был опрометчив: где-то на западе, то есть в конце рабочего дня, уставший Фэтон не справился с управлением, и кони понесли колесницу вниз к Земле, и над ней нависла смертельная угроза. Уже закипел океан. Тогда Земля обратилась к Зевсу. Удар молнии уничтожил колесницу, солнце вернулось на свой путь. Лишённый опоры Фэтон низринулся с высоты и погиб в реке Эридан. Местоположение реки неизвестно. Я объединил мифологические сведения с научными данными о поясе астероидов и с помощью программы «Супермакинтош» сделал реконструкцию события. Полученная картина меня не удовлетворила. А без общего живого представления я не могу подступиться к реконструкции. Получается неубедительно, нет художественной достоверности.

Крамов остановил работу, отложил кисть, сел за стол и пристально всмотрелся в лицо Лерана.

– Твой подопечный, Барт, – он смотрел на Лерана, а обращался к Эриксону, – Удивляет меня всё больше. Научную убедительность, то есть истинность он напрямую связывает с художественной достоверностью. А ведь верно, последнее генерирует жизнь. А ещё, Барт, твой подопечный практичен. Ведь он напросился ко мне не просто так. Пиво ему не нравится. На свой портрет не посмотрел. Ты что-нибудь понимаешь, Барт?

Барт отрицательно качнул головой, прожёвывая кусочек янтарной мякоти, оторванной от плавника. Майкл спросил Лерана:

– Мой юный друг, не знаю, для чего ты взялся за эту тему. Но зачем мне астероиды и бородастая сказка о Фэтоне?

– Почему я занялся поясом, точно не знаю. Что-то внутри тянет... Но людям разгадка тайн прошлого нужна, я уверен. Надо заинтересовать множество людей. Среди них найдутся знающие чуть больше. Таким путём вероятно отыскать недостающие знания о Фэтоне, бывшей живой планете.

Леран говорил со спокойным лицом, но глаза его, обращённые к Майклу, налились такой убеждённой уверенностью, что Крамов не выдержал и опустил лицо.

– Живой планеты... Надо же! – проговорил он и повертел в руках рыбий хвост, – Чего же ты хочешь от меня, отрок? Интерес во мне пробудился, ты достиг цели. Ну и?

– Мне нужна художественная реконструкция события. В динамике и красках. Чтобы видна была жизнь. Компьютер на такое не способен. А сам я не имею таланта художника.

– Так вот зачем вам понадобился Майкл Крамов! Допустим, я сделаю требуемое. Что будет с моей, как ты её назвал, реконструкцией?

– С неё телепередача начнётся, ей закончится. Она разбудит эмоции, откроет шлюзы в подсознание. И закрепит интерес к вопросу. А нам останется ждать...

– Так ты ещё и психолог... Но истинный талант не работает на заказ. Ты и это учёл своей лекцией. Что ж, но условие моё: полная свобода. Что хочу, то и делаю. Никакой критики, никаких изменений. Идёт?

– Идёт. Всё, что хотите, Майкл. У вас получится как надо. Другого такого человека я не знаю.

– В таком случае я использую и эскиз портрета. Тот, что сейчас на мольберте. Тоже идёт? Леран без раздумий согласился и с этим условием.

– А ведь он меня взял голыми руками! – удивился Крамов, – Теперь мне остаётся из данного времени проникнуть в предлагаемое забытое. В забытые лета... Никаких проблем, Барт?

Эриксон невозмутимо открыл очередную баночку пива и назидательно произнёс:

– Данное время есть всего лишь включённость индивида в локальность сети причинно-следственных связей материального мира, которая суть бесконечно малая часть явлений реальности, неограниченно распространённой во времени и пространстве.

– Это ты сказал, Барт? – удивился Крамов, – Или я заболел?

– При изменении некоторых внутренних или внешних условий подготовленный индивид может войти в систему связей с иными координатами, наполненную иными событиями, – всё так же невозмутимо и поучительно, с интонацией школьного учителя, заключил Эриксон.

– Барт, ты делаешься похожим на Лерана. С кем поведёшься... У меня появляется потребность написать и твой портрет. С вами становится опасно, в пору не о прошлом, а о будущем задуматься. Да поздно мне, старому гиперборейцу, менять привязанности. Индивид... Надо же!

Крамов освободился от рыбьего хвоста и обратился к Лерану:

– Твой шеф убедил меня. Индивид Майкл Крамов начинает менять координаты. Потому прошу оставить рыбу с пивом на столе и покинуть меня, чтобы вернуться завтра утром. Днём у меня самолёт. Мне нельзя опаздывать, ждёт обитель очищения от опасных знакомств и дурных влияний.

* * *

Реакция на выпуск тележурнала, сделанный Лераном Крониным, превзошла все ожидания. Рейтинг канала «Планета сегодня» значительно превысил ранее достигнутые рекорды. Директор телекомпании Габриэль Уоррен пригласил к себе Барта и Лерана, в тёплой застольной обстановке поздравил с успехом, объявил о повышении обоим зарплаты и о присвоении Лерану статуса самостоятельного работника, и предложил начать выпуск собственной передачи. Леран отказался, выразив желание остаться в журнале «Мир и наука». Барт Эриксон, мгновенно взвесив цену минуты, тут же привёл массу аргументов для передачи своего тележурнала в руки Лерана Кронина и добился быстрого утверждения нового ведущего. Себе же

выхлопотал статус свободного журналиста с правом официального кураторства над тематикой бывшего «родного детища».

Леран вынужден был согласиться. И он, и Барт понимали, что успех пришёл с лёгкой руки Майкла Крамова. Видеоряды, созданные компьютером на базе фантазии Майкла, придали в общем–то сугубо научной гипотезе о Фэтоне понимаемую и близкую обычному человеку форму. Обыватель увидел и пережил трагедию цивилизации, похожей на земную.

Портрет Лерана, стилизованный Майклом, потеснил на городском рекламном пространстве лица старых, прежних звёзд и кумиров. Леран едва успевал подписывать контракты с рекламными фирмами, издательствами, телекомпаниями на право воспроизведения отдельных кадров из последнего выпуска тележурнала «Мир и наука». На счета телекомпании Уоррена, Крамова и Лерана потекли зелёно-золотые ручейки. Посыпались приглашения на различные шоу, фотокорреспонденты осаждали студию и новую квартиру Барта.

Поток писем через почтовые отделения и интернет требовал: продолжить тему Фэтона. Еженедельник «Мир и наука», выпускавшийся по субботам в дневное время, стал ежедневной вечерней программой. Работы прибавилось, пришлось увеличить штат.

Государство, объединив усилия с международным сообществом, приступило к финансированию свежего проекта «Астероид», готовило открытие постоянно обитаемой научно–исследовательской станции на Палладе.

Маленький камешек, запущенный Лераном Крониным в фантастическое небо погибших фэтов, упал на Землю людей и спровоцировал, хоть и временное, но потрясение умов и бюджетов.

Кульминацией первого успеха явилась встреча в Нью-Прайсе в очередной уик-энд. Лерана и Барта встретили как героев. У дома Крониных их ожидала толпа рыбаков, их жён и детей, одетых празднично и торжественно. Вспыхнувшая в Сент-Себастьяне слава телезвёзды, бывшей недавно просто сыном Ирвина Кронина, расцветила однокрасочную обыденность жизни посёлка.

Один Ирвин сохранял прежнее спокойствие. Мария светила такой яркой радостью, что Ирвин старался не смотреть на жену, чтобы самому не потерять надлежащий главе семьи непотрясаемый вид.

Но реакция Леды превзошла всё! Она бросилась на шею Лерану, едва он успел ступить на песок у дома, и не отпускала его от себя ни на секунду, крепко держа за руку. Лицо её сияло таким восторгом, словно исполнилась главная мечта её жизни.

Эриксон наблюдал за Лераном, пытаясь увидеть, каким боком коснулась его талантливого воспитанника звёздная болезнь. Но вместо ожидаемого заметил, что Кронин-младший преобразился в ином направлении. Леран нескрывая тяготился вниманием соседей и хотел одного: оказаться в доме среди своих близких.

Никогда не замечавший до того крайних эмоциональных выражений внутреннего состояния Лерана, Барт с изумлением отметил влажный блеск в золотых глазах телезвёзды, когда тот смотрел на мать, отца и сестру. Вместо того, чтобы отдалить от ближайшего окружения, известность приблизила Лерана к семье.

Через столько лет общения с Кронинными впервые Барт Эриксон мог себе сказать с полным основанием: он видит возвращение сына к родителям. Только теперь семья Кронинных обретает глубинное, неразрушимое единство. И он, Барт Эриксон, вместе с ними становится полноправной единицей маленького сплочённого множества. Окончательно прояснилось: любые действия Лерана приводят к неожиданным результатам и для него самого, и для близких к нему людей. Барт уяснил также, – роль опекуна для него кончается, Леран выходит на свой путь, места на котором для Эриксона может и не найтись. Роль руководителя меняется на роль старшего брата, способного влиять только мягким советом или авторитетом опыта. А

причиной тому, как это ни парадоксально, – скрытая за юношеской незрелостью Лерана неизвестно откуда взявшаяся, возможно даже коренящаяся в генах мудрость.

Возвращение в Сент-Себастьян окончательно убедило Эриксона в том, что в Леране свершился глубокий перелом. Ещё в дороге, услышав льющуюся из автомагнитолы популярную песенку о фаэтах, потерявших свою планету, Леран заметил:

– Зачем столько лишнего шума? Ведь мы только хотели изменить восприятие людьми собственного мира.

– Чужие уроки никогда не шли на пользу людям, – угрюмо сказал Барт; ему тоже не нравилась сенсационная волна, поднятая вокруг Лерана, – Придётся привыкать. Бизнес превратил кости Фаэтона в золотую жилу. Пока не выкачают из темы последний цент, они не успокоятся.

После прощания с семьёй Леран вернул внешнюю непроницаемость, непробиваемую невозмутимость. Барт подозревал, что он раскаивается в осуществлении собственной идеи о Фаэтоне. Но работа над серией выпусков тележурнала продолжалась, накопленного материала вполне могло хватить на год успеха. И всё-таки уже через два дня Леран явился в комнату-кабинет Эриксона с новым предложением.

– Барт, я тебе не помешал? Ты говорил, что занимался золотым дождём. Меня он тоже привлекает. Не знаю, в чём дело, но не меньше, чем Фаэтон. Нет, я не собираюсь выпускать тему в эфир. Но проблема земная, близкая, и безусловно за ней скрывается что-то важное для людей.

Эриксон снова ощутил неприятный холодок в спине. Он уже думал над тем, что получится, если Леран обратится к золотому дождю. Ничего хорошего не получится. Будет хуже, чем с Фаэтоном. К тому же можно нанести удар по Ирвину Крону, чего Леран не понимает. Впечатления от обсуждения темы с Ирвином говорили: лучше золотой дождь не трогать.

Прав Ирвин, – есть для людей запретные зоны, куда их любознательность не должна заходить. Но объяснить Лерану то, что находилось за пределами рационального, основываясь на чистых эмоциях, он бы не смог. Да и не было в том смысла, Леран сам принимал решения о том, чем ему заниматься. И если он пришёл к нему с вопросом, то, без сомнения, успел основательно разобраться в проблеме и имел собственное мнение.

– Какие-то трудности?

– Я чего-то не понимаю. За последние полвека в мире зарегистрировано не более десятка случаев падения золотого дождя. Думаю, – около половины – фальсификация. Но несколько, подобных дождю у Нью-Прайса, точно было. И их видели живые люди. Но никого из свидетелей обнаружить не удаётся. Не могут же они прятаться? Бессмыслица какая-то.

– А Джимми Козловски?

– Козловски месяц или два назад переехал в столицу. Там его имени не удалось найти ни в телефонных, ни в других справочниках. Полицейское расследование ведь нет оснований начинать.

– Да... Такое бывает, Леран, – успокоил его Барт, – Без личных встреч со свидетелями можно обойтись? Объективных данных должно быть достаточно.

– С ними тоже непросто. Столько накручено, что я не могу отделить действительное от надуманного. А без этого, сам понимаешь...

– И много накручено? – Эриксону было любопытно, что нового о золотом дожде отыскал Леран; сам он отошёл от легендарной проблемы и не собирался возвращаться к ней после памятного разговора с Ирвином Крониным.

– Какие-то русалки... Фотографии явно поддельные. Чудовище, напоминающее драконов... Рисунки очевидцев. Самих очевидцев нет, многих никогда не было. Вот, послушай...

Леран раскрыл папку, достал один листок.

– В заливе Свежести, где-то в районе моря Дьявола, пять лет назад прошёл золотой дождь. В это же время со стороны моря слышался трубный звук, похожий на сирену лихтеровоза. И

туман над водой. Жители прибрежной деревни услышали вечером голос, трижды повторивший одно слово на неизвестном языке. Голос моря привёл людей в ужас, они покинули дома и ушли в горы. Вернувшись через месяц, они застали свои дома полуразрушенными и разграбленными. Распространились слухи о трёхголовом драконе, выплывшем из моря. На берегу трёхголовое чудовище разделилось на трёх одноголовых. Видимо, ценности далеко не богатых рыбацких семей унёс с собой кто-то из этих трёх. На троих маловато. Подобных рассказов – изобилие.

– Думаю, кто-то договорился с морским драконом, дал ему повеселиться на берегу, а сам под шумок ограбил соотечественников, – пошутил Эриксон.

– А вот ещё, – не понял шутки Леран, – Близ Гонконга видели говорящую царь-рыбу, размером со средний китобойный траулер. Она возвещала о конце света. В том же Гонконге, – почему там? – прошла научная конференция по золотому дождю и другим загадкам моря. Я нашёл протокол. Выдвинули несколько гипотез и разошлись. Ни трезвых оценок, ни планов на будущее. Впечатление: собрались не учёные, а писатели-фантасты.

– Какие же гипотезы? – спросил Эриксон.

Он всем существом предвидел появление новой сенсации, идущей на смену Фэтону, пока продолжавшему будоражить общественное мнение.

– Очень уважаемый академик утверждает, что золотой дождь, – результат действия гуляющей вокруг планеты специфической озоновой дыры. Из-за неё и другие «защиты» не удаётся. А чудовища, по его мнению, – иллюзии, рождённые той же дырой в атмосфере. Другой учёный доктор считает, что монстров творят сгустки социальной напряжённости, отделившиеся от народных масс. Оказывается, всплески отрицательно заряженной общественно организованной психической энергии оказывают прямое влияние на состояние окружающей среды. Он составил карту социальных взрывов и соотнёс их с местами появления чудовищ. Получилось убедительное совпадение. Правда, золотой дождь к этой гипотезе трудноприсоединить.

– С полицейской хроникой знакомился?

– Да. Мелкие подробности, опросы, допросы... Они ничего не добавляют по существу. Необъяснимые случаи используются, чтобы пристегнуть к ним нераскрытые преступления. Есть и среди полицейских люди с большим воображением. А вот компьютер утверждает однозначно: никакой системы в выпадении золотых дождей нет. К метеорным потокам отнести его нельзя.

– Послушай меня, – после минутного раздумья сказал Эриксон, – За годы работы на телевидении среди прочих я извлёк такой урок: если проблема не даётся, надо её бросить. На какое-то время. Не созрела она ещё. Пройдут дни или недели, она повернётся другой стороной и ларчик откроется. А если брать приступом – только измучишься, изведёшься, но ничего приличного не получишь.

– Уехать в Нью-Прайс?

– Не думаю. Нет, наверное. Не надо нам беспокоить их частыми визитами. Люди должны жить в определённом ритме.

– Я понимаю. Это так.

– Прими совет. Отвлекись от всего, отдохни вдали от людей. Южнее порта, – пустынный берег. Ни селений, ни рыбаков, никого. Дня два у тебя есть. Работа налажена, я присмотрю...

Два дня Леран не появлялся в студии, две ночи Барт провёл на рабочем диване. Он был убеждён: Лерану нужен отдых. Но не такой отдых как ему самому или другим людям: новые встречи, сон или пьянка. Лерану требовалось остаться наедине с собой, чтобы отсечь всё лишнее, что напластовалось в его сознании за месяцы упорного продвижения к неизвестной пока цели.

На третье утро телефонный звонок из полицейского участка порта заставил Эриксона бросить все дела. Через час он увидел Лерана сидящим на деревянной скамейке за металли-

ческой решёткой, спокойно-отрешённого. При появлении Барта он не изменил ни позы, ни выражения лица, но встретил его взгляд чистыми прозрачными глазами.

Дежурный сержант с серым усталым лицом пригласил в свой кабинет, где Эриксон распечатал документы и тут же попросил рассказать обстоятельства задержания Лерана.

– Мы взяли его вчера, на исходе дня, в восемнадцать ноль-ноль, – сержант не удержался и зевнул, прикрыв рот маленькой ухоженной ладошкой; видно, сказывалась бессонная ночь, – Патрульные на машине зафиксировали на прилегающей к порту улице Конгресса потасовку...

В голосе сержанта сквозило равнодушие и усталость.

– Они видели всё с самого начала, но пока сообразили и подъехали, участники инцидента успели скрыться. На месте происшествия остался один. Так кто он?

– Леран Кронин, ведущий программы в телекомпании «Независимость и прогресс». У него, точнее, – у нас, – квартира на улице Конгресса. Я думаю, он возвращался домой.

Барт удивился, что сержант не смог идентифицировать личность Лерана. Видимо, полиции Сент-Себастьяна не до телевидения и научно-популярных сенсаций.

– Итак, Леран Кронин был задержан на улице Конгресса. Рядом с домом, где он живёт. На мостовой, без документов, в наручниках.

– В наручниках? У него на руках были браслеты ещё до задержания?

– Совершенно верно. Это не наши браслеты. В протоколе обстоятельства описаны точно и подробно. Кратко суть дела такова. Кронин пересекал улицу со стороны порта. К нему подъехала машина, из неё вышли двое в масках, один выстрелил в лицо Кронину из газового пистолета, другой надел наручники. После этого они попытались запихнуть Кронина в машину. В машине, кроме водителя, находился ещё один. Но произошло непредвиденное. Несмотря на шок от газового заряда, Кронин начал сопротивляться. Думаю, если бы не наручники, тем двоим бы не поздоровилось. Заметив патрульную машину, похитители бросили Кронина, сели в машину, и она исчезла в направлении порта. Лицо задержанного показалось патрульным знакомым. Мы проверили все базы данных, но там он не обнаружен. Так что ваш Кронин вне подозрений, и может быть свободен. Если он понадобится, мы его пригласим.

– Расследование не будет продолжено? – поинтересовался Эриксон.

– Даже если бы я захотел, то не смог бы. Криминала не произошло, а людей у меня не хватает, чтобы разобраться с настоящими слезами и кровью. К сожалению.

Эриксон со сочувствием посмотрел на сержанта, измученного долгой бессонницей, выпрямился над столом и рассмеялся.

– Лицо показалось знакомым? – он указал рукой за спину сержанта, – А вы посмотрите на эту стену, у которой сидите ежедневно.

Сержант повернулся и присвистнул: с плаката-анонса телепередачи на него смотрело лицо человека, который в данную минуту находился в камере для задержанных. Творчество Майкла Крамова стало столь модным, что украсило и полицейские участки. Наверное, Майкл будет рад, когда узнает.

– Если бы вы помнили, что делается за пределами вашей территории, – сказал Эриксон с показным осуждением, – то вам было бы меньше хлопот, а известному журналисту не пришлось бы провести ночь за решёткой.

– Теперь понятно. Можно и мотивы сформулировать, – без тени смущения заметил сержант, – Но ведь он до утра и слова не произнёс. Как немой просидел. А на рассвете назвал ваше имя и телефон. И снова замолчал.

Сержант снова повернулся к плакату и покачал головой.

– Интересный парень... В полицейские бы ему. Смог выстоять после выстрела против двоих! А он на телевидении устроился.

– Так что же, вы отпускаете Кронина? – Эриксон почувствовал вину за то, что они с Лераном не полицейские, а журналисты–бездельники, – Или есть ещё проблемы?

– Никаких проблем, – отозвался сержант, и протянул листок бумаги, – Вот мой телефон. И просьба: как узнаете от него что-нибудь новое, сообщите мне. Если захотите узнать личности тех, кто хотел его похитить.

– Непременно, сержант, – сказал Эриксон, – Но уверен, что он о них ничего не знает. Кроме того, что он мой коллега, он мне ещё и брат. Вся его жизнь прошла на моих глазах, под контролем, если хотите. Он чист перед законом, как младенец. Да разве этого не видно сразу?

Сержант криво улыбнулся словам о чистоте перед законом, взял ключи и они прошли к камере.

– Реквизированные наручники мы оставим, если не возражаете, – сказал он, – Или у вас есть основания считать их собственностью задержанного?

– Как хотите, они нам не нужны, – раздражённо сказал Эриксон; его начал злить дух полицейского заведения, – Открывайте ваш каземат.

Подойдя к Лерану, он положил руку ему на плечо и мягко сказал:

– Ну, поехали?

С тем же отсутствующе–равнодушным видом Леран поднялся со скамьи и, не глядя на сержанта, прошёл на выход. Пешком до их дома они добрались бы за десять минут, но час пик на улицах оторвал полчаса. Барт заварил крепкий чай с мёдом, единственный из крепких напитков, употребляемый Лераном. Себе налил полстакана виски и устроился напротив за столиком. Леран сделал три глотка и отставил чашку, будто провёл ночь не в заключении, а только что вернулся от застолья.

– Рассказывай! – потребовал Барт.

Леран коротко изложил почти то же, что и сержант.

– Ты их знаешь? Видел раньше?

– Нет. Барт, я вот чем поражён: с любым человеком другие люди могут делать всё, что хотят, не спрашивая. Как посторонние, так и те, кто отвечает за порядок в городе. Почему?

– Ты не освободился от детских иллюзий? То ли ещё будет. Похоже, у нас с тобой начинается в жизни новая эра. Не подумав, мы высунулись. Не ждал, что начнётся так рано, – непонятно для Лерана заметил Барт, – Оставайся дома и жди меня. Мне надо на работу. Вечером всё обсудим.

* * *

Оставшись один, Леран задумался над тем, чего не рассказал Барту. Впервые скрыл от старшего брата что-то очень и очень важное. А Барт, с его сверхчувствительностью, угадал. Пусть не совсем точно, но угадал. Видимо, он прав, началась новая эра. Барт, – единственная его опора в этом сумасшедшем городе, единственный достойный полного доверия человек. И он не может ему открыться!

...Поднимается ствол пистолета, из него рвётся струя газа.

И, – всё кругом вдруг исчезает. Лицо с шапкой золотых волос заслоняет машину, людей в масках, улицу... В золоте волос, – серебряные нити. Леран понимает, – возраст. И глаза, так похожие на его собственные! Только они умные, добрые, всё понимающие. На лице нет морщин, но Леран понимает, – этот человек значительно старше его отца, Ирвина Кронина. Невообразимо старше. Откуда это знание?

И голос, – тёплый, родной...

– ...Не бойся. И не торопись. Ты успеешь. Не все люди – друзья. Эти – враги. Их будет много. Придёт время, – узнаешь, почему. Они бессильны перед тобой, никто из них не может причинить тебе и малейшего вреда... Напряги волю, материализуй желание...

«Кто ты?» – хотел было спросить Леран, но остановил себя. Память прошлого, понял он, она сама откроет себя, когда будет нужно.

– ... Не спрашивай меня ни о чём. Рано. Я всегда буду с тобой: не бойся никого и ничего. Со мной ты неуязвим. А теперь делай то, что нужно. Я вернусь...

Человек из забытого прошлого не дал никаких советов, но Леран знал уже, как поступить.

Лицо, до боли знакомое, но пока безмянное, исчезло, вернулся город: улица, машина в двух шагах с распахнутой дверцей и двое, вцепившиеся в его руки.

Он вдохнул облако усыпляющего аэрозоля, расщепил его на безвредные составляющие и выдохнул. И одновременно оттолкнул нападающих от себя вперёд, стараясь не причинить им вреда.

Ошеломлённые его поведением, они потеряли уверенность и, услышав вой полицейской сирены, бросились в машину. С подъехавшими через пару секунд полицейскими Леран не стал спорить. Он был убеждён: где полиция, там безопасность.

Золотоглазый человек, проживший где-то и когда-то очень долгую жизнь, заслонил для Лерана Кронина всё то, что отделяло его от забытого прошлого. И Нью-Прайс, и Сент-Себастьян стали полуреальными тенями, невесомым фоном для поднимающейся из затемнённой воды памяти глыбы истинного знания о действительной жизни.

5. Расстрел в Нью-Прайсе

«...демоны, потерявшие себя и не имеющие разума, занимаются ужасной, вредной деятельностью, направленной на разрушение мира». Бхагавад-Гита

* * *

Тоска, охватившая Барта Эриксона в день происшествия с Лераном, не оставляла его. Мучили вопросы. Кто стоит за попыткой похищения? Есть ли гарантия от повторения? Причина непонятна, объяснить её нельзя. И ведь ясно, что не случайность. Поводом, точнее, – ускорителем неприятностей, – послужили телепередачи о Фэтоне. Талант Майкла Крамова сделал необычное, легко запоминающееся лицо Лерана Кронина известным всему побережью. И, можно быть уверенным, теперь его знают далеко за пределами округа. Но кому нужен молодой, удачно начавший карьеру на телевидении сын рыбака?

Мерседес похитителей не нашли, его номера нигде не зарегистрированы. Эриксон ожидал чего-то подобного. Рано или поздно. Лучше бы случилось попозже. Слишком юн Леран, слишком плохо знает людей. И не представляет, как неприглядна изнанка царящей в городе жизни. Жестокость, превосходящая звериную; жадность, не знающая насыщения...

Барт Эриксон с Ирвином Крониным допустили ошибку. Не надо было оберегать Лерана от скверны мира, а сразу сдёрнуть маскирующие покрывала, показать отвратительные внутренности людского сообщества. Одно дело, – воспитание средствами массовой информации, где хроника людской суеты так же далека от истины, как сказка о добрых и злых людях. Совсем другое, – слово близких людей, познавших эту трагическую хронику вблизи и на себе.

Кровь, пролитая на экране, – не кровь человеческая, имеющая имя, а нечто абстрактное. Зло гнездится не в речи телеведущего, а на улицах и в домах, прикрытых искусственным светом и ложными красками ночи.

Леран до последнего времени не представлял себе всего этого, считая всех людей более-менее хорошими, выделяя среди них лучших и не подозревая о многочисленных худших.

Вот и началось. Как-то продолжится?

С такими непростыми мыслями Эриксон вернулся домой. Вид Лерана, потерявшего часть окаменелости, несколько успокоил. Они просидели до полуночи за чаем, в разговорах о том, о чём раньше говорили так мало.

Эриксон не удивлялся скорости и глубине ума Лерана, убеждаясь, что его брату и другу нужен учитель мудрее и опытнее, чем он сам. Но где найти такого? И, – снова открытие, – его начал пугать взгляд Лерана, по-прежнему искренний, но ставший в один день совсем другим. Пряталось в золотой глубине что-то ненормально чужое, тяжело превосходящее обычное людское. Не оно ли, прячущееся в тайниках души и сердца, ещё не познавших самих себя, не оно ли притягивает к нему неизвестное зло?

Редкий случай: после чаепития Леран уснул сном ребёнка. Барт у окна, мучимый бессонницей, разглядывал созвездия, изучить которые так и не удосужился. Сколько сумел успеть Леран за несколько лет, разобрался и в этой премудрости. Мог бы преподавать математику и астрономию в школе Нью-Прайса. Но от назначенного нигде не спрячешься.

Барт ждал утра, чтобы отыскать Сириус. Не зная, что этой ночью его собственная, начавшая было разгораться, звезда покатила с небосклона к нижним слоям земной бездны.

В пять утра телефонный звонок ударом невидимого ножа раскрыл его судьбу на трудное восхождение к лучшему и мучительное падение к подножию жизненных высот. Первое внезапно закончилось, второе вдруг открыло зияющие мраком объятия. Лезвие ножа воплотилось в голосе комиссара полиции Сент-Себастьяна Эрнеста Мартина.

С запоздалой горечью осознал Барт Эриксон, что оплошал и на этот раз. Но на этот раз непоправимо и непростительно. Ещё вчера он мог поднять всех кого можно и кого нельзя. Мог просчитать все варианты за тех, кто носит маску. Мог, наконец, наглотаться до смерти наркотиков, но добиться просветления. И не допустить того, что произошло в предрасветный час в Нью-Прайсе. Кто более наивен, беспечен и ненадёжен, чем он, заурядный журналист, надевший на себя чужую тогу наставника!?

Он разбудил Лерана и не своим голосом сообщил о несчастье в рыбацком посёлке. И жутко поразился видом бесчувственного каменного лица. Маска актёра японского театра! Лживый, пусть и невидимый, толстый слой цветных белил и румян съели человеческий лик Лерана: ни горя в нём, ни сожаления. А ведь догадался обо всём, хотя Барт и не назвал имён. И если бы Барт не понимал сейчас собственного ничтожества, то крикнул бы во весь голос: «Человек ты или что?»

Нет на Земле инопланетян, что бы о них ни говорили и ни писали. Нет зелёных человечков. Если и был кто-то когда-то, то растворился в человеческой всё ассимилирующей ассенизационной массе, оставив от себя пустые мифы и легенды, не поддающиеся разгадке. А сегодня и время мифов закончилось.

– Подробности мне неизвестны, – запуская двигатель, заставил себя говорить Эриксон, – Мартин с бригадой из отдела убийств на месте. Нам с тобой надо быть готовыми к самому страшному. Кронины, – не только твоя, но и моя семья. Боюсь, сегодня я негоден для роли старшего брата...

Дорога пролетела в свистящем молчании. Тёплый воздух, насыщенный дурным запахом гниющего моря, теснил грудь отравленной безысходностью.

Гасли обманувшие Землю звёзды, бледнели лучи фар. Давно поднялся Сириус, острой подгоняющей иглой вонзившись в спину.

Шум моря, безмолвные дома, однобоко розовые и посторонние...

Этого утра они не хотели оба, но оно поднялось и накрыло их против воли у дома Крониных падающей колесницей Гелиоса. У дома Крониных мигали слетевшие с неба синие и красные звёзды, – скоро они взорвутся сверхновыми. Рядом, – спокойная желтизна огней скорой помощи и службы «911». Рядом, – тихая, запоздало сочувствующая толпа соседей. Перед ней, – жёлтая лента ограждения, след разделяющего судьбу лезвия.

Барт поднял голову к небу: звёзд уже не осталось, и Сириус покинул дом видимости. Вместо них, – шерифские звёзды, блеск мишуры на фуражках.

Он остановил машину у ограждения, открыл дверцу и остался сидеть. Леран тоже не шевелился, его глаза были устремлены к дверям родного дома. К тому, что осталось от дверей.

Впервые их никто не встречал.

«Дом придётся восстанавливать, – мелькнула в голове Барта шальная мысль, – В копеечку влетит».

Ослепшие окна без рам. Прошитые насквозь стены. У крыльца куски стекла, дерева, штукатурки...

Из разбитой двери появился Мартин, увидел машину Эриксона, быстрым шагом подошёл и наклонился.

– Выходите. Ждать некого. Леда жива и невредима, она в доме. Вначале вам надо к машине «скорой», отец ещё жив. Его готовят к переезду в Сент-Себастьян. Больница предупреждена.

О Марии Эрнест не упомянул, тем внеся ясность.

– Барт, встряхнись. Помоги Лерану, – Мартин сжал пальцами плечо Эриксона.

Эриксон кивнул.

– Пошли, Леран. Отец...

К машине скорой помощи надо было идти мимо фургона службы «911» с распахнутыми дверцами. Леран потянулся к телу, закрытому простыней; рядом двое готовили целлофановый мешок. Барт схватил Лерана за локоть и рванул за собой. Они поднялись в салон скорой помощи.

Ирвин лежал без сознания, в горле у него хрипело. Капельница, стимулятор сердца, аппарат искусственного дыхания... Врач с ассистентом...

Они вышли, и Барт сказал:

– Леран, я остаюсь с отцом. Поеду с ними. Тебе нужно в дом, Леда одна.

Леран оглянулся на врача с ассистентом, потом сделал шаг к фургону с цифрой «911» на борту, но по сигналу Мартина двери машины захлопнулись и она рванула с места, обдав сухими струями ноги Лерана. Он немного постоял, стряхнул песчинки с ботинок и спокойным твёрдым шагом направился к дому.

Леда сжалась комочком в углу своей комнаты. Бледное лицо, остановившиеся бессмысленные глаза... Рядом, – женщина в белом халате со шприцем в руках.

– Леда! – Леран присел перед ней на корточки, сжал её холодные руки.

Она не шевельнулась, выражение глаз не изменилось.

– Что с ней? – спросил он врача.

– Стресс. Шок, – она спрятала шприц в чемоданчик, – Она ничего не видит и не слышит. Угрозы для жизни нет, но одну её нельзя оставлять. Побудьте с ней, пока всё не закончится. Кто вы?

– Я её брат.

– Простите, я должна была догадаться. Примите мои соболезнования. Ваша мама... Она спасла вашу сестру, закрыла её собой...

Только теперь Леран увидел, что пол в рыже-красных пятнах, везде раскрошенные стекло, камень, дерево. Внешняя стена зияет пробоинами, в других следы пуль. Ни одного целого предмета.

– Я унесу её в другую комнату, – он поднял Леду на руки, – Здесь нельзя находиться.

Врач согласно кивнула; она сама ещё не овладела собой.

Нетронутой оказалась только кухня, расположенная в глубине дома; через неё Ирвин сделал проход в подсобные помещения. Держа Леду одной рукой, Леран перенёс на кухню сохранившееся целым кресло из гостиной, усадил её, сам присел рядом. Следом вошла женщина в белом, Леран жестом попросил её удалиться, она молча подчинилась. Он сделал несколько безуспешных попыток вернуть Леде способность восприятия. Раза три заглянул комиссар Мартин. Наконец появился Барт Эриксон, с осунувшимся тёмным лицом, горящими больными глазами.

– Как она? – Барт присел рядом, всмотрелся в лицо Леды, – Я вернулся с полпути. Много тяжёлых ран... Он не смог... Но пришёл в сознание, узнал меня. У него была одна просьба, к нам обоим.

– Леда? – молча, одними глазами, спросил Леран.

– Да, – так же ответил Барт.

Вошёл Мартин, задержался взглядом на Леде и сел на табурет. Приложив платок к влажному лицу, сказал:

– Бригада заканчивает осмотр и опрос. В целом картина мне ясна. Вчера вечером со стороны Сент-Себастьяна появился «Мерседес» с тонированными стёклами. Медленно проехал по берегу, на шоссе свернул в направлении Стар-Форта. Рекогносцировку проводили... В четыре утра та же машина без света фар остановилась перед вашим домом. Тут же открыли огонь. Четыре автомата и крупнокалиберный пулемёт, – это был ураган. И кирпич бы не выдержал, а тут – доски... Они знали, что делали. Леду спасло чудо. Через три минуты машина

исчезла. Люди в масках. Операция подготовленная, рассчитанная. Мы перекрыли все дороги округа, аэропорт, море... Федералы обещали поднять свою агентуру. Мы найдём их.

Эриксон вздохнул и сказал:

– Эрнест, тебе надо связаться с полицейским участком морского порта. Похоже, люди те же, – он рассказал о нападении на Лерана, – У них наручники, могут остаться отпечатки. Есть свидетели.

Мартин поднялся и вышел. Вернулся он через несколько минут.

– Наверное, ты прав, Барт. Одинаковый почерк, приметы, транспорт. Мы ещё поговорим об этом сегодня. А теперь пора. Надо ехать.

Барт посмотрел на Лерана. Тот разомкнул застывшие губы и глухо произнёс:

– Леду забираем с собой, Барт?

– Как же иначе! – отозвался Эриксон.

– Я их отвезу, – вмешался Мартин, взяв Барта за предплечье, – Тебе придётся остаться. Надо продумать и решить всё, что положено... Я вернусь часа через три. Экспертиза к тому времени закончится, я привезу Ирвина и Марию. Несмотря ни на что, жизнь продолжается...

– Им теперь всё равно, – сказал Леран, подняв Леду на руки, – Барт, сделай всё без меня...

Леран снова натянул свою отвратительную маску. И к Барту вернулась пронзающая раздражённая мысль–вопрос: «Кто же ты такой, Леран Кронин?» Он тут же отогнал её, не подчинившись неправоте обиды. Во всём мире с этого утра только один Эриксон знал тайну появления Лерана в семье Крониных. Леда была не в счёт. Ирвин и Мария унесли знание с собой в иной мир. О просьбе Ирвина, пришедшего в сознание по дороге из Нью-Прайса в Сент-Себастьян, – хранить эту тайну, – Барт никому не мог сказать. Ведь Ирвин, получивший одновременно несколько смертельных ран, вырвал у смерти несколько часов только затем, чтобы напомнить Барту Эриксону о Леране и Леде. Ирвин оставил его на Земле за себя. А врач скорой признался, что не понимает, каким чудом жизнь ещё тлеет в изрешечённом теле. Для любого одной только пули, пробившей сердце, было бы сверхдостаточно. С таким организмом Ирвин Кронин мог бы прожить ещё не меньше пятидесяти лет.

Шум моря утихал, начинался отлив, обнажая сырой песок и редкие чёрные камни с копами волос престарелых русалок.

Лучи солнца осветили Лерана, прижавшуюся к нему Леду. Одинаково красная кожа... Наследие предков Ирвина. Брат и сестра... Если бы не такая разница в цвете глаз и волос! Порыв ветра смешал алое золото Лерана с красной чернотой Леды, она открыла глаза, они вспыхнули холодящей синью, но не узнали Эриксона. Что она ощущает, больно ли ей?

– Эрнест, я уверен, объект интереса, – Леран, – сказал Эриксон Мартину у полицейского джипа, – Всё началось после обретения им популярности.

– Крамова нет, прячется в своих горах, и сообщить некуда, – отозвался Мартин, наблюдая, как Леран устраивает Леду на заднее сиденье, – С его лёгкой руки лицо Лерана пошло в тираж. Ты знаешь, я не доверяю никому. Кроме тебя. Ты уверен, что Майклом руководил чисто художественный интерес?

– Нет, на предательство Майкл не способен. А идея его родилась при нас, по просьбе Лерана. Портрет он увёз с собой на Тибет. Да и кто мог его использовать?!

– Ну пока, Барт. У тебя часа три-четыре. Подготовь всё, не нужно тянуть с ритуалами. Соседи тебе помогут, я говорил с ними.

Джип Мартина пошёл впереди, следом за ним на двух длинных «Мерседесах» бригада по расследованию убийств. Трепетала жёлтым сигналом на ветру забытая лента ограждения места происшествия, дом смотрел безглазо тупо, как изъеденный ржавыми червями череп.

На Барта Эриксона навалился кошмар подготовки к похоронам и приведения в порядок окровавленных стен и полов. С чего было начинать и чем продолжать? Пришла на помощь сопереживающая толпа. Она вытолкнула из своей отстранённо инертной массы людей: знако-

мых и незнакомых жён рыбаков–соседей. Одна из них, увидев растерянную неопытность Барта, взяла руководство на себя. Он передал ей все наличные деньги, а сам принялся мести скрипящие и хрустящие половицы.

К вечеру вернулся Мартин на синем «Мерседесе» полицейского управления, без мигалок и с обычными номерами. Высадив комиссара, машина умчалась в сторону Стар-Форта.

– Как ты, Барт?

– Порядок, – он показал рукой на женщин, выносивших ведрами мусор из дома, – Если бы не они, ничего бы не успел. Когда их привезут?

– Машина уже выехала. Скоро будут здесь.

– Мне посоветовали подождать до завтра. Но я отказался. Проведём похороны сразу.

– Верно. Обряды придуманы людьми. Людям их и менять. Пойдём в твою машину. Я привёз с собой кое-что.

Барт увидел висящий в руке Эрнеста большой полиэтиленовый пакет, ярко контрастировавший с нейтральным цветом полицейской формы. Они заняли места на передних сиденьях, Мартин разместил на плоскости у ручки управления коробкой передач пластмассовые тарелки с едой, наполнил стаканы.

– Держи. Русская водка. Лучший напиток для таких дней. Впрочем, не тебя учить. Давай. За упокой невинных душ... Не свой удар они приняли на себя.

Барт не заметил вкуса водки и повторил дозу. Со второго раза желудок обожгло и он вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего чаепития с Лераном. Мартин подождал, пока Эриксон утолит голод и попросил:

– Расскажи мне о Леране Кронине. Того, что я знаю, недостаточно.

Барт понял, что Эрнест с ним согласился: путь к убийцам Крониных пролегает через пространство-время Лерана.

– И ещё я не знаю, надо ли мне разбираться с его прошлым. Ведь он в Нью-Прайс приехал несколько лет назад? Я ведь тогда просто поверил твоим словам...

– Ирвин рассказывал, что его воспитывало индейское племя навахо. Оттуда родом сам Ирвин. Убеждён, что этот период его жизни полиции будет неинтересен. Закрой эту тему, Эрнест.

– Хорошо. Пусть будет так. Ясно, что в деле нет индейской руки. Но Леран Кронин, – личность непростая. Многие им интересуются, всем он нужен... Зачем? Пусть пока он, – глина. Но из такого материала можно вылепить и ангела, и чёрта. Весь вопрос, – кому нужны такие неординарные люди. И для чего. Профессиональное чутьё подсказывает: мы столкнулись с серьёзной организацией. Расстрел Крониных нелогичен, не понимаю я мотивов. Если им нужен мальчик, они всё равно взяли бы его. Зачем же семью уничтожать?

– Следствие неудачного похищения. Своеобразное последнее предупреждение, – хмуро произнёс Барт, – Такое возможно?

– Уверен, они действуют по сценарию. Знать интерес, – можно и прогноз какой-то сделать. И поиск вести целенаправленно. А так...

Эриксон подумал, как трудно ему будет сдержать обещание, данное Ирвину. А вот Лерану, – придёт такой день, – он раскроется. Эрнест прав: пусть уже не мальчик, – но ещё глина не созревшая. И на нём теперь задача придания ей формы.

– Знаешь, Эрнест, давай перенесём разговор об этом, и о Леране, в Сент-Себастьян. На ночь. Всё равно она будет без сна. С ума можно сойти...

Возвращение домой пришлось отложить на неопределённое время. После завершения прощальных хлопот они вдвоём устроились на кухне дома Крониных. Мартин выразил сожаление, что привёз с собой мало водки, Эриксон извлёк из холодильника литровую бутылку.

– Что это?

– Продукт производства Марии. Ирвин любил угощать меня этим. Теперь ко времени.

В коптильне и в бочках нашлось много готовой к употреблению рыбы разных видов, стол их приобрёл эстетическую законченность. Если бы не осиротевший полуразрушенный дом и причина, приведшая к тому, Мартин мог бы заявить, что ради такого простого застолья вдали от города он готов не спать неделю.

– Крепость превышает мои привычки, – заметил комиссар, отпив глоток, – Но вкус приятен.

– Лучше всего того, что мы употребляем по случаю и без в барах и ресторанах Сент-Себастьяна. Теперь и этому пришёл конец. Как и всему прочему в нашем не лучшем мире, – с грустью заключил Эриксон.

– Что ж, посидим часок. Тебе надо отдохнуть, Барт. Никогда таким тебя не видел. Как призрак из склепа. Встряхнись, мы же не девочки!

Приглушённо прозвучал звонок, Мартин вытащил из внутреннего кармана куртки мобильный телефон.

– Комиссар Мартин. Говорите! – выслушав доклад, он резко повернулся к Барту, – Как с горючим в твоей машине?

Барт сказал, что больше половины бака.

– Обнаружен похожий «Мерседес». Пока я уточняю координаты, готовь машину. Мы должны успеть.

Эриксон завёл машину, проверил свет. Появился Мартин с телефоном у головы.

– Пересядь, Барт. Машину поведу я.

Эриксон занял соседнее сиденье.

– Их засекли на подходе к Стар-Форту в двадцати милях. Мы там организовали заградительный пост. Другой дороги нет. Мерседес развернулся в обратном направлении. Они стремятся вырваться из нашей зоны, обойдя Сент-Себастьян по окружной, далее к Мэн-Сити. Если мы их не перехватим сейчас, дальше будет сложнее.

– Куда мы едем?

– Через полчаса они пройдут здесь, мимо Нью-Прайса. Мы их будем ждать между посёлком и городом. Есть там удобное место. Я дал команду, все ближние патрульные машины придут через десять–двадцать минут. Сделаем заслон, перекроем обратный путь. Им никуда не деться, Барт, мы возьмём преступников.

– А если они бросят машину у Нью-Прайса и попытаются скрыться пешком?

– Их держит мой заместитель, в свете фар.

– Это та синяя, с обычными городскими номерами? На которой ты приехал?

– Да. Я как знал, что они устремятся на север, через Стар-Форт. Наверняка у них там кто-то есть.

– В Стар-Форте? На базе военно-морских сил?

– Что тут удивительного? Наши военные внутри все мафиози. Ты бы посмотрел нашу статистику!

– А полиция?

– О полиции пока не будем, Барт. Я ведь тоже из полиции. Но если у тех и есть осведомитель в нашем управлении, он ничего не успеет. Мои ребята стараются засечь их волну в радиодиапазоне, но пока безуспешно. А я уверен, они поддерживают постоянную связь.

На шоссе Мартин развил такую скорость, что Эриксон перестал смотреть на спидометр.

– А она у тебя хоть куда. Ведь машине больше пяти лет? У какого колдуна-механика ты в такой чести?

– Я стараюсь не гонять. Обращаюсь с техникой соответственно.

– Мудро. Колёса погубят людей.

– Странная сегодня ночь. Ни одной встречной.

– Дорога заблокирована. В пятнадцати милях от Сент-Себастьяна пробка уже на пять миль длиной. У Стар-Форта поменьше, но тоже... Завтра будет миллион жалоб.

– Сегодня, Эрнест. Всё будет сегодня.

– Пусть сегодня. А вот и моя команда. Берём управление в свои руки.

Фары эриксоновского «Бьюика» осветили впереди зебру шлагбаума. Завизжали колёса по сопротивляющемуся асфальту, Мартин трижды мигнул дальним светом. От ближайшей машины подбежал полицейский в каске и бронежилете, поднял зебру, свернул метровой ширины участок резиновой ленты в колючках, перекрывшей дорожную полосу. Как только они проехали, полицейский восстановил заграждение.

– Здесь мы их и возьмём.

– Хорошо бы живыми, – попросил Барт.

– Постараемся. Но как уж получится. Отведи, Барт, машину за пределы нашей зоны. И жди меня там. И никаких инициатив, – людей тут достаточно.

Эриксон поставил «Бьюик» позади второй линии полицейских машин, вышел на воздух. На месте Луны, – острый узенький серпик, его не хватало для приличного освещения. Звёзды горели слишком высоко. А залитый огнями Сент-Себастьян угадывался слабым заревом за ночным горизонтом.

С обеих сторон дороги около двадцати автомобилей, все с зажжёнными фарами, полоса асфальта тянулась ослепительно белой искрящейся лентой, обрываясь в черноте через тридцать метров, – здесь дорога делала крутой поворот. Где-то там замерла в кюветах группа захвата. Он посмотрел на часы: между полночью и рассветом. И увидел, как крутнулись высокие звёзды над головой, увлекая за собой. Чтобы не упасть у машины, Барт схватился за открытую дверцу, переставил левую ногу и, не успев коснуться сиденья, выключился.

В ту же секунду Мартин поймал взглядом выезжающий на освещённую полосу чёрный «Мерседес» и взял в руки микрофон громкоговорителя. Водитель «Мерседеса», выскочив из крутого поворота в световой коридор и увидев перед собой шлагбаум, а за ним два десятка полицейских машин, ударил по тормозам.

Слева горы, справа песчаные пологие холмы, пройти через которые можно только на вездеходе. Позади группа захвата уже установила вторую ленту ежа. Чёрный «Мерседес» медленно покатиł вперёд; преступники оценивали изменение ситуации.

Мартин через громкоговоритель приказал выйти из машины и лечь на асфальт, предупредив, что в случае невыполнения распоряжения будет дан приказ на уничтожение. Видимо, в «Мерседесе» поняли, что выскочить из ловушки не удастся, и автомобиль замер в двадцати метрах от первой линии заграждений.

Далее случилось непредвиденное. Над «Мерседесом» вырос огненный столб, гром взрыва больно грохнул по барабанным перепонкам.

Барта не смог разбудить и взрыв. Ногами наружу, он лежал ничком на переднем сидении.

Плюнув в ожесточённом расстройстве себе под ноги, Мартин скомандовал собрать все огнетушители к горящему «Мерседесу». Огонь удалось сбить через несколько минут.

Группа детективов-экспертов под светом фар занялась разборкой того, что осталось от металла, пластмассы и живой плоти.

– Камикадзе, комиссар? – спросил у Мартина подошедший к нему детектив с опалённым жаром лицом.

– Не думаю, – зло и жёстко ответил Мартин, – Уверен, они не помышляли о смерти до самого её прихода.

Ему не хотелось расставаться с надеждой, что уже сегодня узнает имена организаторов расстрела в Нью-Прайсе.

К рассвету кое-что прояснилось. Обнаружили остатки взрывного радиоуправляемого устройства, «зашифрованного» в днище «Мерседеса» и мощной радиостанции, находившейся в

момент взрыва в рабочем режиме. Кто-то, пребывающий вне пределов досягаемости, понял, что исполнители оказались в руках полиции, и нажал кнопку, уничтожая пути к себе.

Пять обгоревших до полной неузнаваемости трупов запаковали в пластиковые мешки и просеяли всё то, что осталось в салоне.

Несколько автоматов «Томпсон», армейский пулемёт. Патроны не успели взорваться, иначе фейерверк задел бы и полицейских. И ничего больше.

Мартин приказал проверить залитые жирным пеплом внутренности машины ещё раз. И под правым передним сиденьем обнаружили металлический контейнер, содержимое которого немного успокоило комиссара. Пачки сто долларовых купюр, крошащихся от прикосновения. Под ними, – армейский планшет-сумка.

При свете встающего солнца Мартин с предельной осторожностью извлёк содержимое сумки. Высокая температура за короткое время успела обуглить листы, но кое-что осталось нетронутым.

Карта побережья сохранилась почти вся. Но на ней никаких видимых знаков. Под картой – кусочек плана городских кварталов; Мартин всмотрелся и понял, – это не Сент-Себастьян. Самой любопытной и обещающей находкой был лист пергамента с перечнем фамилий и адресов.

Первым значилось имя Лерана Кронина, заключённое в красную рамку.

Тут же адрес в Нью-Прайсе, в Сент-Себастьяне, место работы. Ниже: Ирвин и Мария Кронины... За ними, – Барт Эриксон, краткая справка о журналисте.

Мартин поднёс фонарик ближе: знакомых имён больше не было. Вернулся к информации о Барте. Тут значились адреса и старой, и новой его квартиры. С вечера у него дома Леран с Ледой, в ожидании хозяина.

Требовались срочные превентивные меры.

Поручив заместителю закончить осмотр, составить протокол и доложить ему результаты экспертизы тотчас, Мартин направился к Эриксону и застал его спящим в крайне неудобной позе. С трудом разбудив журналиста, не ведающего, что он занесён в проскрипционный список, Мартин сел за руль старенького «Бьюика», и в сопровождении полицейской машины с двумя детективами, на высшей передаче устремился в Сент-Себастьян. Следовало торопиться.

– Всех взяли? – придя в себя, спросил Барт.

– Всех. Да не мы, – пробормотал комиссар, объезжая колонну автомобилей, растянувшуюся на несколько миль.

Узнав подробности происшедшего за время его сна, Эриксон нахмурился и до самой квартиры не произнёс ни слова.

Леда спала на кровати Лерана, сам он застыл у окна, не пошевелившись при появлении Барта и Эрнеста с полицейскими. Детективы проверили квартиру, но ничего подозрительного не обнаружили. Мартин оставил одного на лестничной клетке, другого у подъезда.

– Ребята, нам надо поговорить. Заодно и позавтракать, – скомандовал Мартин, – Леран, быстро на стол всё, что у вас имеется.

Только сейчас Кронин-младший встрепенулся, и через две минуты они сидели в комнате Барта за передвижным столиком.

– Как мать и отец? – спокойно, словно ничего и не случилось за сутки, спросил Леран.

– Я... Мы простились с ними. Они остались в Нью-Прайсе, – сообщил Барт, с трудом разжёвывая кусочек копчёной рыбы, которая ещё хранила следы тёплых рук Ирвина и Марии.

По глазам Лерана он увидел, что тот всё понял. Но Мартин смотрел на Эриксона вопрошающе-непонимающе.

– Всё в порядке, Эрнест, – догадался о причине молчаливого вопроса Барт, – С ним всё в порядке. Просто он не такой, как мы. Он другой.

– Вам придётся сменить квартиру. Об охране в студии мы позаботимся, – произнёс Мартин, задумчиво глядя в ничего не выражающее лицо Лерана, – На первое время это необходимо. Пока не разберёмся...

Эриксон ничего не сказал на это и спросил Лерана:

– Как поступим с сестрой?

– Леда останется со мной. С нами, – решительно сказал Леран, – Ей плохо.

– Посмею не согласиться, – вмешался Мартин, – Психика вашей сестры под угрозой. Без психотерапевтического вмешательства не обойтись. Нужен стационар со всем набором средств и препаратов. В городе имеется приличная, хоть и небольшая, женская психиатрическая клиника. Я неплохо знаю мисс Кейт, управляющую клиникой. Лия ей доверяет. В условиях клиники и безопасность легче обеспечить.

– Зачем теперь безопасность? – вяло спросил Барт.

– Теперь-то всё и начинается, Барт. Или ты хочешь очередных жертв? Леда, ты, Леран наконец. В списке ещё несколько человек.

Барт молча кивнул. Ему уже не хотелось ни есть, ни спать. Он думал о том, почему не захватил из холодильника Крониных в Нью-Прайсе пару бутылок фирменной жидкости Марии.

Леран вдруг весь встrepенулся, напрягшиеся мышцы проступили через рубашку выпуклыми буграми.

– Ответьте мне, почему на Земле бесправие и беззаконие стали главными законами? Если б люди знали до рождения, что их ожидает, мало кто согласился бы на появление в этом мире.

– В такое время живём, Леран, – отозвался Мартин, внимательно наблюдая за метаморфозой, – Никто не гарантирован от бед и несчастий. А заслужили или нет, – откуда нам знать?

– Общие слова! – воскликнул Леран, – Зачем созданы государство и полиция, если они бесполезны? Зачем люди гонятся за долларом, если внутри нет ничего? Разум не нужен никому. Неужели так было всегда и так будет? Ведь в таком случае история бессмысленна. Кипение живого вещества... Люди, – не разумные существа, они занимают на Земле не своё место!

– Не разумные? – не удивился Мартин, – Может быть. Но чьё место? И все ли неразумны?

– Не все, – уже менее агрессивно ответил Леран, – Но исключений так мало. А чьё место – я не знаю. Ведь это никому не интересно.

– Не будем сейчас спорить, – примирительно и успокаивающе заметил Мартин, – Давайте определимся с первыми шагами, а потом всем отдыхать. Охрану я оставляю, можете быть спокойны. Если не за себя, то за сестру... Сон и ещё раз сон!

При слове «сон» Леран вздрогнул. Ещё одна тайна, которой он не сможет поделиться с Бартом. За ночь он трижды пытался снять внутреннее напряжение сном, но каждый раз просыпался через минуту. Только он проваливался в забытё, как перед ним вставала одна и та же картина. Красочная, во всех деталях, реальная как жизнь. Но чья жизнь? Откуда в нём то, чему нет аналогий на Земле? Лик золотоволосого старца не встревожил его, только заставил задуматься. Но сон!..

Он – верховный вождь целой планеты. Это не Земля. Он вождь и учёный. Вокруг него цветные прозрачные трубопроводы, непонятные приборы... Он занимается каким-то химическим процессом, но мысли далеки от опыта. Только что к нему поступило сообщение: на соседней планете зверски убит посол его планеты. Вместе с семьёй.

На душе горько и тягостно: посол с лицом Ирвина Кронина. С ним были Мария и Леда.

Тут он просыпается в беззвучном крике. Чей это сон? Или чья жизнь?

6. Трилистник в небе

Проходящее уходит по-разному: или по-европейски, незаметно, так что и следа не остаётся, или по-восточному, сохраняясь в малых движениях души и сердца, меняя при случае весь уклад жизни.

Дом Крониных в Нью-Прайсе, нежилой, неизвестно зачем и для кого законсервированный, застыл немой печатью на опустошённом колодце продолжающейся жизни. Барт с Лераном лишь раз посетили могилы, рассыпав над ними оторванные от корней, умирающие цветы. Леран больше не заговаривал о прошлом, будто вычеркнул или стёр годы из свитка своей судьбы. Он совсем перестал спать, уйдя в круглосуточный труд. Только еженедельные визиты к Леде позволяли предположить, что он живой человек, с памятью и привязанностями.

Барт ожидал перемен, не сомневался, что в Леране идут какие-то скрытые процессы, создающие кого-то другого, не похожего на юного Кронина. Внешне он оставался прежним, лишь на смену знаменитой красной ленточке, охватывающей золотой волос через лоб, пришла чёрная. От Ирвина Леран оставил себе деревянный медальон в виде двух сплетённых змеек, имеющий древнее индейское происхождение. Леде он передал единственное украшение Марии: браслет из такого же потемневшего дерева, с врезанными в него жемчужинами, подаренными той в разное время Лераном.

Мартин определил Леду в клинику под другим именем, её встречи с братом и Эриксоном проходили в обстановке секретности; комиссар всё ещё опасался продолжения незавершённой охоты. Леда никого не узнавала и действовала точно кукла, созданная искусным мастером по образу и подобию прежней Леды Крониной.

От очередной смены квартиры Эриксон по настоянию Лерана отказался.

– Барт, нам вдвоём ничто не грозит. Я научился предчувствовать опасность.

Эриксон поверил ему безоговорочно, как поверил бы человеку, умудрённому превосходным опытом жизни, знающему и умеющему то, чего сам Эриксон никогда не знал и не умел. И едва ли этому всему научится за оставшиеся ему годы, сколько бы их не было ему отпущено.

Мартин известия Эриксона о новых способностях и возможностях Лерана воспринимал снисходительно, но открытого скептицизма не выказывал. Его интересовало одно: когда и кому юный Кронин перешёл дорогу.

Почти месяц оперативно-розыскных мероприятий не принесли заметных плодов. Один из инспекторов вышел было на след преступников. Группа захвата по анонимной наводке обнаружила двух участников нападения на Лерана, но нашла их мёртвыми. При них были и маски, и наручники, идентичные тем самым. Смерть обоих наступила за час до попытки задержания от выстрелов в голову. Неудавшийся захват считался единственным за месяц успехом в работе полиции по делу Крониных.

Мартин признал, что следствие отстаёт от действий невидимого врага. Точнее, враг опережает его и наверняка осведомлён о работе комиссара. Этим объясняется и взрыв «Мерседеса» с группой убийц, и устранение двух свидетелей, и настораживающее затишье вокруг Лерана и Барта.

Леран не возмущался беспомощностью полиции. Только однажды спокойно заметил Мартину, что слуги закона практически бессильны перед лицом скрытого зла, и что добро на Земле плетётся далеко позади, отставая от зла по силе и прочему навсегда. И сказал, что сочувствует комиссару, вынужденному заниматься никому не полезным делом.

Барт видел, что Леран ищет выход внутри себя, мучительно и целеустремлённо. Он очень активно взялся за изучение религиозных текстов, пытаясь отыскать в них ответ на причины происшедшего и происходящего.

Эриксону не надо было думать, чем отвлечь Лерана, он и себе не оставлял и минуты свободной. И так выматывался, что рано ложился спать, спал до утра без сновидений, но отдохнуть не успевал. Просыпался охваченный усталостью, приходилось начинать день со спиртного.

Редкие ночи Леран проводил дома. Тогда он закрывался в своей комнате и не выходил из неё до утра. В отличие от Барта выглядел он всегда здоровым и свежим, черпая энергию из неизвестных внутренних источников.

Если б Барт и видел, чем занимается его названный брат наедине, то едва ли счёл бы возможным вмешаться. Ему оставалось догадываться и ждать. К тому же отношения между ними теперь строились Лераном, и строились по иным, не прежним правилам. Он сам определил и точно выдерживал дистанцию, не допуская Барта в тайники своей души. Не стало былой откровенности. Оставаясь старшим братом, Эриксон ощущал себя отчимом, заменившим любимого отца.

Почувствовав отчуждение Лерана, комиссар Мартин стал встречаться с Эриксоном вне его квартиры и работы.

– Ты сопьёшься, Барт, – как-то озабоченно сказал Эрнест, – Тебя грызёт чувство вины, но её нет, ты сам её придумал. Или ты первый, кто попадает в такие передрыги? Ради всего святого, возьми себя в руки!

– Где оно, святое, Эрнест? – печально спросил Эриксон, – Корысть, измена и злоба окружают нас снаружи и изнутри. Впереди, – пусто, друг мой...

* * *

Выпуск тележурнала «Мир и наука» под редакцией Лерана Кронина продолжался, но уже без того горения и увлечённости, без стремления всколыхнуть умы людей. И, естественно, сошёл почти на нет интерес к нему. Поток писем иссяк, а Геб Уоррен подумывал, что пора вернуть журнал в субботние рамки.

Что же происходило с самим Лераном?

Озадаченный проявлениями в сознании и памяти непонятного и загадочного, после безуспешных попыток разбудить своё забытое прошлое, он занялся техникой медитации. Как и всё, за что он брался, она далась ему без усилий. Во время одного из сеансов он сделал вывод: лицо Старца, – так он его назвал, – хранится в нём самом, оно отпечаток его собственного прошлого. След удивительный, живущий самостоятельной жизнью. Вторым выводом стало важное открытие: его всё усиливающееся отличие от массы людей вовсе не ущербность, не следствие детской болезни или недоразвитости, а наоборот, – проявление присущих его личности исключительных качеств.

Следующим шагом стало стремление раскрыть эти качества для самого себя, понять себя как человека. Стремление это, соединённое с сеансами медитации, быстро принесло результаты, которые можно было считать неожиданными и выводящими на некую новую ступень в его развитии. А в том, что он растёт, развивается, что ещё не стал по-настоящему взрослым и самостоятельным, Леран не сомневался.

Вначале он увидел искры, отлетающие из кончиков пальцев. Он научился превращать искры в светящиеся нити, управлять ими. Лучистая энергия, исторгаемая его руками, могла не только освещать, но и жечь бумагу или дерево, проделывать отверстия в стекле и бетоне стен. Это было интересно и вызывало всё новые проверки–опыты.

Он научился видеть лицо собеседника, говорящего с ним по телефону, проникать зрением за пределы дверей и даже железобетонных ограждений городских домов.

Понимая, что любой специалист объяснил бы все эти качества, – и то после долгих объективных проверок, – как результат перенесённого психического потрясения, шоковым вскрытием экстрасенсорных возможностей человеческого организма, Леран решил никому ничего

не сообщать, даже Барту. Чтобы хранить множасьи тайны, Лерану пришлось как бы отгородиться от Эриксона. Что было трудно, его тянуло к нему, заменившему отца и мать, посвятившего все свои силы и время ему и Леде. Но иного пути Леран не видел. Нельзя было открываться Барту, пока не разобрался в самом себе.

Вначале он считал себя единственным, исключением в человеческом роду, затем узнал о других носителях экстраординарных способностей и занялся их поиском. Не зная, что Барт в это время занят тем же.

Тем не менее, – пусть много реже, чем раньше, – Леран и Барт преодолевали возникший между ними барьер и говорили как могли откровенно, не касаясь вопросов больших и нежеланных. Однажды в ходе одной такой встречи дома Леран не выдержал и помог Барту зажечь сигарету с помощью светящейся нити, вырвавшейся из кончика его указательного пальца.

Эриксон воспринял невиданный фокус как обычное или привычное явление. Словно он всю жизнь прикуривал не от спички или зажигалки, а от искр, вылетающих из рук Лерана. Потеря способности удивляться сама по себе достойна удивления, но Барт и эту мысль пропустил спокойно. «Что было, то прошло, что будет, – то и будет. Чёрт с ним!» – примерно так он сказал себе, делая затяжку.

– Кто я, Барт? Почему я не знаю ни одного человека, способного на то же? Ты знаешь, я могу в воде находиться столько, сколько захочу... А сегодня я понял, что способен заглянуть внутрь человека, в его мысли. И это не предел. Что со мной происходит? Как всё оценивать, и годится ли обычная мораль для такой оценки?

Шквал вопросов, за которыми новый Леран.

– Я знаю меньше тебя. Ты во многом перерос меня. Что и радует, и беспокоит. В одном я с тобой един, – в твоей тяге к религии...

– Ты единственный из людей, кто знает меня. Я не хочу стать объектом всеобщего интереса.

– Я тоже не хочу этого. Достаточно... Когда ты занимался загадками общими, такими как причина гибели ящеров семьдесят миллионов лет назад или гипотезой панспермии, я ещё понимал кое-что...

Леран на минуту загорелся, Барт увидел в нём частичку того, прежнего, увлечённого и стремящегося к пониманию юношу.

– О, Барт, к этим загадкам ещё предстоит вернуться. И к гипотезе панспермии. Вдруг она поможет мне разобраться в самом себе? Ведь никто не знает, как на Земле появился человек. Этой задаче пока не видно решения, сплошь путаница околонуучных домыслов. А вот семена, упавшие с неба, могли бы всё объяснить. Хотя я больше склоняюсь к библейскому варианту.

– Гёте писал...

Барт тускло улыбнулся и продекламировал:

– «Сила красит мужчину, отвага свободного духа?

Рвение к тайне, скажу, красит не меньше его».

– Гёте для меня не авторитет, – без паузы отреагировал Леран.

– Что ж... Резонно. А почему, не секрет?

– Он был человек неверующий. Все его произведения – поэтическое осмысление демонологии. Везде он пишет о богах, об их множественности. Монотеизмом «великий» не страдал.

Эриксон решил не продолжать тему. Он чувствовал усталость и растущее желание сбросить тяжёлый груз. И то, что он не мог сменить их отношения без согласия Лерана, мучило его. Никем не одобряемая роль опекуна надоела, раздражала. Хотя он понимал, – единственное, что удерживает его от окончательного падения в омут алкоголизма и чёрной депрессии, – это необходимость заботы о Леране и Леде, основанная на долге перед Марией и Ирвином.

– Есть возможность уехать из Сент-Себастьяна на время. Помнишь, ты мечтал о поездках, командировках? Не пора ли? Согласен?

– Куда, Барт?

– Мэн-Сити. Начнём с поближе. Начнём завтра. Думаю, самолётом предпочтительней. Ты когда-нибудь летал на самолёте?

– Нет.

– Вот и замечательно. Поработаем там неделю и домой.

– Я согласен.

– Нам надо поднять наш канал. Иначе Геб лишит нас всех честно заработанных привилегий. Что бы ни случилось, работа остаётся. Она, – вечна. Ты знаешь, – Барт при мысли о путешествии из опустылевшего ему Сент-Себастьяна сам воспрял, – Я всю сознательную жизнь стремился достичь хемингуэевского сочетания отдыха и труда. Он как никто мог и развлекаться и работать. У меня не получается. Ты, кажется, читал «Райский сад»?

– Незаконченный роман... Хемингуэй тоже не всё успевал, – Леран полуприкрыл глаза; лицо его стало походить на лицо ламы, дяди Ли; или это просто показалось Барту, – Я помню его слова:

«Постарайся с каждым днём писать лучше, и пусть теперешние невзгоды помогут тебе понять, как подступает первая грусть. Никогда не забывай того, во что верил, и тогда это останется в твоих произведениях и ты ничего не предашь. Работа – твоё единственное будущее».

– Видимо, и у нас такое же будущее, Барт. А что в Мэн-Сити интересует компанию? – после паузы, вызванной хемингуэевским советом, спросил Леран.

Эриксон снял со стены карту региона, разложил лист на столе. Похоже, жизнь возвращалась.

– Собственно, цели две. Я смог заинтриговать Геба. Кроме Мэн-Сити, – о нём позже, – аномальная зона на побережье. Вот тут, к северу, – Барт ткнул пальцем в излом береговой линии, – Она совсем не изучена. Как видишь, получается треугольник: Сент-Себастьян, Мэн-Сити и эта зона – вершины углов. А в Мэн-Сити есть группа парапсихологов, они-то и занимаются данной аномалией. Группа зарегистрирована как официальная организация совсем недавно. Таким образом, материал будет предельно свежий. Рейтинг твоего журнала безнадежно упал. О Фэтоне забывают. Было время, мы получали больше сотни писем в день, десятки звонков. Теперь, кроме Геба, по поводу астероидов никто мне не звонит.

Леран накрыл большим, указательным и безымянным пальцами три точки на карте.

– Треугольник равносторонний. Любопытно...

Барт взял линейку, провёл измерения. Оценка Лерана точна до миллиметра.

– Будем считать предзнаменованием. Счастливым. С утра займёмся подготовкой. А я, извини, Леран, спать... Надо набраться сил.

* * *

Леран осматривал салон самолёта как большой ребёнок новую игрушку. Ослепительная стюардесса... Бокал тоника Лерану, глоток виски Барту... Пристёгнуты ремни, взлёт к далёким редким облакам. Ни испуга, ни восторга на лице Лерана. Вчерашний разговор, подумал Эриксон, всего лишь эпизод, не более. Второго такого впереди может и не случиться. А ведь, если разобраться, у Лерана среди людей остался он один. Леда не в счёт. Врачи убеждены, – вывести её из теперешнего состояния не удастся. Барт неслышно вздохнул.

– Скоро самолёт станет твоим главным транспортом. Осмотришь сверху весь мир. Тебе должно прийти по душе. Летать не может не нравиться.

Леран как-то непонятно улыбнулся, продолжая смотреть в иллюминатор. То ли согласно, то ли иронично. И произнёс так же, с неясным подтекстом:

– Да, самолёт, – вершина мысли, верх прогресса.

– Ты смеёшься?

– Нисколько. Мои чувства не передать словами. В этой машине соединились две стороны человеческого естества. Две единые стороны... И ты их знаешь, Барт.

– Возможно. Но сейчас не понимаю тебя.

– Самолёт... Громаден и сложен. И, – ненадёжен, как и всё, что создаётся людьми. А в самолёте люди. С мыслями, к которым противно прикоснуться. Ненадёжные люди...

– Не слишком ли? Если в нашей с тобой жизни чёрная полоса, то не значит, что и всё кругом столь же черно, – Барт решил отвлечь Лерана от пессимистических суждений, – Обрати внимание, как смотрит на тебя стюардесса. Такой красивой девушки я давно не встречал.

– Барт, хочешь, она подойдёт к нам и скажет всё, что крутится в её красивой головке? Уверен, и тебе станет противно.

Эрос по-прежнему был далёк от Лерана. Вся женская часть телекомпании Габриэля Уоррена страдала от равнодушия Лерана Кронина к противоположному полу. Он выглядел ярым приверженцем секты скопцов. Ни разу Барт не обнаружил в золотых глазах ни искорки влечения. При абсолютном, безупречном мужском здоровье! Одна из странностей, не поддающаяся объяснению. Взгляды стюардессы напрасны. И выворачивать её наизнанку не стоит. Действительно, что, кроме глупостей, в её голове...

А вот заключение о несовместимости прогресса техники с желательным направлением прогресса самого человека, – зрелая мысль, несмотря на её тривиальность. Но прозвучало так, словно под маской неискушённой юности прячется удручённая печальной мудростью старость.

Техника сама по себе не антинравственна, и даже не безнравственна. Она вне морали. В целом едва ли общечеловеческие ценности и технология антагонистичны. Впрочем, проблема дискуссионна.

Барт задумался и почти уснул. И очнулся от того, что в лицо ударил яркий, режущий глаза свет. По салону тонким ровным слоем разлилась белая краска, то ослепительно вспыхивающая, то пригасающая. Неестественно: ведь белого, как и чёрного, цветов свет не несёт в себе, в нём их просто нет. Что за небывалая необычность, как в кошмарном сне!

Он повернул голову: Леран почти прилип к иллюминатору. Эриксон проследовал за его взглядом; увиденное заставило его вздрогнуть. И сразу в уши рванулся шум: всхлипы, крики, сумбурные восклицания, отдельные испуганные фразы...

– Это же тарелка!

– НЛО!

– Конец света...

– Что будет с нами?..

Стюардесса стояла манекеном, с лерановскими расширенными зрачками. Барт снова повернулся к иллюминатору, от которого его отделял мертвенно белый лоб Лерана, разделённый пополам чёрной ленточной полосой. Он посмотрел на часы: самолёт находился на середине пути. Внизу расстился горный массив, не предусматривающий даже аварийной посадки.

Ситуация несомненно критическая. Леран определённо притягивает к себе если не мировое зло, то крупные неприятности. Летающие тарелки лучше разглядывать стоя на твёрдой земле.

Воноваться подобно другим пассажирам у Барта не было оснований: он последние дни не настолько дорожил своей жизнью, чтобы бояться смерти. И потому принял вместе с Лераном рассматривать объект, летящий рядом с их самолётом. В подобных случаях самое мудрое решение: предоставить событиям развиваться естественным путём. И использовать обстановку так, чтобы она принесла хоть какую-то пользу для твоего возможного будущего.

Эриксон поднялся, снял с багажной полки свою сумку, достал видеокамеру и направил её в иллюминатор. Пройдя видеоискателем по лучу, рождающему в салоне белый цвет, он наце-

лился на то, что некоторые пассажиры в панике окрестили тарелкой. До тарелки объекту было далеко.

Святящийся шар, от которого тянулся к самолёту белый расширяющийся луч... Мелькнула дикая мысль: им нужны они, Эриксон и Леран. Поняв, что похищение простых тележурналистов: Эриксона или даже экстравагантного Кронина таким экзотичным способом, – явная бессмыслица, он совершенно успокоился, и принял решение использовать обстановку максимально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.